ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Серия «История. Политология»

№ 3(43)
2015

ISSN 2307-1842

Гуманитарный вектор

Серия «История. Политология»

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию, не возвращаются

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией

Адрес редакции
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35–24–79
факс: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете
http://www.gumvector.com
Подписной индекс журнала в каталоге «Пресса России» ***42407***

Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки www. elibrary. ru

© Забайкальский государственный университет, 2015

Humanitarian Vector

Series History, Political Sciences

Gumanitarnyi Vektor

Seriya Istoriya, Politologiya

Founded in 1997
Quarterly

Founder
FSBEI HPE “Transbaikal State University”

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

The journal
is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the editorial board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the editorial board

Address
672007, Chita, 129 Babushkina St.
Phone: 8 (3022) 35–24–79;
Fax: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site
http://www.gumvector.com
Subscription index of the journal in “Press of Russia” ***42407***

The electronic version of the journal is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library: www. elibrary. ru

© Transbaikal State University, 2015

Гуманитарный вектор

Серия «История. Политология»

Humanitarian Vector

Series History, Political Sciences

Gumanitarnyi Vektor

Seriya Istoriya, Politologiya

Редакционный совет:

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Андре Буржо, доктор социологических наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

Дэн Цзюнь, профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР);

Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония);

Чжен Шупу, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР);

Михаил Иванович Эпов, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия

Выпускающий редактор:

А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия)

Члены редколлегии:

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия),

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия),

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия),

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия),

Масами Изухо, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

Э. А. Арутюнян

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей, освещающих события отечественной и всемирной истории; представлены материалы по археологии, источниковедению и историографии российских и зарубежных авторов, мемуары, рецензии, дискуссионные материалы.

В журнале публикуются результаты научных исследований специалистов по теории, методологии и истории различных отраслей политической науки; результаты прикладных исследований российского и мирового политического процесса, внешнеполитической деятельности, политического, экономического и социального развития государств.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member of the RAS, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Den Tszun, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China);

Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan);

Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China);

Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Editorial Board

Main Handling Editor:

A. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia)

Editorial board members:

M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia)

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Associate Professor (Yekaterinburg, Russia)

S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (St. Petersburg, Russia)

Masami Izukho, Associate Professor, Tokyo Capital University (Tokyo, Japan)

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

E. A. Arutyunyan

The journal is a collection of original and review scientific papers on the national and world history, archeology, source studies and historiography of Russian and foreign authors, memoirs, critical reviews, polemical material.

The journal publishes the results of experts' research in theory, methodology and history of various branches of political science; the results of applied research of Russian and world politics, foreign policy activities, political, economic and social development of states.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Вотинцева Н. А. Развитие туризма в Удмуртии в годы девятой пятилетки (1971–1975) 6
Дамешек Л. М., Плотникова М. М. Бюджетная политика губернского центра Сибири в конце XVIII – начале XIX века 12
Иванов А. А. «… На границе культур»: И. И. Попов в кяхтинской ссылке 22
Кальмина Л. В., Плеханова А. М. Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика 29
Маруев В. А. Из истории геологической разведки месторождений золота в Забайкалье в XIX – начале XX века 36
Савосина Н. Г. Особенности регулирования таможенно-торговых отношений на территории Забайкалья во второй половине XVII века 44

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ахмадулина С. З. Формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX века: исторический анализ и политико-правовой аспект 52
Золотарева В. Ю. Реабилитация инвалидов Великой Отечественной войны в отечественной историографии 57
Ледкова Л. П. Архивные документы по истории сельскохозяйственного образования Забайкалья конца XIX – первой половины XX вв. 66
Мамкина И. Н. Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам 74

ПОЛИТОЛОГИЯ

Быков А. Ю. Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ 83
Виноградова С. М., Панцерев К. А. Гендерный мировой порядок: проблемы и перспективы формирования 90
Ильченко С. Н. Фейк как политический формат в современной медиасреде 98
Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Политический текст в условиях коммуникативной трансгрессии 102
Никонов С. Б. Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами 109

ОТОЗВАНО

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Жамбалова С. Г., Суворова А. С. Этапы трансформации похоронной обрядности сельских бурят в советское время 115
Полянская О. Н. Преподаватели синодальных учебных заведений России у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822–1865) 126
Солтанов М. Д.-О. Об исторических и религиозно-мифологических личных именах в ашугском творчестве 133

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Даренский В. Ю. Русский патриотизм и «русофобия» как детерминанты политической культуры (экзистенциальный аспект) 138

HUMANITARIAN
Vector

CONTENTS

REGIONAL HISTORY OF RUSSIA

Votintseva N. A. Tourism Development in Udmurtia over the Period of the 9th Five-Year Plan (1971–1975) 6
Dameshek L. M., Plotnikova M. M. Fiscal Policy of Siberian Provincial Center (Late XVIII – Early XIX Centuries) 12
Ivanov A. A. "… On culture border": I. I. Popov in Kyakhta exile 22
Kal'mina L. V., Plekhanova A. M. Gold Mining in Western Transbaikalia in 1880–1920: Regional Specific Features 29
Maruev V. A. From the History of Geological Exploration of Gold Deposits in Transbaikalia in the XIX – Early XX Centuries 36
Savosina N. G. Transbaikalia Customs and Trade Regulation in the Second Half of the XVII Century 44

SOCIAL HISTORY

Akhmadulina S. Z. Formation of the Russian Legislation on Freedom of Conscience and Religious Organizations in the 1990s: Historical Analysis and Political-Legal Aspect 52
Zolotareva V. Yu. Rehabilitation of the Disabled of the Great Patriotic War in Russian Historiography 57
Ledkova L. P. Archival Documents on the History of Agricultural Education in Transbaikalia in the Late19th –Early 20th Centuries 66
Mamkina I. N. Development of Primary Education System in Transbaikal Region in the XIX – Early XX Century (on the Basis of Archival Materials and Published Papers) 74

POLITICAL SCIENCE

Bykov A. Yu. Application of Standards of Professional Journalism Ethics in the Practice f American Media 83
Vinogradova S. M., Pantserev K. A. World Gender Order: Problems and Prospects of the Foundation 90
Il'chenko S. N. Fake as a Political Format in Modern Media Environment 98
Mel'nik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Political Text in Terms of Communicative Transgression 102
Nikonov S. B. Factor of a Religious Aspect in Manipulating International Processes 109

RETRACTION

ORIENTAL STUDIES

Zhambalova S. G., Suvorova A. S. Stages of Transformation of the Funeral Rites of Rural Buryats in the Soviet Period 116
Polyanskaya O. N. Teachers of Synodic Educational Institutions in Russia at the beginnings of Scientific Mongolian Studies: A. A. Bobrovnikov (1822–1865) 126
Soltanov M. J.-O. On Some Historical and Religious-Legendary Personal Names Used in Ashug Works 133

POINT OF VIEW

Darenskiy V. Yu. Russian Patriotism and "Rusophobia" as Determinants of Political Culture (an Existential Aspect) 138

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

REGIONAL HISTORY OF RUSSIA

УДК 338.48 (470.51)
ББК 65.433

Наталья Анатольевна Вотинцева,
соискатель, доцент,
Удмуртский государственный университет
(426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.4),
e-mail: natasha1@izh.com

Развитие туризма в Удмуртии в годы девятой пятилетки (1971–1975)

Во многом успех развития туризма на современном этапе зависит от изучения и обобщения опыта туристско-экскурсионных организаций советского периода. Анализ архивных данных и периодической печати позволяет проследить результаты деятельности Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям в годы девятой пятилетки. В те годы Удмуртский областной совет по туризму и экскурсиям осуществлял руководство туристско-экскурсионной работой в Удмуртии. Туризм развивался в соответствии с планами, выполнение которых было обязательно. Согласно этим планам туристско-экскурсионные организации республики разрабатывали и предлагали различные туристские и экскурсионные маршруты. Анализируя архивные данные и периодическую печать, сравнивая при этом плановые и фактические показатели, автор выявляет основные причины невыполнения годовых планов. К ним следует отнести низкий уровень материально-технической базы Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям, проблему ветхого жилья и текучесть руководящих кадров на турбазе «Югдон», недостаток квалифицированных экскурсоводов, неудовлетворительное состояние дорожного покрытия в сельских районах Удмуртии. Кроме того, существенное влияние на выполнение годовых планов оказывали метеорологические условия. Именно неблагоприятные погодные условия были основной причиной отмены запланированных туристских маршрутов. Исследование показало, что наиболее показательными в годы девятой пятилетки стали объёмы обслуживания на турпоездах, теплоходах и на местных маршрутах. Достичь перевыполнения годовых планов по этим показателям удалось за счёт укрепления материально-технической базы Удмуртского областного совета по туризму и разработки новых интересных туристских маршрутов.

Ключевые слова: внутренний туризм, пятилетний план, туристский маршрут, экскурсия, маршрут выходного дня.

Natalia Anatolievna Votintseva,
Competitor, Assistant Professor,
Udmurt State University
(4/1 Universitetskaya St., Izhevsk, Russia, 426034),
e-mail: natasha1@izh.com

Tourism Development in Udmurtia over the Period of the 9th Five-Year Plan (1971–1975)

Success in tourism development of the modern period should be primarily based on the experience gained from the work of tourist agencies of the Soviet period. The analysis of the archives and periodicals allows studying the achievements and weaknesses of the Udmurt Regional Council for Tourism and Excursions over the period of the 9th five-year plan. Over those years the Udmurt Regional Council for Tourism and Excursions was in charge of the tourism and tour programs in Udmurtia. Tourism was developed in compliance with the plans that had to be rigidly followed. Tourist agencies had to comply with the plans to develop their tours and excursions. Analyzing the archives, periodicals, target and factual data, the author identifies major reasons for failure to implement the plans.These include poor facilities and infrastructure of the Udmurt Regional Council for Tourism and Excursions, under-equipped accommodation and labor turnover in “Ugdon” holiday camp, shortage of well-qualified tourist guides, and

© Вотинцева Н. А., 2015

underdeveloped road infrastructure in rural areas of Udmurtia. Furthermore, weather conditions could also add to the poor plan implementations. Unfavorable weather conditions were the main reason for tours and routes cancellations. The research has identified that the amount of services in tourist trains, river cruises and local tourism programs was the main showcase over the period of the 9th five-year plan. The Udmurt Regional Council for Tourism and Excursions succeeded in achieving the plan goals by improving the facilities and developing new tourist routes.

Keywords: domestic tourism, five-year plan, tourist route, excursion, weekend tours.

Туризм играет важную роль в решении социальных проблем, обеспечивая создание дополнительных рабочих мест, рост занятости и повышение благосостояния населения страны. В настоящее время туризм является одним из важных направлений, влияющих на рост экономики, в том числе на развитие таких сфер экономической деятельности, как услуги туристских компаний, коллективные средства размещения, транспорт, связь, торговля, производство сувенирной и иной продукции, питание, сельское хозяйство, строительство и другие отрасли[1].

В этой связи опыт предшествующих поколений, безусловно, важен для того, чтобы в современный период были приняты все необходимые меры, направленные на развитие внутреннего туризма в нашей стране.

Как известно, массовость туристского движения в советском государстве достигалась за счёт интенсивного развития внутреннего туризма. Развитие туризма в СССР происходило в соответствии с планами, выполнение которых для туристско-экскурсионных организаций было обязательно. Все республики, входящие в СССР, внесли в тот период весомый вклад в развитии внутреннего туризма. Оценить вклад Удмуртии в этом вопросе позволит анализ деятельности Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям. В его основе находится исследование архивных данных и материалов периодической печати.

Автор, анализируя пятилетний план Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям, использует такие показатели, как объёмы обслуживания туристов на турбазе «Югдон», турпоездах и теплоходах, на местных маршрутах, маршрутах выходного дня и экскурсионное обслуживание. Эти данные представлены в таблице[2].

Таблица

Объёмы обслуживания туристов Удмуртии в 1971–1975 гг.

Показатели	*Турбаза Объём обслуживания тыс. (ч/дни)*	*Бюро путешествий и экскурсий Объём обслужива-ния на местных маршрутах, тыс. (ч/дни)*	*Бюро путешествий и экскурсий Объём обслуживания на маршрутах выходного дня, тыс. (ч/дни)*	*Бюро путешест-вий и экскурсий Объём обслуживания экскурсиями, тыс. чел.*	*Бюро путешествий и экскурсий Турпоезд Теплоход Объём обслужива-ния, тыс. (ч/дни)*
1971					
план	76250	26560	23640	105520	19536
фактически	59868	18584	11308	63322	19677
%	78,5	70	48	60	101
1972					
план	84640	34,5	37,2	131,2	19992
фактически	58440	35,7	25	42,4	17141
%	70	103	80	32	85
1973					
план	96300	49,1	42,6	112400	23900
фактически	69700	33	23,4	56400	35717
%	76	66	54	50	149
1974					
план	58740	58980	37638	109250	29008
фактически	56460	25000	35000	109300	36000
%	96	42	93	100	124
1975					
план	92000	98500	45,3	216,3	34000
фактически	56,2	128,9	36,1	178,1	33200
%	61,1	130,8	79,7	82,3	97,6

Сравнивая годовые планы, автор пришёл к следующим выводам. На протяжении исследуемого периода наблюдается ежегодный плановый рост только таких показателей, как объёмы обслуживания туристов на местных маршрутах, турпоездах и теплоходах (см. табл.).

Статистические данные Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям свидетельствуют о перевыполнении годовых планов на местных маршрутах в 1972 (103 %) и в 1975 (130,8 %) годах (см. табл.1). Перевыполнение годовых планов по объёму обслуживания на турпоездах и теплоходах наблюдается в 1971 г. (101 %), 1973 (149 %), в 1974 г. (124 %) (табл.). Исследование показа-

[1] Постановление Правительства РФ от 2 августа 2011 г. № 644 «О федеральной целевой программе «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)» (в ред. от 18.12.2014) [Электрон-ный ресурс] // Консультант Плюс. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=173268 (дата обращения: 11.07.2015).

[2] Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГАУР). – Ф.Р-1592. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 25.

ло, что достичь таких результатов удалось за счёт укрепления материально-технической базы и разработки новых туристских маршрутов. К 1976 г. туристско-экскурсионным обслуживанием населения Удмуртии занималось уже три бюро путешествий и экскурсий. Они предлагали разнообразные туристские маршруты, в том числе маршруты, приуроченные к 30-летию победы в Великой Отечественной войне, и специальные туры для передовиков и ветеранов Удмуртии.

В частности, в 1971 г. для четырёхсот работников сельского хозяйства республики было организовано многодневное путешествие на туристическом поезде «Удмуртия» [10, с. 4]. В 1973 г. для трёхсот восьмидесяти передовиков сельского хозяйства Завьяловского, Воткинского, Сарапульского, Киясовского, Ярского и Балезинского районов был разработан маршрут «Ижевск – Казань – Ташкент – Фергана – Самарканд – Бухара – Душанбе – Ашхабад – Ижевск». В этом же году на турпоезде «Удмуртия» туристы из республики совершили поездку по новому маршруту: «Ижевск – Смоленск – Брест – Минск – Вильнюс – Каунас – Рига – Таллин – Ленинград – Ижевск». Туристы посетили места боевой славы [13, с. 4].

В 1974 г. для передовиков Удмуртии был разработан маршрут по Ленинским местам с посещением городов Минск, Вильнюс, Ленинград, Куйбышев, Ульяновск, Казань [4, с. 4]. В том же году двести сорок ветеранов труда совершили туристическую поездку на теплоходе «Композитор Глазунов» по маршруту «Сарапул – Москва» [1, с. 4].

В 1975 г. по сравнению с 1974 отмечается снижение объёма фактического предложения услуг турпоездов и теплоходов на 2,8 тыс. человеко-дней. Однако, в сопоставлении с плановым объёмом услуг турпоездов и теплоходов 1975 г. данный показатель уменьшился лишь на 800 человеко-дней и процент выполнения плана составил 97,6 % (см. табл.).

С каждым годом увеличивалось число туристских маршрутов. В 1975 году Удмуртский областной совет по туризму и экскурсиям организовал для туристов новые увлекательные круизы на теплоходах «Висла» [11, с. 4] и «Павел Миронов» [8, с. 4], проходившие по трём рекам (Каме, Волге и Дону).

При этом первым в каталоге Удмуртского областного совета по туризму и экскурсиям числился 18-дневный круиз на теплоходе «Павел Миронов». Программа маршрута была очень разнообразной. Она включала длительные экскурсии (5–8 часов) по городам Пермь, Ульяновск, Куйбышев, Саратов, Волгоград, Ростов-на-Дону. Туристам предоставлялась возможность ознакомиться с революционно-историческими и культурными достопримечательностями. В Волгограде для них организовывались встречи с участниками Великой Отечественной войны и с непосредственными участниками сражения на Волге.

Посещение крупных городов чередовалось с остановками на пляжах, зелёными стоянками, у лесов, на берегу затонов, где туристы могли заняться рыбной ловлей, общением с природой. Во время следования теплохода по маршруту для туристов демонстрировались фильмы, велась радиоинформация о тех городах и местах, мимо которых без остановок проходил теплоход. На теплоходе проводились различные конкурсы, аттракционы и другие культурно-массовые мероприятия.

Аналогичным образом был построен маршрут путешествия на двухпалубном теплоходе «Висла». Сочетание активного познавательного и оздоровительного отдыха делало такие маршруты привлекательными для туристов и всегда востребованными.

Анализ годовых планов по показателю объёма экскурсионного обслуживания позволяет сделать вывод о его выполнении только в 1974 г. Однако начиная уже с 1973 г. отмечается рост фактического предложения экскурсионных услуг. Из таблицы также видно, что за период 1971–1975 гг. не были выполнены годовые планы по обслуживанию туристов на маршрутах выходного дня и на турбазе «Югдон». Отметим, что за счёт снижения в 1974 г. планового показателя турбазе «Югдон» удалось выполнить годовой план на 96 % (см. табл.).

Низкий уровень материально-технической базы «Югдон» являлся основной причиной отсутствия её востребованности, что и сказывалось на выполнении годовых планов. Здания турбазы представляли собой ветхие деревянные двухэтажные корпуса, которые не располагали элементарными бытовыми удобствами. Оценивая её состояние, Н. Павлов в своей статье писал: «Отсутствуют хорошие условия для отдыха. Нет красного уголка, где можно было бы почитать газету, журнал. Клуб похож на сарай» [7, с. 4].

Максимальное количество туристов, которое могла принять база, составляло 260 человек[1]. В основном турбаза «Югдон» использовалась для размещения граждан,

[1] ЦГАУР. – Ф.Р-1592. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 10.

приезжающих на спортивные мероприятия. Жители и гости Ижевска чаще всего отдыхали на турбазе в летние месяцы. Как правило, именно в этот период удавалось достичь полной загруженности. Однако здесь возникала проблема организации питания для туристов. Число посадочных мест в столовой составляло всего 80 единиц[1], а число туристов могло доходить до 260. В связи с этим питание для отдыхающих организовывалось в три смены.

Отсутствие на турбазе «Югдон» надлежащих условий проживания, питания, низкий уровень культурно-массовой работы делали этот объект непривлекательным для туристов. Не способствовала выполнению планов и частая сменяемость руководителей турбазы. Только за период 1972–1974 гг. коллектив турбазы «Югдон» осуществлял свою деятельность под руководством пяти разных директоров [7, с. 4].

В числе же основных причин невыполнения планов экскурсионного обслуживания и обслуживания на маршрутах выходного дня следует выделить недостаток квалифицированных экскурсоводов и предлагаемых маршрутов путешествий.

Несмотря на это, Ижевское бюро путешествий на протяжении восьми лет являлось единственным разработчиком экскурсионных маршрутов и маршрутов выходного дня, штат экскурсоводов этой организации был небольшой. В бюро работало всего 22 экскурсовода, в том числе 2 штатных и 20 внештатных[2]. В состав экскурсоводов в основном входили школьники выпускных классов, работники городских предприятий, студенты вузов и техникумов и участники курсов усовершенствования учителей. В Удмуртии не было учебного заведения для обучения специалистов туристской индустрии. Поэтому на базе Ижевского бюро путешествий были организованы курсы подготовки экскурсоводов.

Тематика экскурсий и их методические разработки в обязательном порядке обсуждались и утверждались на заседаниях методического совета бюро путешествий и экскурсий. На этих заседаниях также рассматривались вопросы об изменении маршрута экскурсий и заслушивались экскурсии внештатных экскурсоводов. Таким образом, практическое применение экскурсия могла найти только после одобрения методическим советом.

Анализ материалов газеты «Удмуртская правда» и архивных данных позволил выявить тематику экскурсионных маршрутов. Среди загородных следует отметить комбинированные экскурсии с использованием различных видов транспорта. В частности, экскурсия «Ижевск – Сарапул – Чайковский – Ижевск» начиналась с осмотра Сарапульского краеведческого музея и пристани, а затем экскурсанты на теплоходе «Метеор» отправлялись в г. Чайковский, где знакомились с Воткинской ГЭС и другими достопримечательностями города и на автобусах возвращались в г. Ижевск [2, с. 4].

Экскурсия «Ижевск – Пермь – Кунгурская пещера» включала в себя использование трёх видов транспорта – самолет, теплоход и автобус. Экскурсанты добирались до Перми самолётом, где они знакомились с достопримечательностями города, посещали художественную галерею, диораму 1905 г. Затем предусматривалась экскурсия в Кунгурскую пещеру, после которой туристы на теплоходе совершали прогулку по Каме до города Сарапула, а оттуда на экскурсионном автобусе возвращались в г. Ижевск.

В 1971 г. также были разработаны экскурсии самолетом до городов Пермь и Свердловск с посещением их культурных и исторических достопримечательностей [14, с. 4]. Такие маршруты были интересны тем, что позволяли за небольшой промежуток времени охватить значительное количество объектов туристского показа.

В последующие годы Ижевское бюро путешествий и экскурсий стало активно предлагать для жителей и гостей столицы автобусные экскурсии в Воткинск, Сарапул, Чайковский, теплоходные прогулки по реке Кама, железнодорожные поездки в Набережные Челны. Программа экскурсий и маршрутов выходного дня была разнообразной. В городе Воткинск экскурсанты посещали музей П. И. Чайковского и дом культуры «Юбилейный». В городе Чайковский объектами экскурсионного показа были Воткинская ГЭС, художественная галерея и краеведческий музей [5, с. 4]. С историей Воткинской ГЭС можно было также познакомиться, совершая теплоходную прогулку по Каме. Железнодорожная поездка в Набережные Челны включала экскурсию по городу, посещение туристской стройки – Камского автозавода и города Нижнекамск [9, с. 4].

В праздничные и выходные дни Ижевское бюро путешествий и экскурсий организовывало двух- и трёхдневные железнодорожные туры по маршруту Пермь – Кунгурская пещера, а также в Москву, Казань, Свердловск, Глазов, Киров, Уляновск, Волгоград, Севасто-

[1] ЦГАУР. – Ф.Р-1592. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 4.

[2] Государственный архив РФ (ГАРФ). – Ф. 9520. – Оп.1. – Д. 1714. – Л. 119.

поль, Одессу с посещением достопримечательностей этих городов [13, с. 4].

Ижевское бюро путешествий разработало однодневные маршруты выходного дня на поезде «Здоровье». Например, зимой каждое воскресенье от перрона Ижевского железнодорожного вокзала отходил поезд «Здоровье», увозящий туристов на станцию Болгуры. Программа маршрута была разнообразной и поэтому представляла интерес для туристов. Она предусматривала катание на лыжах, санках, эстафеты, спортивные игры. Специальные инструкторы обучали способам передвижения на лыжах. Однако кроме спортивно-оздоровительной направленности этот маршрут имел и краеведческое направление. Экскурсоводы знакомили с природой родного края [15, с. 4].

Для желающих заняться рыбной ловлей в 1972 г были организованы. автобусы и поезда «Рыбак»[1]. Осенью 1974 г. Ижевским экскурсионным бюро была разработана шестичасовая природоведческая экскурсия «Здравствуй, мой край родной», которая совершалась на поезде «Здоровье» [12, с. 4]. Во время следования этого поезда предусматривалось три остановки в районе лесных массивов. Туристы не только отдыхали на свежем воздухе, но и получали возможность с помощью экскурсовода глубже познакомиться с природными условиями и ресурсами родного края, постановкой охраны природы, выяснить степень возможного участия в охране природы и правильном использовании природных ресурсов.

Особое внимание Ижевское бюро путешествий и экскурсий уделяло организации экскурсий в городе Ижевске. В этих целях были разработаны обзорные и тематические экскурсии: «Прошлое, настоящее и будущее Ижевска», «По историческим местам города Ижевска», «Имя Ленина на карте города», «Героев наши времена», «Улицы рассказывают» [3, с. 4]. Познакомиться с историей города можно было с помощью пешей экскурсии, автобусной или теплоходной.

Теплоходные экскурсии организовывались только в период навигации. В то время г. Ижевск располагал хорошей материально-технической базой для организации теплоходных экскурсий. В распоряжении пристани «Ижевск» находились четыре пассажирских теплохода. Теплоходы «Дружба» и «Первомаец» осуществляли рейс на Воложку, а теплоход «Герой» – в район парка культуры и отдыха. Общая вместимость теплоходов составляла 410 пассажиров. Теплоход «Юбилейный», рассчитанный на 450 человек, предназначался для туристических поездок по пруду, которые организовывались по заявкам организаций и учреждений [6, с. 4].

Теплоходные прогулки по Ижевскому пруду, особенно в летний период, были всегда востребованы. В этой связи Ижевское бюро путешествий разработало экскурсии по Ижевскому пруду и в зоны отдыха Ижевского пруда – на Важнин ключ, Воложку, Соловьёвскую дачу, Юровский мыс. Для молодёжи организовывались вечерние прогулки на катере[2], а для школьников в период летних каникул – катание на теплоходе[3].

Кроме того, Ижевское бюро организовывало производственные экскурсии на машиностроительный завод, редукторный завод имени В. И. Ленина, Ижевский телецентр, трикотажную фабрику и другие предприятия столицы республики[4]; постоянно расширяло географию путешествий, разрабатывало новую тематику экскурсий. В частности, с 1973 г. стали организовываться экскурсии «Ижевск театральный» с посещением театра[5].

Большое внимание Ижевское бюро путешествий и экскурсий уделяло обслуживанию сельского населения. Для них организовывались так называемые «театральные» и «спортивные» поезда. В выходные дни передовики сельского хозяйства приезжали в Ижевск, знакомились с его историческими памятными местами, посещали музеи, театры, цирк, Ледовый дворец, стадионы [3, с. 4]. А в период школьных каникул организовывались поездки сельских учащихся.

Однако, несмотря на разнообразие заявленных экскурсий и маршрутов выходного дня, объём их фактической реализации все-таки отставал от объёма плановых показателей.

Положительная динамика в изменении объёма фактического экскурсионного обслуживания наблюдается в 1974 г. – было создано Сарапульское бюро путешествий, которое наряду с Ижевским стало активно заниматься экскурсионной деятельностью. В связи с этим объём фактического экскурсионного обслуживания в 1974 г. увеличился на 50 человек и составил 109300 человек при плане в 109250 (см. табл.).

Выполнение планов по экскурсионному обслуживанию и обслуживанию на маршрутах выходного дня зависело не только от

[1] ГАРФ. – Ф. 9520. – Оп. 1. – Д. 1714. – Л. 121.

[2] ГАРФ. – Ф. 9520. – Оп. 1. – Д. 1714. – Л. 121.

[3] ГАРФ. – Ф. 9520. – Оп. 1. – Д. 1714. – Л. 120.

[4] Там же.

[5] ГАРФ. – Ф. 9520. – Оп. 1. – Д. 1714. – Л. 121.

наличия разработанных и востребованных маршрутов путешествий. Существенное влияние на их выполнение оказывали метеорологические условия. Зачастую основной причиной отмены запланированных туристских маршрутов были неблагоприятные погодные условия. Например, из-за низкой температуры в зимнее время отменялись запланированные маршруты выходного дня на поезде «Здоровье». Большие трудности возникали при обслуживании сельского населения. Из-за отсутствия асфальтированных дорог сельские жители, особенно в межсезонный период, не имели возможности выезда из своего населённого пункта.

Как видим, наиболее востребованными в годы девятой пятилетки были маршруты на турпоездах и теплоходах; менее востребованной у туристов была турбаза «Югдон». Число отдыхающих на турбазе в 1975 г. уменьшилось по сравнению с 1971 на 6 %. По остальным показателям, представленным в табл. 1, к концу девятой пятилетки по сравнению с её началом наблюдается рост числа отдыхающих. И это, несмотря на наличие случаев невыполнения годовых планов. В частности, в 7 раз увеличилось число обслуженных туристов на местных маршрутах, в 3 раза – на маршрутах выходного дня. В 1975 г. по сравнению с 1971 в 2,8 раза выросло и число экскурсантов. В целом можно констатировать, что рост объёмов фактического обслуживания в годы девятой пятилетки свидетельствовал о большой популярности туристско-экскурсионной работы. В целях развития внутреннего туризма бюро путешествий Удмуртии разрабатывали для туристов и экскурсантов интересные маршруты путешествий.

Источники

1. Бучаловская А. Путешествие ветеранов труда // Удмуртская правда. 1974. 27 окт.
2. Для любителей путешествовать // Удмуртская правда. 1971. 18 июля.
3. Забелина Г. Развивать туризм // Удмуртская правда. 1973. 27 сент.
4. Елизаров В. По Ленинским местам // Удмуртская правда. 1974. 22 сент.
5. Коробейникова С. Вы взяли отпуск // Удмуртская правда. 1972. 1 июня. 6. Навигация по пруду // Удмуртская правда. 1970. 12 мая.
7. Павлов Н. На «Югдоне» нет порядка // Удмуртская правда. 1974.16 апр.
8. Пиявский Ю. Интересная поездка // Удмуртская правда. 1975. 19 сент.
9. Русанова Л. Отдых в выходной день // Удмуртская правда. 1975. 20 мая.
10. Рысьев В. По городам Украины // Удмуртская правда. 1971. 30 дек.
11. Рысьев В. На теплоходе «Висла» // Удмуртская правда. 1975. 31 мая.
12. Сидоров Л. Приглашает экскурсионное бюро // Удмуртская правда. 1974. 5 сент.
13. Сухарев И. Зовут, зовут дороги // Удмуртская правда. 1973. 12 дек.
14. Тюрикова Н. На экскурсию самолетом // Удмуртская правда. 1971. 22 авг.
15. Улитина М. На поезде «Здоровье» // Удмуртская правда. 1981. 17 февр.

Istochniki

1. Buchalovskaya A. Puteshestvie veteranov truda // Udmurtskaya pravda. 1974. 27 okt.
2. Dlya lyubitelei puteshestvovat' // Udmurtskaya pravda. 1971. 18 iyulya.
3. Zabelina G. Razvivat' turizm // Udmurtskaya pravda. 1973. 27 sent.
4. Elizarov V. Po Leninskim mestam // Udmurtskaya pravda. 1974 . 22 sent.
5. Korobeinikova S. Vy vzyali otpusk // Udmurtskaya pravda. 1972. 1 iyunya. 6. Navigatsiya po prudu // Udmurtskaya pravda. 1970. 12 maya.
7. Pavlov N. Na «Yugdone» net poryadka // Udmurtskaya pravda. 1974. 16 apr.
8. Piyavskii Yu. Interesnaya poezdka // Udmurtskaya pravda. 1975. 19 sent.
9. Rusanova L. Otdykh v vykhodnoi den' // Udmurtskaya pravda. 1975. 20 maya.
10. Rys'ev V. Po gorodam Ukrainy // Udmurtskaya pravda. 1971. 30 dek.
11. Rys'ev V. Na teplokhode «Visla» // Udmurtskaya pravda. 1975. 31 maya.
12. Sidorov L. Priglashaet ekskursionnoe byuro // Udmurtskaya pravda. 1974. 5 sent.
13. Sukharev I. Zovut, zovut dorogi // Udmurtskaya pravda. 1973. 12 dek.
14. Tyurikova N. Na ekskursiyu samoletom // Udmurtskaya pravda. 1971. 22 avg.
15. Ulitina M. Na poezde «Zdorov'e» // Udmurtskaya pravda. 1981. 17 fevr.

Статья поступила в редакцию 14.07.2015

УДК 336.143(571.53)
ББК 65.261.3–18(2Рос-4Ирк)

Лев Михайлович Дамешек[1],
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail:levdameshek@gmail.com

Мария Михайловна Плотникова[2],
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail:someforme@yandex.ru

Бюджетная политика губернского центра Сибири в конце XVIII – начале XIX века

В статье на основании архивных документов Иркутской градской думы, Полного собрания законов Российской империи, дореволюционной литературы рассмотрены источники формирования бюджета губернского Иркутска, бывшего в конце XVIII – начале XIX в. центром огромной восточной окраины Российской империи. Начало развитию городской бюджетной политики положила Екатерина II, отдавшая городу часть доходов из государственной казны, затем Павел I передал городам ряд доходных статей, пополнивших городские бюджеты. Однако именно Павел I обременил городские бюджеты выполнением общегосударственных расходов, таких как содержание полиции. В статье обращается внимание на особенности формирования городского бюджета губернского Иркутска и на политику городских голов Иркутска, которая была направлена на повышение эффективности городского бюджета. Все источники формирования городского бюджета тщательным образом проанализированы и по каждой статье не только приведены цифры, но и показана динамика развития статей городских доходов. Таким образом, уже в конце XVIII – начале XIX в. можно говорить о формировании и развитии бюджетной политики в губернском Иркутске. Это сделано впервые в сибирской историографии.

Ключевые слова: городской бюджет, городские доходы, городские расходы, Иркутская градская дума, городские головы.

Lev Mikhailovich Dameshek[3],
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003),
e-mail:levdameshek@gmail.com

Maria Mikhailovna Plotnikova[4],
Candidate of History, Associate Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003),
e-mail: someformek@yandexl.ru

Fiscal Policy of Siberian Provincial Center (Late XVIII – Early XIX Centuries)

This article reviews the sources of the budget formation in Siberian provincial center Irkutsk based on archival documents of the Irkutsk City Duma, the Complete collection of laws of the Russian Empire, the pre-revolutionary literature. Provincial Irkutsk was the vast Eastern center on the outskirts of the Russian Empire. Catherine II initiated the Foundation for the urban fiscal policy development. She gave the city a portion of the income from the state treasury. Then Paul I gave the cities a few profitable items of income that were added to municipal budgets. However, it was Paul who burdened the city budgets with the implementation of the common government expenditure such as the police costs. The article draws attention to the peculiarities of the city budget formation of the provincial Irkutsk and the policy of Irkutsk city majors, aimed at improving the efficiency of the municipal budget. All sources of the city budget have been thoroughly analyzed and each article includes not only figures, but also shows the dynamics of the urban income items development. Therefore, it is possible to speak about the formation and development of fiscal policy in provincial Irkutsk in the late XVIII – early XIX centuries. Such analysis has been made in Siberian historiography for the first time.

Keywords: city budget, city income, city expenses, Irkutsk City Duma, city majors.

[1] Л. М. Дамешек предложил концепцию статьи и определил рамки исследования.
[2] М. М. Плотникова работала с архивными материалами.
[3] L. M. Dameshek has defined the conceptual framework of the article.
[4] M. M. Plotnikova has worked with archival materials.

© Дамешек Л. М., Плотникова М. М., 2015

Современная бюджетная политика – сложный процесс, требующий специальных знаний. Начальный этап формирования бюджетной политики ещё более сложный объект для анализа, так как кроме специальных знаний, требует обработки колоссального объёма законодательства и исторических источников, большая часть из которых является неопубликованными. Вопрос о формировании бюджетной политики городов Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. в современной сибирской историографии не рассматривался, была только сделана постановка проблемы современным исследователем, урбанистом В. П. Шахеровым. В настоящей статье будет предпринята попытка показать все источники бюджета губернского Иркутска и все расходные статьи.

В конце XVIII – начале XIX в. Иркутск был губернским городом, являлся административным, торговым, религиозным и культурным центром восточной окраины Российской империи. В 1797 г. Павлом I Сибирь была поделена на две губернии – Тобольскую и Иркутскую, а Иркутск стал губернским центром огромной территории, простиравшейся до Камчатки, входившей в состав Иркутской губернии вместе с Охотским портом. Возглавлял Иркутск военный губернатор с гражданской властью.

Подчеркнём, что анализ городского бюджета конца XVIII – начала XIX в., строго говоря, невозможен. Во-первых, не все документы сохранились. Во-вторых, в Иркутской градской думе, отвечавшей за городской бюджет, бытовала практика, когда на каждое направление работы заводилась специальная книга. Например, книга прихода и расхода городовых сборов, книга гостинодворских старост учёта поступления и сдачи в думу повозного сбора, книга прихода и расхода сумм, поступивших от казначея на содержание думы, городового магистрата, Сиротского и Словесного судов, воинских заведений и помещений и на другие хозяйственные нужды; книга учёта выдачи материалов, имущества и припасов думе, Городовому магистрату, Сиротскому и Словесному судам, городской полиции, для воинских заведений и помещений и на другие хозяйственные нужды; книга учёта поступления денег на содержание городской полиции; книга прихода и расхода дров и денег на их покупку, для отопления казённых и городских зданий.

Все расходы из вышеперечисленных книг сводились вместе только по просьбе губернаторов о предоставлении сведений, как это было в 1802 г. или в 1804 г., когда Правительствующий сенат в 1802 г. обязал городовые магистраты и городские думы заняться составлением ведомостей об употребленных сборах и повинностях за прошедшие три года по присланным формам. Также есть сведения о существующих повинностях по городу Иркутску, кроме подушного сбора, составленные в 1805 г. для графа Ю. А. Головкина. Однако следует обратить внимание, что последние сведения составлялись для жалобы иркутского купечества на разные отягощения, поэтому некоторые цифры, приведённые в этом документе, не о тратах за год. Например, заявленные 15 008 р. 59 к., потраченные на подводную гоньбу, это не годовая сумма расходов, а сумма, включающая в себя в том числе затраты на строительство ямских домов на трёх станциях в Иркутске, Листвиничном и Тулинском[1]. В связи с этим анализ бюджета губернского Иркутска в указанный период может быть только приблизительным.

Екатерина II, учреждая градские думы, предполагала, что финансироваться они будут за счёт однопроцентного отчисления от питейных доходов и доходов от развития хозяйственной эксплуатации оброчных городских статей. Уже дореволюционные исследователи, в частности А. А. Кизеветтер, указывали на то, что этого недостаточно для развития городского самоуправления. Однако гласные первой Иркутской градской думы по-другому оценили намерение императрицы. Они считали, что Екатерина II оказала городу большую милость, определив ему в доходы однопроцентное отчисление от прибыльной суммы питейного дохода, которое никогда ещё не поступало [11, с. 3]. В. П. Шахеров отметил, что городской бюджет стал важнейшим нововведением Городского положения 1785 г., так как до этого городские нужды финансировались из добровольных складок обывателей [12, с. 70].

Развитие бюджетного процесса губернского Иркутска было сложным. Однопроцентное отчисление от питейных доходов перестало поступать в бюджет в 1789 г. 1 марта 1789 г. за № 146 Казначейство уведомило Думу, что по силе указа Иркутской Казённой Палаты от 10 июня 1788 г. за № 2549, основанного на указе Правительствующего Сената, от 13 декабря 1787 г. Казначейству предписано, «когда следующие к возврату за место полученного прежде бывшими и ныне находящимися в Магистратах и Совестных судах бургомистрами, ратманами и заседате-

[1] РГИА (Российский государственный исторический архив). – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 578. – Л. 10 об.

лями в 1786 и 1787 гг. жалованные деньги от Магистрата получены будут, тогда записать их в приход; но таковых и по сие время от Магистрата не прислано», а потому процентные деньги, которых накопилось по 20-е марта 1789 г. 548 р. 48 ½ к., зачислены в «штатный доход» и это будет делаться впредь до пополнения [11, с. 8].

В следующий раз положенный по закону однопроцентный сбор с питейных доходов поступает в доход города в 1802 г.: за прошлые годы по 1800 г. 3 155 р. 3 к., за 1800 г. 1 336 р. 27 ¼ к., за 1801 г. по 2 апреля 429 р. 2 ½ к.[1] Затем однопроцентное отчисление с питейных доходов опять перестает поступать в доход города[2]. В марте 1805 г. городской голова Д. Н. Мыльников, отвечая в Казённую палату, на приглашение здешнего купечества внести недостающее количество на устройство забайкальской сухопутной дороги, написал, чтобы «Казённая палата отчислила необходимую сумму 902 р. 33 ¼ к. из принадлежащих в доход города однопроцентных денег, а сколько ещё тех однопроцентных денег по сие время в доход города принадлежит, оные прислать в Городскую думу». Таким образом, с 1802 г. в Думу опять не поступало однопроцентное отчисление с питейной продажи. В январе 1802 г. были закрыты винокуренные заводы в Иркутской губернии из-за дороговизны ржаного хлеба. Винокурение началось только в июне 1804 г.

Д. Н. Мыльников, в вышеупомянутом ответе в Казённую палату пишет, что в Иркутске шла продажа спирта из Красноярской округи, количеством 17 тыс. вёдер и продолжалось винокурение и продажа вина в превосходном количестве. Только в июле 1806 г. Казённая палата после нескольких обращений Иркутской градской думы прислала сообщение, что «в пользу города Иркутска с 2 апреля 1802 г. по 1 января 1806 г. с прибыльной суммы питейного дохода процентные по силе Городового положения 147 ст. деньги, исчисленное Казённою экспедицией количество 2 019 р. 56 ¼ к. отпустить из штатного дохода в оную градскую думу в приём и под расписку городского головы»[3]. Это уже за вычетом 902 р. 33 к., которые с согласия купечества были выделены на устройство забайкальской сухопутной дороги.

Таким образом, с одной стороны, одной из особенностей городского развития губернского Иркутска в конце XVIII – начале XIX в. стало отсутствие поступлений в доход города однопроцентных денег. С другой стороны, это освободило городской бюджет от контроля губернатора, предписанного Городовым положением 1785 г. Когда губернаторам необходимо было привлечь губернский Иркутск к финансированию чего-либо, например воинских казарм или строительству забайкальской дороги, они обращались с предложением к Иркутской градской думе, чтобы градское общество выделило средства, а взамен были готовы освободить от постойной повинности тех людей, которые эти средства дали.

Как только в марте 1787 г. в городской бюджет поступил первый однопроцентный сбор от питейной продажи – 1 076 р. 59 ½ к. (с 21 апреля 1785 г. по апрель 1787 г.), Иркутское наместническое правление дало указание перенести рыбные ряды из Гостиного двора к реке Ушаковке. В мае 1787 г. Иркутская градская дума произвёла первый расход – купила попудные весы с железными гирями за 55 р. и выдала 200 р. Андрею Исаеву на перенос рыбных рядов из Гостиного двора к реке Ушаковке по указу Иркутского наместничества [7, с. 59]. Необходимо отметить, что решение администрации способствовало развитию доходной части городского бюджета. Рыбные лавки действительно стали приносить городу доход, и уже в 1788 г. было собрано в городской бюджет 105 р. 50 к.[4] А в 1805 г. общественные лавки в рыбном ряду были сданы в аренду с торгов за 700 р. в год платы[5].

Аренда весов также приносила доход городу. Весы нужны были для покупки в городе, хранения в магазинах и продажи жителям хлеба. Закупка хлеба и заведение общественных хлебных магазинов стали первым шагом в работе Иркутской градской думы. Дума сделала предложение генерал-майору иркутского наместничества правителю М. М. Арсеньеву о том, чтобы закупить хлеб с однопроцентного отчисления от питейной продажи. М. М. Арсеньев нашёл такое распоряжение весьма нужным и полезным[6]. На строительство хлебных магазинов было потрачено 176 р. 31 к.[7] С разрешения иркутского наместника в 1788 г. было закуплено 2 351 пуд 35 фунтов на 923 р. 56 к., из этого продано 1 242 пуда на 576 р. 96 к. В результате, оказалось израсходовано всего 346 р. 60 к. В 1801 г. уже в доход города

[1] ГАИО (Государственный архив Иркутской области). – Ф. 70. – Оп.1. – Д. 312. – Л. 96 об.
[2] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 85 об. – 86.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 358. – Л. 14.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 48 об.
[5] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 381 об.
[6] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 2 а. – Л. 42–42 об.
[7] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 49 об.

от аренды весов поступило 400 р.[1], в 1807 г. – 986 р. 66 ½ к.[2]

Вместе с тем бюджет, контролировавшийся губернатором, часто оставался неизрасходованным. В конце 1787 г. неизрасходованными остались 838 р. 52 ½ к.[3] Законодатель разрешал использовать по усмотрению Думы деньги, оставшиеся после расходов, в ссуду купечеству за указанные проценты и с надёжным поручительством [10, с. 7]. Проценты от городских ссуд шли в доход города. Впервые в книге приходов и расходов Иркутской градской думы процентные деньги в количестве 57 р. 81 ¾ к. появляются в 1789 г. [11, с. 50–51]. Сумма, розданная под проценты, составила 1 305 р. Интересно, что сам городской голова, а также гласные Иван Баушев и Михаил Родионов взяли деньги в долг у города: М. Сибиряков – 500 р., И. Баушев – 700 р., М. Родионов – 35 р. Также взял в долг и писарь Думы Николай Зырянов – 50 р. Всего же взяли взаймы из городской кассы 5 человек и 4 из них имели отношение к Иркутской градской думе. В 1837 г. в долг было роздано 8 424 р. 87 ½ к., векселя получили 15 человек, а деньги, выдававшиеся в долг, получили название «пелопонисовской суммы», для которой была заведена специальная шнуровая книга и вёл её казначей Иркутской градской думы[4].

В городской бюджет поступали штрафы и выморочные имения, но это были нерегулярные и, как правило, небольшие поступления. Например, в 1787 г. в приход Градской думы поступили из Городового магистрата штрафные деньги и выморочные имения на сумму 87 р. 50 к.[5] В 1807 г. из городской полиции были присланы штрафы на сумму 37 р. 60 к.[6]

В доход городского бюджета шли также доходы от хозяйственной эксплуатации оброчных статей, которые предстояло развивать Думе. Городу, согласно Городовому положению, необходимо было отвести землю и положить на план «с показанием и описанием на оном всех оброчных мест, какие в означаемой земле и воде состоят»[7]. Нужно заметить, что Иркутской градской думе пришлось отстаивать оброчные статьи. В Иркутске был гербег, который был отдан в содержание иногороднему купцу Александру Баранову от Казённой палаты с платежом в казну по 75 р. в год [11, с. 2]. В мае 1789 г. Градская дума постановила просить Казённую палату, чтобы она со дня издания Городового положения вернула деньги в доход Думы, потому что этот гербег стоит на городской земле. В начале XIX в. в губернском Иркутске было уже десять гербегов, которые приносили доход городу. В 1807 г. в городской бюджет за содержание гербегов поступило 542 р. 50 к.[8]

Был в Иркутске и луг за рекой Ангарой, который также был отдан в аренду Казённой палатой сроком на 4 года. Двухвёрстная пропорция земли, отведённая в выгон города, частью которой был этот луг, только с 1804 г. стала принадлежать городу и сдаваться в оброк городу[9]. 31 декабря 1804 г. в доход Иркутска поступило от разных людей за оброчные сенокосные статьи 1 187 р. 10 к.[10] В 1805 г. Иркутская градская дума сдала в аренду рыбные ловли в этой же пропорции земли и дала разрешение Н. П. Мыльникову организовать пасеку, с платой в доход города 50 р. в год[11]. В 1819 г. рыбные ловли принесли городу доход – 800 р., в сенокосные статьи – 2 212 р.[12]

Был в Иркутске и перевоз через реку Ангару, находившийся в ведении Казённой палаты[13]. Дума просила Иркутское наместническое правление передать перевоз в её ведение. Однако по составленному в 1788 г. плану г. Иркутска, согласно Городовому положению 1785 г., губернским землемером капитаном Протопоповым, реки Ангара и Иркут не принадлежали городу, а для выгона скота им было отмежёвано место за Девичьим монастырем, напротив Жилкинской деревни [11, с. 23]. Эти земли находились в болотистом и не производящем травы месте. Иркутское наместническое правление вошло в положение градского общества и назначило уездного землемера Нижнеудинской округи Максима Сургутского «в бывшее отведённых здешнему городу земли границы переменить». В результате этой истории только в 1799 г. Правительствующий сенат разрешил содержать перевозы через реки Ангару и Иркут за счёт доходов с них[14]. Иркутская градская дума установила плату за перевоз и сдала его содержание с подряда. Однако в 1805 г. последовало распоряжение сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова о том, чтобы плату брать только с купеческих

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 88 об. – 90.
[2] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 7 об., 20 об., 25 об.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 18.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д.2416. – Л. 4, 15.
[5] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 15 об., 17 об.
[6] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 1 об., 5 об., 12 об., 17 об.
[7] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 8 об.
[8] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446.
[9] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 359. – Л. 15.
[10] Там же. – Л. 8 об.
[11] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 223.
[12] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 1031. – Л. 11.
[13] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 48 об.
[14] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 251.

возов по 10 к., а с остальных не брать. Иркутской градской думе пришлось не только отменить подряд, но и вследствие того, что у неё не было своих лодок и карбасов, платить 1 550 р. дополнительно, чтобы перевоз не остановился[1]. Однако Иркутская градская дума приобрела необходимые карбасы, и в 1817 г. с перевозов уже поступило в городской бюджет 1 600 р., в 1819 – 445 р.[2]

Во время работы второго состава Иркутской градской думы (1790–1792 гг.) в бюджет города перестало поступать однопроцентное отчисление от питейных доходов и оброчные статьи не эксплуатировались городом вследствие того, что план назначенной городу земли был не утверждён и в ведомстве города не состоял. На что же содержалась Иркутская градская дума? Согласно законодательству город должен был также содержать магистрат, городские школы и другие заведения приказа общественного призрения. В Иркутске содержание городских учреждений – городового магистрата и городской думы осуществлялось по общественному приговору сборами с купцов, мещан и цеховых. Добровольные складки были разрешены обществу градскому «Жалованной грамотой городам». На эти сборы также содержались школа, госпиталь, Сиротный и Словестный суды. По приговору общества градского также был куплен в 1789 г. каменный дом из 6 комнат для помещения в нём градской думы и старост, собирающих с купцов и мещан подати. Это было одно из 11 каменных зданий, построенных в то время в Иркутске.

Подобная картина наблюдалась в большинстве городов Российской империи. А. А. Кизеветтер пишет, что ввиду недостаточного развития хозяйственных городских предприятий городская касса поддерживалась, с одной стороны, отчислениями в пользу города некоторых казённых сумм, а с другой – самообложением градского общества [4, с. 467]. Самообложение играло важную роль в системе городского хозяйства того времени. В некоторых случаях градские общества устанавливали определённые правила относительно порядка и размера самообложения; например, в Санкт-Петербурге в 1786 г. общество «расположило собрать по полпроценту с объявленных своих капиталов» [4, с. 467]. Стоит обратить внимание, что в самих городах шёл поиск новых налогов, которые можно было бы направить на городское развитие.

В 1790 г. добровольные складки градского общества губернского Иркутска составили 5 774 р. 4 к.[3] В эту сумму вошла покупка каменного дома за 1 700 р. для Думы и земских дел. На Иркутскую градскую думу было потрачено 256 р. 50 к. На жалование приказным служителям в Городовом магистрате 2 324 р., словесного суда писцу с помощником 130 р., писцу при сочинении городовой обывательской книги 100 р., писцу Сиротского суда 150 р., пробирному мастеру с учеником 120 р., на содержание городской школы 200 р., на поправление пожарных инструментов при Городнических делах 100 р. и на содержание при полиции лошадей 190 р. Таким образом, самая большая сумма была потрачена на Городовой магистрат.

С купцов было собрано 1 302 р. 9 к., с мещан – 2 280 р., с цеховых – 1 177 р. 34 к. Известно и какая сумма полагалась с каждого сословия на добровольные складки: с мещан по 95 к., с цеховых по 77 к. Какую точную сумму вносили купцы – трудно посчитать, потому что они платили свои добровольные складки в зависимости от капиталов, которые объявляли; т. е. купцы 1-й гильдии платили больше, чем купцы 3-й гильдии. Однако можно вычислить среднюю сумму взносов на содержание Городового магистрата и Градской думы. По архивным данным, в 1789 г. в губернском Иркутске было 90 купцов и 13 иногородних, которые платили в доход города так же, как и иркутские купцы; таким образом получается 12 р. 65 к. – средний взнос купцов на содержание городского самоуправления и суда. В 1808 г. на трактамент было собрано с купцов 4 736 р., с мещан – 1423 р. 90 к., с цеховых – 651 р. 4 к.[4] Получается, что сбор с купцов увеличился, а с мещан и цеховых уменьшился.

Следует отметить, что в губернском Иркутске вдовы и несовершеннолетние сироты не платили взносы на городское самоуправление и суд. За них вносило само градское общество, раскладывая на всех. Платило градское общество также за тех лиц мужского пола, кто по старости или по болезни не мог оплачивать не только по городу, но и казне подушные[5]. В 1797 г. таких домов было около 300, взносы за которые раскладывались на всех остальных.

Итак, в городе было два бюджета: один впервые пожалован Екатериной II и контролировался губернатором; второй, существовавший и ранее, – добровольные складки по общественному приговору на содержание городских учреждений в соответствии с «Жалованной грамотой городам».

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 220.
[2] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 1031. – Л. 19 об.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 21 об.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 456. – Л. 74.
[5] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 199. – Л. 562 об.

Расходы города росли, появлялись казённые здания, содержание которых находилось в ведении Иркутской градской думы – рыбные ряды, городские амбары для хранения хлеба на случай неурожая, деревянный дом для приезжающих чиновников, школа. Необходимо было увеличивать и доходную часть городского бюджета, невозможно было все расходы по городскому самоуправлению переложить на сборы с градского общества. Иркутское общество это понимало, в 1808 г. городской голова М. И. Саватеев отмечал, что в облегчение здешнего общества идут в доход города сборы с выстроенного за его счёт рыбного ряда, с городовых весов, с купеческого гостиного двора и мещанского ряда[1].

В Иркутске было два Гостиных двора – купеческий и мещанский, которые располагались на Тихвинской площади. В купеческом Гостином дворе было 150 лавок, в мещанском – 84[2]. В феврале 1794 г. по общему участвующих приговору купеческого Гостиного двора было принято решение платить в городовой доход с собираемого с лавок сбору от рубля по 10 к.[3] В 1801 г. сбор с лавок купеческого Гостиного двора в доход города составил 819 р.[4] В 1798 г. был высочайше утверждён доклад Комиссии о снабжении Резиденции припасами [8] и в Иркутске стали собирать такой сбор не только с лавок купеческого Гостиного двора, но и мещанского. В 1800 г. он составил 49 р. 70 к.[5] В 1807 г. было принято 22 р. от эконома мещанского ряда Тимофея Харинских с двух частей за 1806 г. – 14 р. и за 1807 г. – 8 р.[6] В 1805 г. Иркутская градская дума активизировала свои усилия по сбору в городской бюджет с лавок мещанского Гостиного двора. Мещане считали, что сбор в десять копеек с рубля для них велик и просили сделать сбор по пять копеек с рубля. Однако Иркутская градская дума, сославшись на законодательство, не пошла на уступки.

В 1797 г. на городской бюджет тяжёлым бременем ложится подводная гоньба и содержание почтовых станций[7]. Дума стала собирать денежный сбор с горожан – «ямскую сумму». В 1800 г. на Лиственничной станции был выстроен ямской дом. В 1804 г. ямская сумма составила 8 659 р. 5 к.[8] В 1805 г. ямская сумма раскладывалась на купцов, мещан и цеховых поровну по 3 р. 5 к. с каждой души[9]. Подчеркнём, что Иркутская градская дума, возглавляемая городским головой С. Ф. Дудоровским, в 1807 г. заключила с Казённой экспедицией контракт на 3 года, с 1 января 1807 по 1 января 1810 гг., о содержании на городовом станке почтовой гоньбы 18 парами лошадей за плату ежегодно 8 100 р., а также на поставку сальных свеч для освещения занимаемых в Иркутске воинскими чинами домов ежегодно на сумму 556 р. 21 ½ к. При этом было принято решение во избежание пересылки денег из одного в другое место и излишнего в том затруднения засчитывать эти суммы за ежегодные земские повинности иркутского общества[10].

С 1797 г. по указу Павла I полиция должна была содержаться на средства города, а подчиняться непосредственно губернатору; а также в каждой части города должен был располагаться частный суд, рассматривающий дела, которые к публичному телесному наказанию судимых не приводят. Решение Павла I о расширении штата городской полиции и передача её содержания на средства городов стали толчком для активного городского развития. В городах развернулась острая полемика между городничими и городскими думами по вопросу о количестве частей в городе, и как следствие, количестве частных приставов и квартальных надзирателей, которым необходимо было платить жалование [5, с. 17].

В 1799 г. в Иркутске был введён сбор с домов с объявленной по совести цены по 3 деньги с рубля для мещан, купцов и ремесленников и по 1 ½ к. с рубля для жительствующих в городе разного рода людей[11], который собирала сама полиция. В столичных Санкт-Петербурге и Москве именно этот сбор стал основным источником доходов городского бюджета. Например, в Санкт-Петербурге с 1804 г. все повинности городские стали состоять: 1) в постое в тех домах, кои не внесли поземельного сбора или обязались платить натурой; 2) в мощении улиц против каждого дома; и 3) в платеже полупроцентного сбора [2, с. 159]. Полупроцентный сбор – это сбор по полпроцента с капитального рубля по оценке с каждого дома, двора и места, в городе стоящего. В губернском Иркутске такой сбор был незначителен, несмотря на то, что собирался и с фабрик, и с заводов, и с лавок Гостиных дворов, с кузниц и кирпичных сараев. Правительство само отмечало, что не-

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 456. – Л. 84 об.
[2] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 48 об.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 22.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 88 об.– 89.
[5] Там же.
[6] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 25 об.
[7] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 212.
[8] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 354. – Л. 8 об.
[9] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 233.
[10] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 456. – Л. 95 об. – 96.
[11] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 1 об., 5.

движимость в столицах сильно поднялась в цене, в отличие от губернского Иркутска, где каменных строений было мало, преимущественно здания были деревянными. Недвижимость г. Санкт-Петербурга в 1804 г. была оценена в 70 597 575 р., а сумма сбора составила 352 987 р. 87 ½ к. [2, с. 160–161].

Кроме сбора с домов с объявленной по совести цены, на содержание полиции и частных судов был определён и другой сбор – с провозимых с товарами возов по 50 к.[1] В Иркутском городовом магистрате была заведена в 1799 г. специальная книга, куда Иркутская градская дума записывала поступление этих сборов. В 1800 г. на городскую полицию было потрачено 6 672 р. 84 ½ к.[2] В 1817 г. – уже 11 232 р. [6, с. 39].

Подчеркнём, что сбор с домов с объявленной по совести цены собирался со всех горожан, а не только с купцов, мещан и ремесленников, повозный сбор собирался вообще не с горожан. М. В. Загоскин, анализируя городской бюджет губернского Иркутска, в 60-х гг. XIX в. писал, что «главную статью городских доходов составляет сбор с провозимых через город кладей, сбор этот доходит до 40 к. с возу (Если бы каждый город от Нижнего до Иркутска собирал столько же, а каждая деревня хотя половину, то в Сибирь не стоило бы и возить товары. Вся его стоимость ушла бы на эти сборы)» [3, с. 22]. Подчеркнём, что повозный сбор собирался в Иркутске согласно 146 ст. Городового положения 1785 г., которое разрешало в том городе, где есть портовая или пограничная таможня, собирать в доход города с привозных товаров с каждого пошлинного рубля по две копейки, а с отвозных – по копейке. Следует отметить, что повозный сбор собирали в доход города также и в других городах. В упоминаемом М. В. Загоскиным г. Нижнем Новгороде в 1835 г. был установлен пошлинный судовой сбор с привозимых и вывозимых водяным путём товаров по 1/10 к. с рубля ценности груза. Этот сбор шёл на возведение высочайше повеленных сооружений, их ремонт и на образование капиталов для содержания процентами с него означенных сооружений [1, с. 436].

10 января 1799 г. вышел указ о даче временного права крестьянам производить мелочную торговлю с платежом в казну акциза [9]. Указ разрешал крестьянам производить мелочную торговлю вместо купеческого сословия с платежом в городскую казну соразмерно каждому торгу акциза. В 1799 г. Иркутская градская дума дала поручение старосте Хлебного рынка Ивану Байбородину составить списки торгующих в лавках, балаганах и столах в розницу разного чина людей для упорядочивания права торговли[3]. В доход города в 1799–1801 гг. с торгующих на Хлебном рынке в балаганах и на столах с разного звания людей поступило 211 р. 80 к.[4] В 1807 г. в городской бюджет поступило от разного звания людей за позволенную им разную мелочную торговлю в мещанском ряду 130 р.[5] Следует отметить, что и староста рыбного ряда собирал плату за право торговли, однако этот городской сбор был незначительным.

В 1811 г. вышло предписание Министерства полиции о сборе «хряща» (камня) с въезжающих в город, и в губернском Иркутске при иркутском гражданском губернаторе Н. И. Трескине губернским правительством было принято решение не только о сборе хряща на мощение улиц, но и о сборе за непривоз хряща, так называемой «пенной суммы». На практике оказалось, что «пенная сумма», которая шла в городской бюджет, стала одной из городских доходных статей, а Иркутская градская дума стала механизмом, обеспечивающим сбор пенных денег. В октябре 1813 г. в Думе была учинена резолюция, согласно которой смотрители на Заморском, Кругоморском, Московском и Якутском трактах должны находиться «всегда при шлагбаумах безотлучно»[6]. С этой резолюции полагалось сделать точные копии и дать для ознакомления смотрителям, а гласным иметь личное наблюдение за смотрителями на всех трактах. Кроме этого, смотрители должны были еженедельно производить высыпку хряща. С 1817 г. в обязанности гласных стало входить наблюдение о поправлении дорог и мостов на всей принадлежащей городу земле[7]. В 1817 г. поступило с трактов пенных денег в городской бюджет – 4 723 р. 85 к., в 1818 г. – 5 172 р. 65 к., а в 1819 г. – 3 367 р. 40 к.[8]

Подчеркнём, что точную цифру бюджета в 1787–1789 гг. назвать не представляется возможным по следующим причинам: 1) в доход города в 1787 г. поступил однопроцентный сбор с питейных денег не только за 1787 г., а со времени введения Городового положения, т. е. с апреля 1785 г., следовательно, бюджет 1787 г. не может быть взят за основу в компаративном анализе; 2) во

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 270. – Л. 4 об.
[2] Там же. – Л. 7 об.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 14.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 88 об. – 89.
[5] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 26 об.
[6] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 662. – Л. 8 об.
[7] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 766. – Л. 138.
[8] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 1031. – Л. 19 об.

всех сохранившихся документах, поскольку это был период становления деятельности Иркутской градской думы, приводится бюджет 1788 г. совместно с 1787 г., что так же не подходит для сравнения; 3) в 1789 г. однопроцентный сбор перестал поступать в доход города, т. е. в бюджет поступила только часть этого сбора; 4) в 1787–1789 гг. добровольные складки градского общества не складывались с той суммой, которая поступала в доход города. Вследствие вышеуказанных причин автор в компаративном анализе будет опираться на среднюю цифру городского бюджета за 1787–1789 гг., составившую 994 р. 26 к., к которой будет прибавлена годовая сумма добровольных складок градского общества 4 551 р. 2 к.[1] Таким образом, средняя сумма городского бюджета губернского Иркутска в 1787–1789 гг. составит 5 545 р. 46 к.

Если сравнить сумму бюджета в 1787–1789 гг. 5 545 р. 46 к. с суммой бюджета 1802 г., которая составила 29 159 р. 1 ¼ к.[2],то получится, что доходы городского бюджета выросли в 5 раз. Таким образом, новые источники пополнения бюджета – сбор с лавок Гостиных дворов, повозный сбор, сбор с домов с объявленной по совести цены и сбор на право торговли дали увеличение городского бюджета в 5 раз.

В 1804 г. городской бюджет был уже 30 369 р. 85 ½ к.[3] По сравнению с 1802 г. бюджет увеличился на 1 209 р. 85 ¼ к., увеличение бюджета произошло за счёт сдачи в аренду двухвёрстной пропорции земли, которая стала принадлежать городу в 1804 г. В 1807 г. городской бюджет составил 31 088 р. 80 к.[4], он увеличился по сравнению с 1804 г. на 718 р. 94 ½ к., т. е. незначительно. Если учесть, что доходы г. Иркутска в 1828 г. составили 46 551 р. 33 к.[5], т. е. с 1807 по 1828 гг. городской бюджет увеличился всего в 1,5 раза, получится, что основная часть доходов бюджета губернского Иркутска сформировалась в конце XVIII – начале XIX в.

Из чего же состояла расходная часть городского бюджета губернского Иркутска? В 1805–1807 гг. треть городских доходов тратилась на содержание почтовых станций и подводную гоньбу, около трети на содержание Городового магистрата и прочих судов[6], примерно пятая часть шла на содержание городской полиции, включая оплату 39 будочникам. Покупка дров для печей в казённые здания составляла девятую часть городского бюджета. Городские средства тратились на содержание и ремонт казённых зданий, на поправку трёх мостов: Топкинского, через реки Каю и Курью. Иркутская градская дума также содержала церковь при городском кладбище и городские часы, которые появились в 1789 г. на Спасской башне.

Следует отметить, что бюджет губернского Иркутска был недостаточным для эффективного городского развития. Когда в 1801 г. в связи с недостатком хлеба в городе губернатор А. И. Толстой сделал Градской думе предложение о заведении в Иркутске городового запасного магазина с наполнением его хлебом до 15 тыс. пудов для предотвращения недостатка хлеба и возвышения на него цен[7], Думе пришлось для этой цели занять с процентами 5 000 р. в Приказе общественного призрения на счёт всего общества, потому что все внутренние источники пополнения городского бюджета были уже исчерпаны. Деньги в Приказе общественного призрения занимали и городские головы – Д. А. Сизых, и Д. Н. Мыльников.

Подчеркнём, что городские головы губернского Иркутска пытались решить проблему неэффективности трат городского бюджета. В 1805 г. городской голова Д. Н. Мыльников написал жалобу графу Ю. А. Головкину об отягощении градского общества, подписанную 20 иркутскими купцами, среди которых были бывшие городскими головами М. В. Сибиряков, Н. П. Мыльников, А. И. Саватеев, Г. С. Баженов, Д. И. Сизых и ставший в последствии городским головой С. Ф. Дудоровский[8]. Городской голова Д. Н. Мыльников обращал внимание графа Ю. А. Головкина на то, что сверх платежа казне податей год от года увеличиваются и издержки на содержание и отправление разных городовых расходов, среди которых были перечислены плата за перевоз в 1 500 р. по указанию сибирского генерал-губернатора И. О. Селифонтова, содержание почтовых станций и подводной гоньбы не только в г. Иркутске, но и в Тулинском, и Лиственничном, траты на отопление казённых зданий его высокопревосходительства и прочих не только военных чинов, но и приватных людей, кроме квартирующих по домам гражданским; дрова отвозились от градской думы без расчисления по чинам на 140 печей, кому бы иногда по чину следовало как на три, к тем требуют и отвозятся оные на десять и более печей, а приватным людям

[1] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 50.
[2] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 312. – Л. 91 об. – 92.
[3] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 359. – Л. 30.
[4] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 446. – Л. 27 об.
[5] РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 28.
[6] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 377. – Л. 35.
[7] ГАИО. – Ф. 70. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 16.
[8] РГИА. – Ф. 1264. – Оп. 1. – Д. 578. – Л. 6 об.

даются оные, дабы не навлечь обществу и себе гнева от начальника.

Итак, в городе было два бюджета: один – впервые пожалован Екатериной II и контролировался губернатором; второй, существовавший и ранее, – добровольные складки по общественному приговору на содержание городских учреждений в соответствии с «Жалованной грамотой городам». В начале XIX в. эти два бюджета постепенно сливаются в один общий городской бюджет Иркутска, который к этому времени вырос в пять раз. Добровольные складки иркутского градского общества в самом начале работы Иркутской градской думы составляли большую часть городского бюджета, однако в 1807 г. они составляли уже его пятую часть. Иркутской градской думе пришлось довольно долго отстаивать принадлежащие ей оброчные статьи и землю за р. Ангарой. Только с 1804 г. городской бюджет стал пополняться доходами от двухвёрстной пропорции земли по р. Ангаре.

Особенность развития городского бюджета губернского Иркутска состояла в том, что в 1789 г. перестал поступать в доход города однопроцентный сбор с питейной продажи. Только в 1802 г. снова появляются питейные деньги в городском бюджете и затем опять исчезают в связи с запрещением в Иркутской губернии винокурения, по причине недостатка хлеба. В 1806 г. возобновляется поступление однопроцентного сбора с питейной продажи. Такое нерегулярное отчисление этого источника городских доходов поспособствовало ослаблению контроля губернатора за городским бюджетом и некоторой самостоятельности Иркутской градской думы по сравнению с другими городами Российской империи.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод не только о формировании, но и о развитии бюджетной политики в губернском Иркутске в конце XVIII – начале XIX в.

Список литературы

1. Алабин П., Коновалов Н. Сборник сведений о настоящем состоянии городского хозяйства в главнейших городах России. Самара: Тип. «Самарской газеты» И. П. Николаева, 1889. 908 с.

2. Городовое положение, с принадлежащими к оному узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. В Санкт-Петербурге, печатано в Сенатской Типографии 1817 года. 304 с.

3. Загоскин М. В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск, 1870. Тип. Синицына.140 с.

4. Кизеветтер А. А. Городовое Положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М.: Тип. Импер. Моск. ун-та, 1909. 473 с.

5. Плотникова М. М. Законодательство как коммуникация между абсолютной властью и городами в царствование Павла I // Сиб. юрид. вестн. 2014. № 2 (65) (апрель–июнь). С. 16–20.

6. Плотникова М. М. Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2014. Т. 7. Сер.: История. С. 32–43.

7. Плотникова М. М. М. В. Сибиряков и деятельность первого состава Иркутской градской думы 1787–1789 гг. // Изв. Иркут. гос. ун-та. 2012. № 1 (2). Сер.: История. С. 52–65.

8. ПСЗ-1. Т. 25. № 18664.

9. ПСЗ-1. Т. 25. № 18814.

10. Свод уставов о городском и сельском хозяйстве // Свод законов Российской империи, изд. 1857 года. Т. XII. Ч.2. СПб: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. С. 3–23.

References

1. Alabin P., Konovalov N. Sbornik svedenii o nastoyashchem sostoyanii gorodskogo khozyaistva v glavneishikh gorodakh Rossii. Samara: Tip. «Samarskoi gazety» I. P. Nikolaeva, 1889. 908 s.

2. Gorodovoe polozhenie, s prinadlezhashchimi k onomu uzakoneniyami s 1785 po aprel' mesyats 1817 goda. V Sankt-Peterburge, pechatano v Senatskoi Tipografii 1817 goda. 304 s.

3. Zagoskin M. V. Irkutsk i Irkutskaya guberniya s ocherkom prochikh gubernii i oblastei Sibiri. Irkutsk, 1870. Tip. Sinitsyna.140 s.

4. Kizevetter A. A. Gorodovoe Polozhenie Ekateriny II 1785 g. Opyt istoricheskogo kommentariya. M.: Tip. Imper. Mosk. un-ta, 1909. 473 s.

5. Plotnikova M. M. Zakonodatel'stvo kak kommunikatsiya mezhdu absolyutnoi vlast'yu i gorodami v tsarstvova-nie Pavla I // Sib. yurid. vestn. 2014. № 2 (65) (aprel'–iyun'). S. 16–20.

6. Plotnikova M. M. Irkutskoe gorodskoe razvitie pri sibirskom general-gubernatore M. M. Speranskom // Izv. Irkut. gos. un-ta. 2014. T. 7. Ser.: Istoriya. S. 32–43.

7. Plotnikova M. M. M. V. Sibiryakov i deyatel'nost' pervogo sostava Irkutskoi gradskoi dumy 1787–1789 gg. // Izv. Irkut. gos. un-ta. 2012. № 1 (2). Ser.: Istoriya. S. 52–65.

8. PSZ-1. T. 25. № 18664.

9. PSZ-1. T. 25. № 18814.

10. Svod ustavov o gorodskom i sel'skom khozyaistve // Svod zakonov Rossiiskoi imperii, izd. 1857 goda. T. XII. Ch.2. SPb: V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1857. S. 3–23.

[1] РГИА. – Ф. 1264. – Оп.1. – Д. 578. – Л. 5–5 об.

11. Серебренников А. М. Очерк некоторых сторон из жизни города Иркутска в первые три года по введению Городового положения 21 апр. 1785 г. Вып. 2: Городские доходы. Иркутск: тип. И. Коковина, 1894. 51 с.

12. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. 256 с.

11. Serebrennikov A. M. Ocherk nekotorykh storon iz zhizni goroda Irkutska v pervye tri goda po vvedeniyu Gorodovogo polozheniya 21 apr. 1785 g. Vyp. 2: Gorodskie dokhody. Irkutsk: tip. I. Kokovina, 1894. 51 s.

12. Shakherov V. P. Ekonomika sibirskogo doreformennogo goroda (na materialakh gorodov Baikal'skoi Sibi-ri). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 2011. 256 s.

Статья поступила в редакцию 25.05.2015

УДК 93
ББК 63.3(0)5

Александр Александрович Иванов,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1),
e-mail: ottisk@irmail.ru

«… На границе культур»: И. И. Попов в кяхтинской ссылке

Статья посвящена истории пребывания И. И. Попова, революционера, одного из активнейших работников «Народной Воли», в Западном Забайкалье в административной ссылке в 1885–1894 гг. На основании малоизвестных опубликованных материалов автор стремится показать участие Попова в организации общественной городской библиотеки, краеведческого музея, а также Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского Географического общества. Примечательно, что именно И. И. Попов одним из первых профессиональных историков начал систематическое научное изучение истории пребывания декабристов в Забайкалье, их влияния на местное общество, культуру, быт и просвещение. В Кяхте И. И. Попов стал формироваться и как журналист, талантливо пишущий на злобу дня и конструктивно критикующий недостатки сибирской действительности. Благодаря своим корреспонденциям, а также неизменной активной жизненной позиции, Попов пользовался уважением у многих замечательных современников, неоднократно приезжавших в Кяхту или живших здесь подолгу: Е. К. Брешко-Брешковской, Д. А. Клеменца, М. А. Лушникова, Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева. Пребывание И. И. Попова в Кяхте, таким образом, интереснейшая, но малоизученная страница политической истории Западного Забайкалья конца XIX в.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Кяхта, Троицкосавск, Селенгинск, политическая ссылка, декабристы, журналистика.

Aleksandr Aleksandrovich Ivanov,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003),
e-mail: ottisk@irmail.ru

“… On culture border”: I. I. Popov in Kyakhta exile

The article is devoted to history of stay of I. I. Popov, a revolutionary, one of the most active workers of Narodnaya Volya, in an administrative exile in Western Transbaikalia in 1885–1894. Based on the little-known published materials, the author seeks to show Popov’s participation in organization of a public city library, museum of local lore, and Troitskosavsk-Kyakhta office of the Priamursky department of the Imperial Russian Geographical Society. It is remarkable that it was I. I. Popov who as one of the first professional historians began systematic scientific study of history of Decembrists’ stay in Transbaikalia, their influence on local society, culture, life, and education. In Kyakhta, I. I. Popov began his development as a journalist who was skillful in writing topics of the day and criticizing shortcomings of the Siberian reality. Thanks to his correspondence and invariable active living position, Popov was respected by many remarkable contemporaries who repeatedly came to Kyakhta or lived there for a long time: E. K. Breshko-Breshkovskoy, D. A. Klementsa, M. A. Lushnikov, G. N. Potanin, N. M. Yadrintsev. Thus, I. I. Popov’s stay in Kyakhta is the most interesting, but a little-studied page of political history of Western Transbaikalia in the late XIX century.

Keywords: Western Transbaikalia, Kyakhta, Troitskosavsk, Selenginsk, political exile, Decembrists, journalism.

Имя И. И. Попова хорошо известно исследователям политической истории «царской» России: один из активных работников петербургской организации «Народной Воли», он в 1884 г. был арестован и сослан в Западное Забайкалье, а затем, с 1894 по 1906 г., проживал в Иркутске. Его биография связана с изучением Монголии и Прибайкалья, появлением в регионе первых политических партий и движений, развитием демократической периодической печати и становлением городского самоуправления.

Несмотря на столь большую популярность и действительно весомую роль в общественно-политической жизни Прибайкалья конца XIX – начала XX в., научных исследований его биографии, за исключением двух-трёх кратких сообщений в справочных изданиях и энциклопедических словарях, нет. Настоящая статья призвана восполнить этот

© Иванов А. А., 2015

заметный пробел и рассказать хотя бы вкратце о его пребывании в Кяхте в 1885–1894 гг.

Сибирский период биографии И. И. Попова начинается с 1885 г. Административно-ссыльному Попову удивительным образом повезло: он был распределён не в холодную «Якутку», не на север Иркутской губернии, что было бы совершенно естественным, учитывая непримиримый радикализм «Молодой Народной Воли», а получил «назначение» «на юг» – в Западное Забайкалье, в Кяхту, город, находившийся на границе империи и потому практически закрытый для политических ссыльных. Впрочем, везение Ивана Ивановича объяснялось достаточно просто и имело конкретное имя – Вера Алексеевна Лушникова, его супруга, одна из дочерей знаменитого на всю Сибирь и могущественного селенгинского купца первой гильдии А. М. Лушникова.

С Верой Лушниковой Иван Попов познакомился в Петербурге на квартире у известной «общественницы» А. Е. Шестаковой, где проходили всевозможные благотворительные вечера, а по воскресеньям собирались «сибиряки». Вера Алексеевна окончила гимназию Спешневой в Петербурге и слушала лекции на естественном отделении Бестужевских курсов, жила у своего дяди, горного инженера И. В. Баснина. Она была близка с Е. Н. Фигнер, приятельствовала с Неустроевой, женой казнённого в Иркутске учителя гимназии, прекрасно знала П. Ф. Якубовича. Каждый год на летние вакации Лушникова уезжала домой, при этом брала с собой и привозила из Сибири конспиративные посылки. С ней-то петербуржские студенты и отправляли большую часть нелегальной корреспонденции, а также деньги для поддержания малоимущих политических ссыльных [5, с. 143].

По всей видимости, брак Попова и Лушниковой был заключён в Петербурге в начале 1884 г., а в ноябре 1885 административно-ссыльный И. И. Попов прибыл в Кяхту. Здесь в сентябре 1886 г. в его семье родился сын Александр, будущий исследователь творчества отца, много сотрудничавший в советское время с «Каторгой и ссылкой» и «Под знаменем марксизма» (скончался в 1966 г.).

Кяхта 1880-х годов – небольшая купеческая слобода, необычайно быстро разбогатевшая на торговле с Китаем, имела всего несколько десятков построек. Через Кяхту шли в Россию многочисленные караваны с чаем, называемым в стране кяхтинским, а в Европе – русским. Сами кяхтинцы считали свой посёлок городом, гордо именуя его «Песчаной Венецией». Было и ещё одно название этого места – Забалуй-город – здесь располагались роскошные особняки купцов-миллионщиков, православный собор, построенный итальянцами, пожарное депо и команда, содержащиеся на счёт «обчества», гостиный двор, где хранились тюки с товаром, а ещё женская гимназия, типография, редакция местной газеты, городской сад. К этому перечню следует добавить и действовавший колесный тракт до Байкала со своими станциями и ямщиками, выстроенный опять же на средства купцов.

Тесть И. И. Попова, А. М. Лушников, человек разносторонне образованный и культурный, был дружен со многими декабристами – С. Г. Волконским, И. И. Горбачевским, К. П. Торсоном, С. П. Трубецким, в своё время учился искусству рисования у самого Николая Бестужева, долго хранил его рисунки. Помимо торговли чаем, в которую были вложены миллионы, Лушников активно занимался благотворительной деятельностью – способствовал организации сиротского приюта, гимназии, нескольких школ, а в 1890-е гг. поддерживал Кяхтинский отдел Русского Географического общества и газету «Кяхтинский листок».

Материальная независимость, исключавшая необходимость добывать хлеб насущный каждодневным трудом, с чем, как правило, сталкивалось на месте поселения абсолютное большинство административных ссыльных, позволила И. И. Попову всерьёз заняться научными изысканиями по истории этого края: он исследует местные архивы, подробно анализирует частные книжные и этнографические коллекции.

В Селенгинске и Кяхте жива была память о ссыльных декабристах и Иван Иванович начинает систематизацию и накопление «исторических остатков» о «дворянских революционерах». Он расспрашивает и записывает рассказы старожилов, а поездка в Петровский Завод даёт ему знакомства с реальными рабочими и мастерами, в чьих семьях хорошо помнили «государственных преступников». И. И. Попов осматривает здесь сохранившиеся домики, принадлежавшие когда-то «секретным барыням», как звали заводчане жён декабристов, и неоднократно отмечает, как бережно хранят «простые люди» книги, предметы домашнего быта и религиозного культа, оставшиеся от ссыльных. «Декабристы, – резюмирует он, – пробудили в кяхтинцах интерес к политике и общественным вопросам ещё тогда, когда вся Россия была погружена в глубокий сон». Они «…очень много сделали

для Забайкалья и оставили по себе глубокую борозду», – делает вывод Попов из всего увиденного и услышанного [4, с. 40, 45].

Подчеркнём здесь, что И. И. Попов стал одним из первых исследователей-сибиряков, занявшихся профессионально изучением творчества, жизни и быта декабристов Забайкалья. «Рассказы-воспоминания моего тестя А. М. Лушникова и его друга Б. В. Белозёрова, о котором упоминает в своих письмах декабрист И. И. Горбачевский, и других сибиряков, – напишет он потом, – дали много ценного материала о декабристах, петрашевцах, поляках и старой Кяхте» [6, с. 7]. Отметим, что «много ценного» дали не только рассказы. Так, сам И. И. Попов как-то обратил внимание на статью М. А. Бестужева в газете «Кяхтинский листок» (1862, № 6), где некоторые фамилии были обозначены автором только первыми буквами. Позже он обнаружил ветхий экземпляр этой газеты с пометками, сделанными когда-то рукой декабриста, и по ним сумел расшифровать криптонимы [3, с. 63].

В Кяхте и Троицкосавске 1880-х гг. политические (и уголовные) ссыльные насчитывались единицами – пограничное положение этих мест, близкое соседство с Монголией исключало размещение здесь государственных преступников. Среди редких «политиков» – автор называет И. А. Горяинова, С. М. Дудина, П. И. Торгашева, И. А. Юферова – выделялся Н. А. Чарушин, народоволец, один из основателей «кружка чайковцев». В город он приехал с супругой из Нерчинска, где, отбывая положенное законом наказание, брал уроки фотографии у ссыльного нечаевца А. К. Кузнецова, а затем открыл в Кяхте свою фотомастерскую. Долгие беседы и воспоминания о Петербурге и Москве подтвердили совпадение многих политических взглядов Попова и Чарушина, что способствовало их быстрому сближению и даже дружбе, а неистребимая жажда общественно-политической деятельности привела обоих ссыльных к совместной работе на благо Забайкальского края.

Первым делом ссыльных народников стала организация кяхтинской городской библиотеки. Попов вспоминал, как они с большой энергией собирали по пыльным чердакам старинные книги, составляли устав, формировали комитет будущей общественной библиотеки и даже добились выделения отдельного большого помещения, а также немалой годичной субсидии в 600 рублей от местного купеческого общества, чему в большой степени, естественно, способствовал авторитет и положение А. М. Лушникова [4, с. 98].

За библиотекой последовала организация краеведческого музея, для которого ссыльные сначала собрали из домов горожан, а затем систематизировали внушительное количество экспонатов, имевших научное значение. Далее было учреждение Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского Географического общества, ставшего скоро центром подлинно научного исследования края, в том числе национальной культуры и языка бурятского народа. Значительную помощь в организации музея и отделения оказывали Г. Н. и А. В. Потанины и Д. А. и Е. Н. Клеменцы, часто бывавшие в городе и рассматривавшие Кяхту отправным пунктом своих научно-исследовательских экспедиций, а также Ю. Д. Талько-Грынцевич. В своих воспоминаниях И. И. Попов описывает публичную лекцию, прочитанную Г. Н. Потаниным осенью 1886 г. по поводу необходимости скорейшего открытия музея. Лектор сразу же значительно отклонился от заявленной темы, много говорил о неравных взаимоотношениях государства и Сибири, о том, что «центр приносит больше вреда, чем пользы», что «в государственном строительстве нужно идти от периферии к центру, а не наоборот. Устраивайте область, а из областей составится государство» [4, с. 103].

В Кяхте И. И. Попов занимался и педагогической деятельностью. Сначала он вёл уроки с многочисленными братьями и сёстрами своей супруги, затем – с городскими купеческими «барынями и барышнями». Интересно отметить, что здесь Иван Иванович вновь, как в Петербурге в начале 1880-х годов, обращается к К. Марксу. По всей видимости, на этот раз толчком к возобновлению интереса стало чисто утилитарное стремление объяснить ученицам законы появления прибавочной стоимости. Так или иначе, а в течение «двух зим» кяхтинская молодёжь под руководством Попова штудировала «Капитал», не касаясь, впрочем, революционной теории ломки устаревших общественно-производственных отношений [4, с. 66].

Не так далеко от Кяхты, в Селенгинске, проживало на поселении несколько больше политических ссыльных. С ними у Попова сразу же сложились «ровные» товарищеские отношения. Среди тамошних «политиков» самой известной была Е. К. Брешко-Брешковская – знаменитая «бабушка русской револю-

ции». В 1885 г. «бабушке» шёл лишь 41 год, её имя было известно только в узком кругу единомышленников и ещё не ассоциировалось ни с аграрным террором, ни с партией социалистов-революционеров начала XX в. В Селенгинск Брешковская была сослана за попытку побега из Баргузина, она провела здесь восемь лет. Вот как описывает И. И. Попов свои впечатления от встреч с Брешковской: «… большие знания Е. К., её сведения по медицине, запас лекарств, который всегда у неё имелся, привлекали к Е. К. не только обывателей-селенгинцев, заезжали и из деревни крестьяне и буряты, советовались с ней даже по вопросам сельского хозяйства. Е. К. обучала ребят грамоте, а барышням преподавала иностранные языки». Некоторых жителей шокировал костюм Брешковской, постоянно носившей мужские брюки и сапоги, но они полюбили эту женщину за всегдашнюю готовность откликнуться на чужую беду и помочь [4, с. 105].

Вообще, Селенгинская ссылка оставила у Брешковской тягостные воспоминания. Здесь революционерка испытала сильнейшее разочарование в местном крестьянине как объекте народнической пропаганды. «Тамошние крестьяне, – писала она позднее, – складом своего ума и характера настолько отличались от крестьян российских губерний, что при ближайшем с ними ознакомлении, не вызывали во мне большой охоты беседовать… Обилие земли и почти полное отсутствие начальства, особенно в глухих местах, выработали из восточного сибиряка настоящего «янки», индивидуалиста, занятого исключительно собственным благосостоянием» [1, с. 117].

Невосприимчивость крестьянина-сибиряка к народническим догматам о социальном равенстве заставила Брешковскую обратиться к разнообразной «культурной работе»: в Баргузине и Селенгинске она обучала местных детей грамоте, взрослых жителей – шитью и огородничеству. Кроме этого, «бабушка» стала весьма успешно лечить бурят, до этого практически ничего не знавших об официальной медицине. «Для каждого человека, с которым она приходила в соприкосновение, у неё находилось доброе слово, приветливая улыбка и интересная тема для беседы. Она была чрезвычайно проста в обращении и внушала к себе доверие с первой же встречи. Дети, молодёжь, пожилые люди – все чувствовали себя у неё в доме так легко, как в доме родного человека», – такие несколько идиллические воспоминания оставил о «бабушке» М. А. Кроль, также отбывавший в это время селенгинскую ссылку [2, с. 126–127].

Из иных представителей селенгинской ссылки следует упомянуть здесь также К. Я. Шамарина, сосланного в Сибирь «за участие в преступной пропаганде». Шамарин, как и Брешковская, пытался бежать из Баргузина, за что получил четыре года «Якутки», вернулся и был распределён в Селенгинск на поселение. Он оставил заметный след в культурном развитии города тем, что скрупулезно занимался очень важным делом – восстановлением местного архива. Вот как написал об этом В. В. Птицын: «замечательный в историческом отношении городской архив Селенгинска находился в весьма плачевном положении, так как его самая интересная часть, заключавшая в себя самые старые дела, ещё ранее по чьему-то приказанию была увезена из города и «сложена в соляных амбарах на устье Селенги в Чертовкинской пристани, где вскоре первое наводнение смыло амбары и погребло в волнах Байкала все архивные документы. Так этот господин Шамарин в полгода почти без всяких средств разобрал селенгинский архив, установил его по полкам по новейшей системе в отдельном, хотя и деревянном помещении и составил подробнейший и превосходный каталог» [8, с. 7].

Живя в Кяхте и Селенгинске в окружении столь одарённой местной и «пришлой» интеллигенции, И. И. Попов занимался не только изучением наследия декабристов и организацией музейного дела. Именно здесь он впервые почувствовал и непреодолимое влечение к литературной работе, к журналистике. Надо сказать, что первая проба пера состоялась ещё в студенческие годы, под влиянием П. Ф. Якубовича, однако только в ссылке это неосознанное стремление получило свою постоянную реализацию – собранный материал по истории Западного Забайкалья настоятельно требовал публикации и читательского обсуждения. «Из Кяхты, – вспоминал впоследствии Попов, – начал писать в «Сибирскую газету» и «Восточное обозрение» [7, с. 184].

Действительно, в 1888 г. в «Сибирской газете» была опубликована, по всей видимости, одна из первых статей периода ссылки под названием «Кяхта и Троицкосавск». При этом надо иметь в виду, что для административно ссыльного Попова участие в известной на всю Сибирь томской газете могло не понравиться властям и закончиться плохо, например увеличением срока наказания. Тем

не менее уже в этом материале И. И. Попов выступает как вполне зрелый публицист, не боящийся писать на весьма острые вопросы местной жизни. В небольшой по объёму статье автор сумел поднять сразу несколько проблем, сгруппировав их по трём направлениям: изъяны городского самоуправления, несправедливое налогообложение и, конечно же, «рабочий вопрос».

В начале статьи автор подчёркивает хорошо заметный контраст между Кяхтой и Троицкосавском. Роскошь и достаток во всём у одних, нищета и запустение – у других: «Кто не знает Кяхты? При имени же Троицкосавска наверно 9 человек из 10 должны заглянуть в календарь, в список населённых мест, чтобы определить, в котором конце Российской империи он находится. А между тем официально Троицкосавск есть город Забайкальской области, тогда как Кяхта лишь его *слобода* (курсив автора. – А. И.)». При этом на Кяхту, «на её чистоту, богатство, церкви и пр. любо взглянуть», а «рядом лежащий Троицкосавск по бедности общественных зданий, по убожеству обывательских лачужек представляет полнейшую противоположность со своей слободой»[1].

Между тем троицкосавские рабочие имеют также право на прибыль от транспортировки чая – именно их трудом, утверждает автор, укрепляются купеческие капиталы. И не только трудом: скрупулезно проанализировав городской бюджет за последние два-три года, Попов выяснил, что рабочие также отчисляют туда денежные средства. При этом они вместе с мелкими служащими платят 5 % со своего заработка, а купцы – лишь налог с торговых билетов и свидетельств. Такое несправедливое налогообложение даёт поразительный, невероятный результат: нищие рабочие вносят в бюджет города больше, чем «толстосумы-купцы». В качестве подтверждения столь парадоксальной ситуации автор приводит выписку из бюджета 1886 г. : тогда сбор с рабочих артелей составил 3956 р., а с предпринимателей – 3874[2].

Для автора, да и читателя очевидно: городскому самоуправлению следует выработать и законодательно обосновать справедливое распределение совокупного продукта – тогда рабочий Троицкосавск будет выглядеть также примерно, что и Кяхта. А вот этого-то и не происходит, ведь большинство мест в городской думе из года в год занимают не троицкосавцы, а богатые кяхтинцы, принимающие удобный и выгодный для себя бюджет.

И. И. Попов и здесь провёл доскональное расследование, показавшее, что гласные в Троицкосавскую думу избираются тремя разрядами жителей: богатыми купцами, высокооплачиваемыми служащими и наконец мелкими приказчиками и конторщиками, полностью зависимыми от первых двух категорий. Составляя большинство жителей, а значит и избирателей, эти последние к выборам «относятся равнодушно, прекрасно понимая своё бессилие и даже опасность поднимать голос против патронов. Поэтому-то собрания думы у нас идут без всяких прений, с редким «единодушием»», – с сожалением констатирует автор[3].

Оставаясь верным народническим идеалам, И. И. Попов просто не мог обойти своим вниманием и «рабочий вопрос». Конечно, положение троицкосавского пролетария было несколько легче существования наёмного работника где-нибудь в Иваново, но и здесь автор обнаруживает похожую картину «выжимания прибавочного продукта» любой ценой: «гигиенические условия, в которых работают люди, – утверждает он, заглянув в помещения для чистки чая, – невозможны: небольшие, тёмные, нередко совсем без окон избы, лишённые какой-либо вентиляции, грязь, тяжелая, изнуряющая работа, непривыкшему человеку там невозможно пробыть и 10 мин, едкая пыль от заплесневевших “кирпичей” витает в воздухе, и нет возможности разглядеть, что делается в двух шагах…»[4]

Как устранить столь явное угнетение рабочих? Конечно, надо прекратить вычитать из их и без того небольшого заработка (15–20 р.) 5 % налог. Следует также изменить положение о выборах в городскую думу и непременно обеспечить сносные условия труда и отдыха. Однако, как полагает автор, не это главное. Панацея, по его мнению, и это звучит в самом конце статьи, в недостатке «формальной законности». Иными словами, нужно изменение законодательства на государственном уровне, повсеместное введение рабочего страхования и медицинской помощи, ограничение продолжительности рабочего дня. Только тогда рабочий Троицкосавск будет выглядеть так е «блестяще», как и купеческая Кяхта.

В далёкой забайкальской ссылке Попова-журналиста интересуют не только вопро-

[1] Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 25. – С. 8.

[2] Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 10.

[3] Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 9.

[4] Обыватель [Попов И. И.]. Кяхта и Троицкосавск // Сибирская газета. – 1888. – № 30. – С. 10.

сы социальной справедливости. Он также охотно пишет об истории российско-монгольских и российско-китайских отношений, специфике и динамике торговых оборотов, первых караванах с чаем, расцвете и упадке Кяхты[1].

Особое место в кяхтинских статьях И. И. Попова занимает проблема провинциальной интеллигенции. Автор, как и большинство народников, считает, что долг интеллигенции – просвещение своего народа, воспитание «простых людей» на традициях русской культуры. Между тем в Кяхте, где автор весной 1893 г. насчитал не менее «30 дипломированных интеллигентных людей», некому провести городские «народные чтения». Попов напоминает, «что истинно интеллигентные люди не должны ограничиваться только одним выполнением своих прямых, обязанностей – врача или учителя, но также их обязанность воздействовать будирующим образом на среду вне сферы их профессий; только при таком условии и возможны прогресс и гармоническое развитие общественных, просветительных и вообще культурных тенденций в обществе»[2].

В июне 1889 г. формальный срок ссылки закончился, и И. И. Попов уехал за границу, в Париж, где завёл знакомства со многими знаменитыми русскими эмигрантами. С одними связи оказались мимолетными, с другими – охотно поддерживались многие годы, даже из Советской России. В своих воспоминаниях с нескрываемой симпатией Попов пишет о встречах с В. Л. Бурцевым, П. Л. Лавровым, Л. Э. Шишко и некоторыми другими эмигрантами.

Однако поездка в столицу Франции была не только и не столько отдыхом от ссылки. По поручению М. А. Натансона, несомненного лидера иркутской колонии ссыльных того времени, И. И. Попов вёз в Париж для широкой огласки в западной прессе материалы о так называемой «Якутской трагедии». Он должен был постараться передать свидетельства очевидцев расстрела представителям зарубежной прессы. Чтобы рассказы ссыльных не были изъяты и утрачены при обыске на границе, Иван Иванович решил заучить их наизусть, а подлинные документы оставил в Иркутске. Поручение Натансона он выполнил блестяще: на основании его сведений во французских и английских социалистических газетах были опубликованы материалы о расстреле, внесшие свой вклад в решение царского правительства провести хотя бы формальное расследование этой трагедии.

Встречи в Париже с русскими эмигрантами не остались незамеченными для российских охранительных служб. По возвращении в Петербург И. И. Попов был вызван к самому министру внутренних дел П. Н. Дурново, который, выказав удивительную осведомлённость о заграничном вояже Ивана Ивановича, настоятельно «порекомендовал» ему как можно скорей вернуться назад в Кяхту. Так, формально закончившаяся административная ссылка, была фактически продолжена негласным надзором полиции и запретом посещать столичные, а также университетские города России [7, с. 342].

И. И. Попов вернулся в Кяхту. Следующие за этим событием годы, вплоть до 1894, прошли для него под знаком участия не столько в политической, сколько коммерческой деятельности Западного Забайкалья. Дело в том, что А. М. Лушников решил передать ему в управление часть своего огромного «дела», и не знавший до этого «бухгалтерии» И. И. Попов вынужден был даже взять себе помощника. По делам фирмы тестя летом 1891 г. он совершил настоящее путешествие по Сибирской железной дороге и доехал до Ташкента, разбираясь в многочисленных филиалах с оборотами и отчётностью, проведя в пути почти год [6, с. 182; 26].

В середине 1894 г. И. И. Попов переехал из Кяхты в Иркутск. Теперь в Забайкалье И. И. Попов бывал эпизодически, редко: летом 1901 г. он приезжал на похороны А. М. Лушникова, а в 1903 побывал в Кяхте перед длительной поездкой за границу. По всей видимости, следующий приезд состоялся уже в 1909 г. Кяхта, Селенгинск больно поразили своим запустением. Об этом можно прочесть у Е. Петряева, процитировавшего записи Попова из неопубликованного четвёртого тома «Минувшего и пережитого»: «Двадцать пять лет назад, – писал Попов, – когда я, невольный путешественник, приехал в Селенгинск, он показался мне вымирающим городом – половина домов стояла заколоченными. Теперь же, в 1909 году, заколоченных домов было уже две трети... Могилы декабристов Н. А. Бестужева, К. П. Торсона, его детей, жены М. А. Бестужева, которые всегда поддерживали А. М. Лушников и Б. В. Белозёров, так же пришли в ветхость, а памятники и часовня у могил частью рассыпались... Помня, как мой покойный тесть заботился об

[1] И. П–в [Попов И. И.]. Страничка из истории Кяхты (первый караван) // Восточное обозрение. – 1892. – № 51. – С. 8–9; Попов И.И. Русская торговля на Дальнем Востоке // Восточное обо-зрение. – 1895. – № 76, 77.

[2] Homo [Попов И. И.]. Запросы жизни и отношение к ним интеллигенции в Кяхте // Восточное обозрение. – 1893. – № 15. –С. 9.

этих могилах, я задержался в Селенгинске и отремонтировал памятники. Дом Н. А. Бестужева пришёл в окончательную ветхость. С тяжёлым чувством я покинул Селенгинск» [3, с. 51–52].

После Октябрьской революции И. И. Попов работал в московском обществе потребителей «Кооперация», кооперативном клубе, различных историко-революционных издательствах, Центральном бюро краеведения, Московском областном музее. Состоял членом группы народовольцев при Всесоюзном обществе бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Систематизировал свой архив, писал и публиковал воспоминания о современниках и богатой событиями жизни.

Вот как пишет о последних днях И. И. Попова Е. Д. Петряев: «Жил он в Москве на Неглинной... В январе 1941 г. мне привелось навестить его. В комнате на четвёртом этаже за столом, заваленном книгами и рукописями, он с помощью сына Александра Ивановича разбирал «сибирские залежи». Сказал, что его желание навестить Сибирь и особенно дорогую ему Кяхту уже явно невыполнимо: «Во всём меня заменит сын – мой редактор, соавтор и наследник» [6, с. 4].

И. И. Попов умер в феврале 1942 г. от воспаления лёгких, похоронен на Ваганьковском кладбище рядом с могилами товарищей-народовольцев.

Как видим, Кяхтинский период в жизни И. И. Попова был отмечен важными событиями: здесь Иван Иванович начал профессионально исследовать влияние декабристов на местное общество, занялся журналистикой, что предопределило его многолетнее редакторство в «Восточном обозрении», сотрудничество во многих публицистических изданиях Европейской России. Благодаря своей энергии и активной общественной позиции, Попов сумел оказать заметное влияние на организацию учреждений науки, просвещения и культуры в Кяхте в конце XIX века.

Список литературы

1. Брешковская К. Воспоминания и думы // Социалист-революционер (Париж). 1912. Вып. IV.

2. Кроль М. А. Страницы моей жизни. М.;Иерусалим: Мосты культуры, 2008. с.

3. Петряев Евг. Впереди – огни. Очерки культурного прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 340 с.

4. Попов И. И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет). Л.: Колос, 1924. Ч. 2: Сибирь и эмиграция. 290 с.

5. Попов И. И. Минувшее и пережитое. М.; Л.: Academia, 1933. С. 143.

6. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.

7. Попов Иван Иванович: Автобиография // Деятели СССР и революционного движения в России. Энцикл. словарь бр. Гранат. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 182 –186.

8. Птицын Вл. Киренский архив. [Б. м.], [б. г.]. С. 5–7.

References

1. Breshkovskaya K. Vospominaniya i dumy // Sotsialist-revolyutsioner (Parizh). 1912. Vyp. IV.

2. Krol’ M. A. Stranitsy moei zhizni. M.;Ierusalim: Mosty kul’tury, 2008. s.

3. Petryaev Evg. Vperedi – ogni. Ocherki kul’turnogo proshlogo Zabaikal’ya. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1968. 340 s.

4. Popov I. I. Minuvshee i perezhitoe (vospominaniya za 50 let). L.: Kolos, 1924. Ch. 2: Sibir’ i emigratsiya. 290 s.

5. Popov I. I. Minuvshee i perezhitoe. M.; L.: Asademia, 1933. S. 143.

6. Popov I. I. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1989. 384 s.

7. Popov Ivan Ivanovich: Avtobiografiya // Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Entsikl. slovar’ br. Granat. M.: Sov. entsikl., 1989. S. 182 –186.

8. Ptitsyn Vl. Kirenskii arkhiv. [B. m.], [b. g.]. S. 5–7

Статья поступила в редакцию 15.06.2015

УДК 94(571.54)
ББК 63.3(2Р54)

Лилия Владимировна Кальмина,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670047, Россия г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kalminal@gmail.com

Анна Максимовна Плеханова,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН
(670047, Россия г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: plehanova.am@mail.ru

Золотодобыча в Западном Забайкалье в 1880–1920-е годы: региональная специфика

Ведущие позиции в становлении золотодобывающей промышленности Западного Забайкалья занимало частное предпринимательство, что стало одной из специфических особенностей её развития. Способствуя экономическому развитию региона, золотопромышленность в дореволюционный период так и не стала стержнем развития хозяйственных взаимоотношений. Опыты модернизации отрасли в дореволюционный период носили единичный характер.

С установлением советской власти государство, остро нуждаясь в пополнении золотовалютных запасов, вынуждено было разрешить аренду золотосодержащих площадей частным предпринимателям и юридическим лицам. Характерная для отрасли слабая механизация процесса золотодобычи сохранилась и в 1920-е гг., что было связано не только с отдалённостью золотоносных приисков, но и нежеланием частных предпринимателей модернизировать отрасль в связи с неустойчивой политикой советской власти по отношению к частному капиталу. Частное предпринимательство сыграло значительную роль в восстановлении золотодобывающей промышленности и увеличении материальных ресурсов государства, однако к концу 1920-х гг. на смену практиковавшемуся ранее ограничению частного капитала пришла политика его вытеснения и ликвидации.

Исследование показало, что, несмотря на разную идеологическую основу, золотодобыча и в дореволюционный период, и в 1920-е гг. имела общие черты: ставка на частный капитал, искажение отчётности об объёмах золотодобычи с целью уменьшения налогообложения, экстенсивная разработка приисков без значительной механизации процесса.

Ключевые слова: Западное Забайкалье, Бурят-Монгольская АССР, золотодобыча, модернизация, частное предпринимательство.

Liliya Vladimirovna Kal'mina,
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: kalminal@gmail.com

Anna Maksimovna Plekhanova,
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: plehanova.am@mail.ru

Gold Mining in Western Transbaikalia in 1880–1920: Regional Specific Features

One of the specific features of mining industry in Western Transbaikalia was that private entrepreneurship played the main role in the making and development of gold mining from the very outset. By stimulating manufacturing of goods necessary for gold mining and promoting expansion of the domestic market, the gold mining industry contributed to the economic development of Western Transbaikalia. However, in pre-revolutionary period it failed to become the kernel in developing economic interrelations. The instances of modernization of this industry in pre-revolutionary period were merely sporadic.

With the establishment of the Soviet power, the state being badly in need of replenishment of gold and currency reserves had to allow concession of gold-bearing zones to private entrepreneurs and businesses. Weak mechanization of gold mining processes characteristic of this branch of industry continued in the 1920s. This was connected not only with the remoteness of gold mines, but also with the unwillingness of private entrepreneurs to modernize the industry caused by the unstable Soviet policy

© Кальмина Л. В., Плеханова А. М., 2015

toward private business and capital. Nevertheless, private entrepreneurship played a significant role in the recovery of gold mining industry of Buryatia and in the increase of the material resources of the state. By the late 1920s? the practice of limiting private capital was replaced by the policy of its displacement and eradication.

The study has shown that despite different ideological foundation gold mining in pre-revolutionary period and in the 1920s shared some common features, such as a stake on private funds, alteration of reporting documents on the volume of gold mining in order to minimize taxation and extensive placer workings without significant mechanization of the mining process.

***Keywords*:** Western Transbaikalia, Buryat-Mongolian ASSR, gold mining, modernization, private entrepreneurship.

Промышленная разработка золота в Западном Забайкалье (в Баргузинском и Верхнеудинском округах) началась в 1840-е гг., когда появились первые прииски по системе рек Чикой, Цыпа и Цыпикан. В отличие от Восточного Забайкалья, где прииски по большей части принадлежали Кабинету, а труд каторжан применялся до конца 1880-х гг. [9, с. XXXII], в Западном Забайкалье частное предпринимательство сразу заняло ведущие позиции и золотодобыча развивалась как капиталистическое предприятие – на основе капиталов, нажитых в торговле, и использования наёмной рабочей силы. Наличие богатых и легкодоступных месторождений, небольшой капитал, требующийся для их разработки, его быстрая оборачиваемость и перспектива получения большой прибыли способствовали её стремительному и наиболее динамичному развитию. В отчёте за 1893 г. военный губернатор Забайкальской области Е. О. Мациевский, оценивая золотопромышленность как «самое выдающееся производство» в области, указывал, что добыча золота в общей сумме производительности составляет 85 % и «берёт» более 5/6 рабочих рук, занятых фабричной и заводской промышленностью[1].

Во второй половине XIX в. Забайкалье было просто охвачено золотой лихорадкой. Во всех обзорах состояния области указывалось, что «стремление к быстрому обогащению и несообразные доходы некоторых золотопромышленников возбуждают каждого, имеющего даже небольшие средства, кидаться на поиски и разработку золота»[2], так что в крае не осталось «купца, который если не сам владеет промыслами, то не имел бы известной доли участия у другого, или не занимался разведкою золота, или же не потерпел уже убытков» [1, с. 441–442]. Такое положение сохранялось до начала строительства железной дороги, которая как крупное растущее предприятие отвлекла на себя большую часть рабочих рук, в результате чего прииски стали ощущать их недостаток[3]. Однако даже в 1910 г. в области число золотопромышленных рабочих составляло ¾ всех занятых в промышленности [4, с. 10].

Согласно отчёту офицера корпуса жандармов по наблюдению за частными золотыми промыслами полковника Дувинга, с начала добычи до 1864 г. в Верхнеудинском и Баргузинском округах было промыто 120 566 052 пуда песку и добыто более 296 пудов золота[4]. Пик золотодобычи пришёлся на 1860-е гг.: в 1862 г. только в Баргузинском округе было добыто более 131 пуда [2, с. 12]. Однако и эти сведения нельзя считать полными, поскольку золотопромышленники не регистрировали всего добытого золота, чтобы снизить попудную подать. В отчётах также не фиксировались результаты поисков «вольных старателей». К тому же сотни пудов золота расхищались и беспошлинно уходили в Китай. Но даже с учётом этого уже с 1870-х гг. общая тенденция снижения золотодобычи, которая в Верхнеудинском и Баргузинском округах падала даже при неизменном числе приисков, прослеживается явно. В 1889 г. при числе приисков (55) вдвое большем, чем в 1887 г. (29), золота было добыто столько же[5]. Главной причиной спада золотодобычи стала выработка наиболее богатых и легко доступных россыпей: даже на самых богатых из них, где в первые годы разработки в 100 пудах песка содержалось до фунта и более шлихового золота, теперь уже было от силы пять золотников, а в большинстве не дотягивало и до золотника. Из 105 приисков Верхнеудинского округа, указанных в реестре, в 1880–1890-х гг. больше половины вообще не разрабатывались, в Баргузинском из 122 приисков разрабатывались (и то непостоянно) только 49[6]. (Добыча в Баргузинском округе вновь поднялась лишь в конце 1890-х гг. в резуль-

[1] Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). – Ф. 1 (о). – Оп. 1. – Д. 3354. – Л. 52.

[2] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1894 г. – Томск: Изд. Ф. П. Романова, 1893. – С. 111.

[3] ГАЗК. – Ф. 1 (о). – Оп. 1. – Д. 10847. – Л. 81.

[4] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 109. 2 эксп. 1865. – Оп. 95. – Д. 142. – Л. 80.

[5] Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 612. – Л. 1–214.

[6] Подсчитано по: ГАРБ. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 406, 612.

тате открытия богатейших Королонских приисков). Небогатые прииски Троицкосавского и Селенгинского округов разрабатывались лишь несколько лет на рубеже XIX–XX вв.

Золотопромышленность Забайкалья прошла два этапа, характерных для всей золотодобычи Сибири: хронологически короткий период централизации производства и капитала, приведшей к созданию крупных золотопромышленных монополий, и начавшийся в 1870-х гг. интенсивный процесс дробления крупных и средних предприятий, когда золотничный способ становится основной формой добычи драгоценного металла. Концентрация производства касалась в основном Восточного Забайкалья, где под эгидой Кабинета несколько компаний добывали основной объём золота. В Западном Забайкалье в большей степени проявилась тенденция к дроблению приисков, особенно с истощением месторождений, когда разработка значительного числа приисков делалась малорентабельной, а то и вовсе убыточной. Крупные компании, не заинтересованные в модернизации процесса золотодобычи, перестали вкладывать средства в отрасль, а свои прииски либо продали, либо сдали в аренду артелям так называемых «золотничников», т. е. получавшим плату с каждого золотника. Сравнительно легкодоступные россыпи наряду с практически неиссякаемым источником рабочей силы в лице корейских и китайских сезонников сделали кустарные золотничные работы здесь наиболее эффективными для предпринимателей, которые таким образом освободились от забот о модернизации производства, пропитании, жилье и медицинском обслуживании рабочих.

Старатели-золотничники, работавшие в одиночку или артелями и сдававшие добытое золото владельцам прииска, появились на золотых промыслах Верхнеудинского и Баргузинского округов ещё в 1860-е гг. В 1879 г. прииски с золотничным способом работ составляли уже около 49 %, а в начале XX в. – 96 % [7, с. 60; 6, с. 23]. Это самый высокий процент старательских работ в Восточной Сибири.

Дробление предприятий и переход разработки золота в руки мелких и средних предпринимателей из числа бывших приисковых служащих, которые не пытались (да и не имели возможности из-за отсутствия оборотных средств) технически совершенствовать золотодобычу, был закономерен и обусловлен выработкой верхних золотоносных площадей. По существу, золотничная добыча была своего рода «народным», «кустарным промыслом», исполнявшим скорее социальные, чем производственные функции: «около золота» кормились сотни живших поблизости семей, одновременно продолжая заниматься сельским хозяйством.

Вторая «волна» концентрации производства, характерная для начала XX в., мало затронула золотодобычу Западного Забайкалья. В 1900–1911 гг. число золотодобывающих компаний здесь не дотягивало и до двух десятков, из них крупных было всего три: товарищество «Королон», «Большереченское товарищество» и «Восточно-Сибирское товарищество». Сосредоточив у себя половину всех рабочих и около 36 приисков Западно-Забайкальского горного округа, эти компании добыли 73,3 % золота [7, с. 62–64]. Самыми крупными приисками были Королонские, владельцем которых был Я. Фризер. За 10 лет (1898– 1909 гг.) здесь было добыто 250 пудов золота, которые дали в казну 400 тыс. р. дохода[1].

Прокладка Сибирской железной дороги и изданный правительством закон о беспошлинном ввозе техники в Россию во много раз удешевили перевозку оборудования, однако забайкальские золотопромышленники мало этим пользовались. Большая часть их была мелкими производителями, не имевшими больших капиталов, а шансы на получение дешевых кредитов у них были ничтожно малы. К тому же малообразованные управляющие и владельцы приисков не стремились к применению технических знаний, предпочитая реконструкции производства перемещение на восток по мере истощения приисков. Приглашение специалистов по горному делу практиковалось лишь немногими крупными компаниями. Попытки обставить прииски как капиталистические предприятия и сформировать кадры промышленных рабочих были единичными.

Тем не менее, в начале XX в. стартовали первые опыты по модернизации технологии добычи, которая в течение долгого времени оставалась практически неизменной. В 1909 г. на Николаевском прииске Х. Р. Новомейской и Королонских приисках Я. Д. Фризера впервые был применён гидравлический способ. За один 1910 г. гидравлическим способом Фризер добыл более 16 пудов золота, что составило больше половины его общей добычи в Баргузинском округе. В этом же году гидравлические установки действовали на Еленинском прииске по Витиму и Ивановском

[1] ГАРБ. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 425. – Л. 177.

по Витимкану [8, с. 134]. Первая в Забайкалье самодельная драга на деревянном понтоне заработала в 1900 г. на Иоанно-Кронштадском прииске «Мензинского товарищества» в Верхнеудинском округе [7, с. 71]. В Баргузинском округе первая драга, привезённая из Лондона, была установлена на прииске А. Новомейского на Ципикане [3, с. 80].

Однако модернизация единичных приисков состоятельных владельцев и крупных золотопромышленных компаний обеспечила незначительную часть производственного процесса. Даже в 1900–1911 гг. в Западном Забайкалье лишь три прииска из 95 (!) использовали новейшие способы добычи (в Восточном Забайкалье этот процент был вдвое выше) [7, с. 71]. В целом золотопромышленность Западного Забайкалья осталась в стороне от промышленного переворота, который не был завершён и к 1917 г.

Первая мировая война, революции, гражданская война и иностранная интервенция внесли резкие коррективы в развитие забайкальской золотодобычи, вступившей в полосу глубокого кризиса. Если в 1914 г. на 111 разрабатывающихся приисках Западного Забайкалья было намыто 737 кг (45 пудов)[1] золота, то в 1920 г. – всего 33 (2 пуда)[2].

Восстановление золотодобывающей промышленности в регионе началось с образованием Бурят-Монгольской АССР в условиях новой экономической политики. При Народном Комиссариате промышленности и торговли был сформирован Горный отдел, функциями которого были определены организация горных работ, наблюдение за правильностью их ведения, заключение договоров об эксплуатации приисковых участков.

Новая экономическая политика, основанная на признании многоукладности экономики страны и многообразия форм хозяйствования, подразумевала возможность использования частного капитала. В золотодобывающей промышленности Бурятии наиболее распространённой формой привлечения частного капитала стала аренда. С принятием в 1923 г. постановления СНК РСФСР о привлечении в широком масштабе частной инициативы к развитию средней и мелкой золотопромышленности и о предоставлении ряда льгот арендаторам и старателям[3] в аренду стали сдаваться неразрабатываемые золотоносные площади ввиду отсутствия у государства необходимых финансово-технических средств. Наличие в Бурятии многочисленных не эксплуатировавшихся мелких объектов и свободных трудовых ресурсов в приисковых районах в связи с закрытием предприятий в военные годы создавало объективную базу для аккумулирования частного капитала в мелкий и средний золотой промысел. Вступая в договорные отношения на взаимоприемлемых экономических условиях и располагая административно-правовыми рычагами воздействия, государство вовлекало частный капитал в общий процесс возрождения золотопромышленности, поскольку остро нуждалось в дополнительных источниках пополнения валютных ресурсов.

В 1923/24 г., по данным Горного отдела, в Бурятии числилось 576 золотоносных площадей[4], из которых были сданы в аренду и разрабатывались 62 золотоносных участка (11 %)[5]. Из 62 приисков 51 находился в Баргузинском районе, 9 – в Джидинском, 2 – на реке Курбе[6].

Арендаторами являлись частные предприниматели, трудовые товарищества, банки, иногда торгово-снабженческие и кооперативные организации. В 1923/24 г. из 72 месторождений золота и других металлов государственными учреждениями разрабатывались 4 участка, кооперативами и артелями – 6, частными лицами – 62[7].

В 1925 г. в баргузинской тайге – главной «золотой жиле» республики – в аренде состояло 80 приисков, из которых активно разрабатывалось всего 48. Наиболее крупным арендатором был Дальбанк, который разрабатывал 28 приисков и добыл в 1924/25 г. 7 пудов 23 фунта (124 кг) золота из 13 пудов 20 фунтов (221 кг) официально зарегистрированных. Буркоопсоюз на трёх арендованных приисках добыл 2 пуда 17 фунтов (39,7 кг). Остальные 49 приисков были арендованы частными лицами: на тридцати приисках, разрабатываемых гражданами СССР, было добыто 3 пуда 4 фунта золота (50,8 кг); на семнадцати, находившихся в аренде у китайских подданых, 14 фунтов (5,7 кг); на двух приисках, арендованных корейцами, 2 фунта (0,8 кг) [2, с. 17].

По характеру способа ведения работ все разработки приисковых россыпей в 1920-е гг. делились на три вида: 1. Хозяйские работы, характеризующиеся тем, что арендатор

[1] Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчёты. 1925–1926. – Верхнеудинск, 1927. – С. 41.

[2] ГАРБ. – Ф. Р-753. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 81 об.

[3] Законы о частном капитале. – М., 1928. – С. 239.

[4] Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. – Верхнеудинск, 1927. – С. 49.

[5] ГАРБ. – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 448. – Л. 8.

[6] Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчёты. 1923–1924. – Верхнеудинск, 1925. – С. 185.

[7] Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчёты. 1925–1926. – Верхнеудинск, 1927. – С. 39.

разрабатывал взятую в аренду площадь наёмным трудом, причём всё добытое золото поступало в полное распоряжение арендатора. Таким способом разрабатывалось два прииска, на которых было занято 39 рабочих. 2. Старательские работы, отличающиеся тем, что всё добытое золото принадлежало старательской артели, которая договаривалась о продажной цене на золото. Старательскими работами разрабатывалось 37 приисков, на них было занято 613 рабочих. 3. Смешанный способ, при котором часть золота оставалась у рабочего, а часть он отдавал арендатору разрабатываемого прииска. Таким способом разрабатывалось 9 приисков со 103 рабочими. Из 48 приисков только два разрабатывались механизированным способом, на остальных использовался мускульный труд [2, с. 22].

Причинами слабой механизации золотодобывающей отрасли, как и до революции, были отдалённость золотопромышленных районов от железнодорожной магистрали, отсутствие средств связи и полное бездорожье в самих районах. Кроме того, арендаторы, большинство из которых были мелкими, не располагали значительным капиталом, а потому не могли себе позволить затраты на механизацию. Этим объясняется и тот факт, что в основном разрабатывались легко доступные россыпи, а освоение глубоколежащих пластов, золотоносных жил, требовавшее существенных капиталовложений, большинству золотопромышленников было просто не по карману. Ситуацию усугубляла идеологическая нетерпимость советской власти к частному капиталу, что также не способствовало стремлению арендаторов вкладывать средства в модернизацию отрасли.

Тем не менее, с разрешением частного золотого промысла ежегодно стала увеличиваться добыча золота, что видно из следующих данных: в 1923/24 г. было добыто 180 кг; в 1924/25 г. – 223; в 1925/26 г. – 275[1]; 1926/27 г. – 290; в 1927/28 г. – 393 (53,3 % довоенной добычи)[2].

Однако приведённые цифры официально зарегистрированного золота служат не столько иллюстрацией восстановления золотодобычи, сколько показателем слабого учёта и активного утаивания. Современники отмечали, что «только 1/10 часть добытого золота регистрируется, а остальное уходит за границу в карманах китайских рабочих и подрядчиков» [10, с. 56]. Зачастую добываемое частными арендаторами золото сознательно скрывалось в стремлении уйти от повышенного налогообложения. Кроме того, некоторые китайские арендаторы, не знавшие русского языка, и, не имевшие собственного писаря, нанимали разъездного или пользовались услугами соседних грамотных арендаторов для ведения золотозаписных книг, в связи с чем записи совершались эпизодически. Во время посещения баргузинских приисков правительственной комиссией в начале 1926 г. имел место казусный случай, когда «полуоборванный китаец – арендатор Юй-дый пришёл за 50 километров и предоставил членам комиссии целую папку бумаг, среди которых была чистая золотозаписная книга». Для чего Юй-дый явился к комиссии, выяснить не удалось, только на вопрос, почему он не ведёт записи добытого золота в книге, с трудом объяснил, что «незачем зря пачкать книгу» [2, с. 19].

Крайне низкой была средняя производительность приисков. Так, если в 1914 г. она составляла 6,64 кг, то в 1925/26 г. – 2,43. Невысокая производительность объяснялась тем, что большинство приисков были мелкими и добывали в год от 1 до 3 кг золота. Преобладающее большинство частных арендаторов не располагало достаточным капиталом и поэтому не делало необходимых вложений в организацию и расширение промышленного производства, в обновление технического оборудования приисков и выполняло в основном торгово-снабженческие и золотоскупочные операции [11, с. 144]. Исключение составляли лишь некоторые арендаторы, например Дальбанк, который добыл золота в 1925/26 г. 177 кг (63 % всей добычи). На большинстве частноарендованных предприятий господствовал тяжёлый физический труд. Из 393 кг добытого в 1927/28 г. золота механическим путём было получено 22 %, старательскими работами – 63 % и 15 % – вольноприносительским трудом, который по способу добычи также можно отнести к старательскому[3].

Тем не менее, развитие арендных отношений сыграло большую роль в развитии золотодобывающей промышленности. Однако через арендную политику частные предприниматели ставились в жёсткие рамки государственного учёта и контроля. Это позволяло проводить политику использования, ограничения и вытеснения частного капитала из добывающей промышленности, что и произошло к концу 1920-х гг. С 1929 г. аренда золо-

[1] Бурят-Монгольская АССР. Очерки и отчёты. 1925–1926. – Верхнеудинск, 1927. – С. 41.

[2] ГАРБ. – Ф. Р-475. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 207.

[3] ГАРБ. – Ф. Р-475. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 20.

тоносных приисков не получила дальнейшего распространения, что можно объяснить следующими причинами. Во-первых, частнособственнические тенденции ограничивались налоговым прессом, страховыми взносами; во-вторых, государственные органы нередко нарушали договорные обязательства и в одностороннем порядке расторгали соглашения, подрывая доверие арендаторов. Всё это было связано с тем, что на смену практиковавшемуся ранее ограничению частного капитала пришла политика его вытеснения и ликвидации.

Таким образом, золотопромышленность сыграла значительную роль в экономическом развитии Западного Забайкалья, стимулируя производство необходимых для добычи золота товаров (инструментов, продовольствия). С момента зарождения золотодобычи ведущие позиции в её становлении и развитии в дореволюционный период занимало частное предпринимательство, что стало одной из специфических особенностей добывающей промышленности Западного Забайкалья. Однако, хотя золотопромышленность оживила ранее глухие места и способствовала расширению внутреннего рынка, она не стала стержнем, стимулирующим развитие хозяйственных взаимоотношений, не создала развитой инфраструктуры, не оставила после себя капитальных вложений и не привела к освоению и заселению новых территорий. В дореволюционный период она, оставшись в стороне от промышленного переворота, сохранила за собой, по сути, положение кустарного промысла, крайним выражением которого стала так называемая «амбаропромышленность», т. е. скупка золота без всяких затрат на техническое перевооружение и без вкладывания в промышленность оборотного капитала [4, с. 19].

С установлением советской власти государство, остро нуждавшееся в пополнении золотовалютных запасов, но не имевшее средств на разработку золотосодержащих площадей, вынуждено было разрешить их аренду частным предпринимателям, кооперативным организациям, банкам и т. д. И частный капитал, до революции игравший главную роль в развитии золотодобывающей промышленности, в период новой экономической политики, восстанавливая прежние и вводя в эксплуатацию новые золотоносные прииски, увеличивал материальные ресурсы государства, частично решая проблему безработицы. Однако к концу 1920-х гг. в золотопромышленной политике советской власти возобладала тенденция ликвидации частного предпринимательства в связи с общей правительственной линией, направленной на дальнейшую централизацию и ускоренный переход народно-хозяйственного механизма страны на однородную экономическую основу, базирующуюся на государственной собственности на средства производства и соответственных этой собственности производственных отношениях [5, с. 44].

Характерная для отрасли в дореволюционный период слабая механизация процесса золотодобычи сохранилась и в 1920-е гг., что было связано не только с отдалённостью и труднодоступностью золотоносных приисков, отсутствием средств связи и транспортных коммуникаций, но и нежеланием частных предпринимателей вкладывать средства в модернизацию отрасли в связи с неустойчивой политикой советской власти по отношению к частному капиталу.

Список литературы

1. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 493 с.

2. Бутырин П. Н. Золотопромышленность Баргузинского края и её перспективы. Верхнеудинск: Госплан Б.-М АССР, 1926. 39 с.

3. Кальмина Л. В., Курас Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.

4. Лаженцев В. Н., Недешев А. А. Структура и экономические связи Забайкальского хозяйства в дореволюционный период // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века. Забайк. краев. ежегодн. № 6. Чита, 1972. С. 3–28.

References

1. Asalkhanov I. A. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie yugo-vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1963. 493 s.

2. Butyrin P. N. Zolotopromyshlennost' Barguzinskogo kraya i ee perspektivy. Verkhneudinsk: Gosplan B.-M ASSR, 1926. 39 s.

3. Kal'mina L. V., Kuras L. V. Evreiskaya obshchina v Zapadnom Zabaikal'e (60-e gody XIX veka – fevral' 1917 goda). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1999. 172 s.

4. Lazhentsev V. N., Nedeshev A. A. Struktura i ekonomicheskie svyazi Zabaikal'skogo khozyaistva v dorevolyutsionnyi period // Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Zabaikal'ya v kontse XIX – nachale XX veka. Zabaik. kraev. ezhegodn. № 6. Chita, 1972. S. 3–28.

5. Ламин В. А. Золотой след Сибири. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 144 с.

6. Овсянникова Н. Д. Развитие золотопромышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма (1861–1914 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук / Овсянникова Нина Дмитриевна. Иркутск, 1964. 29 с.

7. Патронова А. Г. Особенности развития золотопромышленности в Забайкалье в конце XIX – начале XX века // История экономического развития Забайкалья в конце XIX – начале XX века: Забайк. краев. ежегодн. № 6. Чита, 1972. С. 57–76.

8. Раднаев Б. Э. Развитие промышленности Забайкалья в период капитализма // Бурятия XVII – начала XX в. Экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск: Наука, 1989. С. 132–144.

9. Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. 1. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1898. 574 с.

10. Сумкин Д. Существует ли Верхнеудинский золотопромышленный район? // Жизнь Бурятии. 1926. № 1–3. С. 56–58.

11. Хатылаев М. М. Госкапитализм в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири (1921–1930 гг.) // Россия нэповская: политика, экономика, культура: тез. всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1991. С. 142–144.

5. Lamin V. A. Zolotoi sled Sibiri. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1997. 144 s.

6. Ovsyannikova N. D. Razvitie zolotopromyshlennosti Vostochnoi Sibiri v epokhu kapitalizma (1861–1914 gg.): avtoref. dis. …kand. ist. nauk / Ovsyannikova Nina Dmitrievna. Irkutsk, 1964. 29 s.

7. Patronova A. G. Osobennosti razvitiya zolotopromyshlennosti v Zabaikal'e v kontse XIX – nachale XX veka // Istoriya ekonomicheskogo razvitiya Zabaikal'ya v kontse XIX – nachale XX veka: Zabaik. kraev. ezhegodn. № 6. Chita, 1972. S. 57–76.

8. Radnaev B. E. Razvitie promyshlennosti Zabaikal'ya v period kapitalizma // Buryatiya XVII – nachala XX v. Ekonomika i sotsial'no-kul'turnye protsessy. Novosibirsk: Nauka, 1989. S. 132–144.

9. Semevskii V. I. Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh. T. 1. SPb.: Izd. I. M. Sibiryakova, 1898. 574 s.

10. Sumkin D. Sushchestvuet li Verkhneudinskii zolotopromyshlennyi raion? // Zhizn' Buryatii. 1926. № 1–3. S. 56–58.

11. Khatylaev M. M. Goskapitalizm v zolotodobyvayushchei promyshlennosti Vostochnoi Sibiri (1921–1930 gg.) // Rossiya nepovskaya: politika, ekonomika, kul'tura: tez. vsesoyuz. nauch. konf. Novosibirsk, 1991. S. 142–144.

Статья поступила в редакцию 25.03.2015

УДК 553.41(571.54/55)
ББК 26.34(2Рос-4Чит)

Владимир Александрович Маруев,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: vamaruev@mail.ru

Из истории геологической разведки месторождений золота в Забайкалье в XIX – начале XX века

В данной работе рассматривается история геологических работ, обеспечивающих золотодобычу в Забайкалье. Систематизируются разрозненные данные более ранних исследований. Особое внимание уделяется личностям учёных, внесших существенный вклад в развитие российской геологии, в том числе применительно к территории Забайкалья. Золотодобыча Забайкалья ввиду большой концентрации относительно легко разрабатываемых месторождений позволяла определённое время вести добычу драгоценного металла без проведения длительных, системных, дорогостоящих геологических изысканий. За заявленный хронологический период было проведено интенсивное геологическое освоение Забайкалья. К концу XIX столетия сформирована общая концепция геологического строения региона. На рубеже столетий была проведена масштабная геологоразведывательная работа вдоль строительства Забайкальской железной дороги, выявлены и исследованы многие золотосодержащие месторождения. Значительную роль в деле геологического освоения золотодобывающих месторождений Забайкалья сыграли выдающиеся деятели М. Г. Меглицкий, В. А. Обручев, И. С. Боголюбский, А. П. Герасимов, А. Э. Гейдроц, А. И. Павлуцкий, А. И. Кулибин, Е. О. Грищев, Н. П. Аносов, А. А. Черкасов, Я. А. Макеров, А. Д. Озерский.

***Ключевые слова**:* Забайкалье, золотодобыча, геологоразведка, Российское географическое общество, Геологический комитет, Забайкальская железная дорога.

Vladimir Aleksandrovich Maruev,
Postgraduate Student ,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: vamaruev@mail.ru

From the History of Geological Exploration of Gold Deposits in Transbaikalia in the XIX – Early XX Centuries

The history of geological work that provides gold mining in Transbaikalia is considered in the article. The disembodied data from earlier studies are systemized. Special attention is paid to the personalities of the scientists who have contributed to the development of Russian geology, including the territory of Transbaikalia. Due to the relatively high concentration of easily mined deposits, gold mining in Transbaikalia, allowed producing precious metal for a certain time, without conducting long-term, systemic, expensive geological surveys. During the chronological period studied, an intensive geological exploration of Transbaikalia was carried out. By the end of the nineteenth century the general concept of the geological structure was formed. At the turn of the century an extensive geological exploration work along the construction of the Transbaikal railway was carried out, and many gold deposits were identified and investigated. The outstanding figures such as M. G. Meglitsky, V. A. Obruchev, I. S. Bogolubsky, A. P. Gerasimov, A. E. Geidrots, A. I. Pavlutsky, A. I. Kulibin, E. O. Grishaev, N. P. Anosov, A. A. Cherkasov, I. A. Makarov, A. D. Ozersky played a significant role in the geological exploration of gold deposits in Transbaikalia.

Keywords: Transbaikalia, gold mining, exploration, Russian geographical society, Geological committee, Transbaikal railway.

При исследовании истории золотопромышленного комплекса необходимо представлять историю развития геологического обеспечения золотодобычи. Это обусловлено тем, что геолого-географическая разведка в XIX – начале XX в. являлась одной из движущих сил развития золотодобычи. Поскольку данные вопросы, как и сама история золотодобычи Забайкалья, рассмотрены предшествующими исследователями эпизодично, то представляется логичным провести обобщающую работу по истории геологических и географических исследований в регионе. Особо стоит отметить, что исследование данных вопросов не может происходить строго в территориальных рамках, что заставляет рассматривать вопросы общесибирского и общероссийского масштаба. Это отчасти объясняется

© Маруев В. А., 2015

самой сущностью вопросов, а также неточностью формулировок в некоторых предшествовавших исследованиях. В рамках данной статьи хотелось бы также представить характеристику некоторых исторических персоналий, внесших значительный вклад в геологическое и географическое изучение края.

До 1817 г. систематических, собственно геолого-минералогических, работ не проводилось. В 1817 г. было создано Российское Минералогическое общество, с 1830 г. издаются «Труды минералогического общества», а с 1866 г. – «Записки минералогического общества». Членами общества являлись А. Д. Озерский, Г И. Гесс, Ю. Эйхвальд и другие геологи. В «Записках» регулярно публиковались данные о минералах, рудах и месторождениях Восточного Забайкалья [12, с. 47]. С 1826 г. издаётся «Горный журнал». Одна из его первых публикаций – отчёт о деятельности А. И. Кулибина на Адун-Челоне (1829 г.), а также его «Список ископаемых, хранящихся в Нерчинском заводском округе» (1827 г.). О своих наблюдениях на Адун-Челоне пишет в 1828 г. Г. Гес. В 1829 г. А. Таскин дал описание Онон-Борзинской долины и привёл данные о её золотоносности, а в 1850 г. – произвёл геологические исследования р. Унды. Там же публиковались Разгильдеев, Соколовский, Дубровский, Соколов 2-й [12, с. 48].

Организаторами географического изучения Забайкалья в первой половине XIX в. выступали Академия наук (АН), Горный департамент, местные власти и краеведы. В середине XIX в. к исследованиям подключается Генеральный штаб (Забайкальская экспедиция, 1849–1852 гг.). Совместно с Географическим обществом им проведено в 1855–1859 гг. картирование территорий Дальнего Востока и Забайкалья. К концу XIX в. относится появление топографических и геологических карт. В это время большую роль в изучении физико-географических условий Забайкалья играли географы и геологи В. А. Обручев, А. П. Герасимов, А. Э. Гедройц, А. К. Мейстер [8, с. 14].

В течение XIX в. изучение геологии и полезных ископаемых Восточного Забайкалья вели экспедиции Российской академии наук (РАН), Русского географического общества (РГО) и Кабинета Его императорского величества. Одна из первых кратких характеристик отдельных черт геологии горных массивов была дана Г. С. Спасским в 1821 г. В 1826 г. в статье Г. Гесса была представлена первая характеристика геологии Забайкалья с более точным обозначением пород. Тогда же появилось подробное описание гранитов Адун-Челона и Шерловой горы, проведённое А. Кулибиным. А. Соколовский в 1836 г. сделал обобщение разрозненных данных по стратиграфии Восточного Забайкалья. В 1846 г. эти сведения уточнил Э. Эйхвальд, затем в 1859 г. Ф. Б. Шмидт добавил характеристику новых месторождений по рекам Турге, Унде, Газимуру и Аргуни. Данные по геологии рудоносных площадей содержатся в работах Н. Аносова (1856 г.), А. И. Павлуцкого (1861 г.), Эрмана.

Середина XIX в. характеризуется как время перехода к выявлению закономерностей забайкальской металлогении. В 1867 г. А. Д. Озерский публикует выдающуюся работу «Очерк геологии, минеральных богатств и горного промысла Забайкалья». В конце XIX в. большую работу в плане изучения геологии Забайкалья провёл В. А. Обручев. К концу XIX в. была создана общая концепция геологического строения территории, благотворно повлиявшая на развитие геологических представлений при изучении Центрального и Восточного Забайкалья [10, с. 26].

В начале XX в. исследования геологического характера затронули малоизученные и труднодоступные районы по левобережью реки Шилки, в бассейнах рек Олекмы, Витима и Нюкжи (С. Д. Кузнецов, 1910 г.; П. А. Казанский, 1911 г.; Я. А. Макеров, 1909–1911 гг.; А. К. Мейстер и др.) [12, с. 72–73].

Представляется необходимым остановиться на деятельности Географического общества и Геологического комитета. В деятельности Географического общества в дореволюционный период выделяется отчётливо три этапа, приуроченные к 1845–1861, 1861–1882 и 1882–1917 гг. [11, с. 45–46]. Первый этап характеризуется тем, что «в течение 15 лет Географическое общество организационно укреплялось и разрасталось. В 1850 г. были организованы Кавказский и Восточно-Сибирский отделы. За этот сравнительно короткий срок общество успело провести ряд геолого-географических исследований на Урале, в районах Центральной России, в Астраханской губернии, в Восточной Сибири и в Тянь-Шане, причём деятельность Географического общества характеризовалась стремлением изучать производительные силы далёких окраин с целью способствовать экономическому и культурному развитию страны» [11, с. 46].

С 1861 по 1882 г. основная роль в изучении геологического строения нашей страны принадлежала Минералогическому обществу, которое проводило исследования цен-

тральных районов России и с 1869 г. начало издавать «Материалы для геологии России» [11, с. 50]. Впоследствии геология как наука стала популярной среди деятелей губернских и уездных земств, поскольку приносила большую практическую пользу. Губернские и уездные земства по собственной инициативе начали производить геологические исследования отдельных местностей [11, с. 51].

Исследования в Восточной Сибири по поручению Сибирского отдела Географического общества производил И. А. Лопатин в 1865, 1866, 1867–1878 гг. Наиболее значимым результатом его исследований (1867, 1895, 1897) является маршрутная геологическая карта Восточного Забайкалья [11, с. 52].

С 1861 по 1882 гг. участниками Географического общества были исправлены или составлены орографические схемы Тянь-Шаня, Памира и ряда районов Сибири, заложены основы геологического изучения обширных территорий. На базе этих работ делались теоретические обобщения, важнейшими из которых явились представления И. Д. Черского о главных структурных элементах азиатского материка и об эволюции эрозионного рельефа, а также теория П. А. Кропоткина о четвертичном оледенении [11, с. 55].

Несмотря на то, что основные геологические силы начали концентрироваться с 1882 г. в Геологическом комитете, Географическое общество продолжало направлять многочисленные экспедиции, главным образом в отдалённые, малоизвестные районы Средней Азии и в сопредельные с Россией области Центральной Азии, Китая и Маньчжурии [11, с. 56].

Обобщая историю геологических служб России, нельзя обойти стороной деятельность Геологического комитета. Деятельность последнего по отношению к Забайкалью была незначительной. Геолог В. А. Обручев приводит следующие данные: «В пределах обширной Сибири почти до конца XIX в. не было государственных геологов. В России Геологический комитет был учреждён в 1882 г. в составе директора, трёх старшин и трёх младших геологов, которые в первую очередь занялись планомерной съёмкой геологической карты на Урале и в Донецком бассейне. Сибири, конечно, они не могли уделить никакого внимания, да и надобности в этом ещё не было, так как там горное дело ограничивалось добычей серебро-свинца в Алтайском и Нерчинском округах, которые принадлежали царскому Кабинету и имели самостоятельные управления.

На остальные площади Сибири уже с 30-х гг. XIX в. в разных местах началась разработка золотых россыпей и кое-где были соляные варницы; те и другие находились под надзором чиновника из штата генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири и Приамурья. Очевидно поэтому министерство в 1888 г. сочло необходимым учредить особую должность геолога при Иркутском горном управлении, которое к этому времени было выделено из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства» [17, с. 5].

Геологическому комитету поручалось: «1) систематическое исследование геологического строения территории России; 2) составление и издание подробной геологической карты страны; 3) собирание систематической коллекции пород и минералов; 4) содействие другим ведомствам, а также частным лицам по вопросам геологии» [17, с. 26]. В связи с общими задачами планомерного геологического изучения территории России Геологический комитет основной упор сделал на проведение десятивёрстной геологической съемки и составление в том же масштабе геологической карты Европейской России [13, с. 30]. Помимо этого, с первых лет существования Геологический комитет обратился к геологическому изучению местностей вдоль строящихся и уже действующих железных дорог [13, с. 34].

Геологическое изучение районов Транссибирской магистрали, проводившееся на специальные кредиты, началось в 1892 г. и продолжалось шесть лет. К западу от Байкала работали К. И. Богданович, А. А. Краснопольский, Н. К. Высоцкий, А. К. Мейстер, П. К. Яворовский, Н. Л. Ижицкий, Л. А. Ячевский; к востоку – В. А. Обручев, А. П. Герасимов, Д. В. Иванов, М. М. Иванов и другие. Отчёты и карты, составленные ими, были изданы в специальных выпусках – «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги». В результате проведённых работ вдоль линии Сибирской железной дороги и прилегающих к ней местностях удалось составить первую в истории геологическую карту для районов Сибири и Северного Казахстана (в масштабе 100 вёрст в 1 дюйме). Исследователь Д. И. Гордеев определяет значение постройки железных дорог и сопутствующее ей геологическое изучение прилегающих территорий следующим образом: «Большое значение для познания геологии России сыграли исследования комитета вдоль строившихся железных дорог – особенно Сибирской, Амурской,

Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской. С постройкой Сибирской железной дороги (1891–1905 гг.) начаты были два обширных предприятия: исследования местностей, пересекаемых этой дорогой, и изучение золотоносности областей Сибири. Результатом предпринятых исследований было издание ряда выпусков по сериям «Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги» и «Геологические исследования в золотоносных областях Сибири» [14, с. 15].

Присутствием Геологического комитета был выработан десятилетний план развития геологических исследований в России на 1912–1922 гг. Основные мысли плана были следующие: Европейская часть России уже почти полностью заснята в десятивёрстном масштабе, детальные работы проводятся во многих важнейших горнопромышленных районах (Донбасс, Кубань, Апшеронский полуостров, район кавказских минеральных вод, Южный Урал). Вместе с тем азиатская часть России почти совершенно не изучена. Если вдоль линии Сибирской железной дороги и есть небольшая полоса закартированной территории, а на Алтае в Нерчинском округе делаются десятивёрстные карты силами Геологического отдела Кабинета, то остальная часть азиатской России либо пересечена редкими маршрутными исследованиями, приуроченными к крупным водным артериям, либо является белым пятном (большая часть Сибири) [13, с. 56–57]. Планом на десятилетие было предусмотрено значительное расширение геологической съёмки в азиатской части России. Для Южной полосы было запланировано составление карты в масштабе 1:420000, причём вся территория была разделена на пять естественных областей, отличающихся по геологическому строению: Западно-Сибирская, Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Амуро-Приморская» [14, с. 16].

Представляется необходимым перейти теперь к рассмотрению некоторых исторических персоналий, связанных с геологическим освоением Восточной Сибири. Естественно, что критерием выбора персоналий для данной работы было непосредственное участие ими в поиске золотосодержащих месторождений.

Владимир Афанасьевич Обручев (1863–1956) окончил Петербургский горный институт в 1886 г. В 80–90-х гг. XIX в. его работы были связаны с проектированием Сибирской и Закаспийской железных дорог. При проектировании и строительстве Сибирской железнодорожной магистрали были созданы в 1893 г. три «сибирские горные партии», руководство над которыми осуществлял Геологический комитет. В Забайкальском отряде Восточносибирской партии А. О. Обручев несколько лет работал на средства Русского географического общества. Путешествовал по Центральной Азии (Монголия, Джунгария, Китай) [14, с. 22–23].

В результате многолетних работ в Сибири им изданы: «Геология Сибири» в трёх томах (1935–1938) и «История геологического исследования Сибири» в пяти томах. В продолжение 20 лет В. А. Обручев в разное время преподавал в Томском технологическом институте, Таврическом (Симферопольском) университете и Московской горной академии. Явился основателем школы сибирских геологов (М. А. Усов, М. К. Куровин). С 1921 г. В. А. Обручев является член-корреспондентом АН СССР, а с 1929 г. – академиком. Был одним из организаторов в Академии наук СССР Института мерзловедения. Неоднократно за свои научные работы награждался советским правительством. Удостоен звания Героя Социалистического Труда, лауреат ряда сталинских премий. В 1937 г. возглавлял советскую делегацию на XVII сессии Международного геологического конгресса [14, с. 24].

Об исследователе Забайкалья горном инженере М. Г. Меглицком предоставляет данные В. Балабанов. В 1846 г. он завершил обучение в институте корпуса горных инженеров, спустя три года был прикомандирован к Забайкальской экспедиции и исследовал геологию Карийских золотых промыслов. Помимо Карийских промыслов и их окрестностей он изучил также левый берег Шилки до Бянкино и от Горбицы до села Ломы, а также гору Полосатик, находящуюся в десяти километрах ниже Шилкинского Завода и интересную в отношении образования в ней халцедоновых шаров.

Зимой 1850 г. он находился в Иркутске, а летом был командирован в Верхоянский хребет для осмотра и изучения Эндыбальского серебро-свинцового месторождения. Через год он на оленях пробрался к устью р. Уды, исследовал Шантарские острова и побережье Охотского моря. Оттуда снова вернулся в Забайкалье. В это время он принял деятельное участие в работе Сибирского отдела Русского географического общества, вместе с топографом Карликовым составил первую «орографическую карту Восточной Сибири».

М. Г. Меглицкий был избран действительным членом Минералогического общества. Не успевал обрабатывать всю полученную информацию. Вернувшись в 1856 г. в Европейскую часть России, он часто вспоминал о Нерчинских заводах и о тех мерах, какие следовало предпринять для улучшения и расширения там горнозаводского дела. Многие дневники учёного были обработаны М. Н. Мельниковым только спустя 35 лет после смерти автора [1].

Известным специалистом горного дела, автором не утративших до сих пор научной ценности исследований являлся Иннокентий Семенович Боголюбский. Он родился в городе Нерчинске в семье протоиерея в 1840 г. В 1861 г. закончил корпус института Горных инженеров в Петербурге и отправился на службу в Нерчинский горный округ начальником Кадаинского рудника. Затем служил приставом Шахтоминского промысла, управляющим Лунжиканским, Карийскими и Борзинскими промыслами. За отличие в службе в 1866 г. был произведён в поручики, а в 1867 г. получил должность титулярного советника со старшинством. В 1868 г., сопровождая золото и серебро, отправился в Петербург помощником караванного офицера. Изучив в столице «операции поисков и опробования золота», в 1870 г. вернулся в Нерчинский горный округ [15]. В июне 1870 г. получает назначение «в Амурский край для поиска и разведок серебро-свинцовых руд» [6, с. 130]. С этой целью им было обследовано побережье Японского моря разведывал также серебро-свинцовые руды на реке Ванцин и на о. Сахалин, открыл месторождение железных руд по р. Арзамасовке (Тутунге) в заливе Св. Ольги.

По данным исследователя Т. А. Константиновой: «Отойдя от службы по состоянию здоровья в 1873 г., занимался обработкой собранных им полевых материалов, преподавал в Иркутской гимназии, работал в Главном Управлении Восточной Сибири. Затем был окружным ревизором в Ачинском, Минусинском и Красноярских округах, в Амурской и Приморской областях. Свои научные познания и практический опыт реализовал, создавая Минусинский музей, сотрудничая с Забайкальским отделом Русского географического Общества, с Обществом естествоиспытателей и Минералогическим обществом в 1897 г. » [15].

Большую роль в развитии геологии Забайкалья сыграл инженер-контролёр А. П. Герасимов. В 1893 г. по окончании Петербургского горного института молодой геолог отравился в свою первую экспедицию – в киргизские степи. Спустя два года горный департамент отправил его в Забайкалье для участия в исследованиях вдоль линии железной дороги. Ему необходимо было проплыть по Ингоде и Шилке до Нерчинска, подробно изучить геологическое строение и природные условия по трассе будущей магистрали. В том числе им были осмотрены прииски Казаково и Новотроицкий [2].

Исследования учёного Антона Эдмундовича Гейдроца начались в Забайкалье в 1895 г. До 1898 г. он работал в составе Забайкальской горной партии. Целью партии было геологическое изучение вдоль строящейся Транссибирской магистрали, равно как и выявление полезных ископаемых в прилегающих районах. Ему достался для исследования участок вдоль реки Шилки от Нерчинска до с. Покровка, куда первоначально планировалось продлить железную дорогу. В 1895 г. в основном занимался изучением местности, расположенной к северу и северо-востоку от Нерчинска. Исследуя долину Шилки посещал золотые прииски на Черном Урюме и Малой Кудече.

В 1898 г. Забайкальская горная партия закончила свои исследования. Было охвачено геологической съемкой в десятивёрстном масштабе около семи процентов территории области, составлена полная и точная орографическая карта, обследовано и осмотрено большое количество месторождений полезных ископаемых и минеральных источников. В 1909 г. вышел в свет полный геологический отчёт о его четырёхлетних исследованиях в Нерчинской Даурии [3].

Горный инженер, начальник Шилкинского сереброплавильного завода Антон Иванович Павлуцкий организовывал в середине XIX в. золотопоисковые отряды во главе со штейгерами. Их направляли на ближайшие речки шилкинского бассейна. Под его общим руководством работало от трёх до восьми поисковых отрядов.

Под его руководством открыто в 1848 г. богатое Шахтаминское месторождение. Он исследовал многие мелкие россыпные месторождения. Последним открытием была золотоносность речки Бальджи в бассейне Онона. Павлуцкий заболел и, как сообщает А. А. Черкасов, автор книги «Записки охотника Восточной Сибири», его больного «на качалке вывезли из дремучих сибирских трущоб» [4].

В развитие золотодобычи Забайкалья значимый вклад сделал Александр Ивано-

вич Кулибин – сын известного механика самоучки И. П. Кулибина. В 1820 г. он окончил Горный кадетский корпус и был отправлен сначала на Алтай, а затем командирован на работу в Нерчинский горный округ. Известно его описание Ундинского золотого промысла. Впоследствии он работал в других районах Забайкалья.

Также он известен составлением списка минералов, горных пород и полезных ископаемых Нерчинского горного округа. Список был опубликован в «Указателе открытий» (издание Н. Щеглова). В списке помещены 80 названий минералов, в том числе несколько впервые открытых в Забайкалье – один из них «кулибинит» [4].

Золотоискатель Евграф Онисидорович Грищёв «не разбирался в геологической терминологии, «зато был дотошным и любознательным» [5]. В 1876 г. он открыл рудное месторождение, названое Евдокие-Васильевским, по имени купчихи Евдокии Васильевны Белоголовой. Служил в компании Останиных и Белоголовой. В последствии привлечён для поиска коренного золота в бассейне Онона, по речке Средний Хонгорок Ононской компанией братьев Сабашниковых. Имея большие полномочия, он руководил поисковым отрядом. В 1882 г. на склоне пади Средний Хонгорок им было открыто жильное месторождение золота, названное в честь его Евграфским.

Многое для развития Забайкалья сделал Аносов Николай Павлович. Родился в 1835 г. в Златоусте в семье известного инженера-металлурга Павла Петровича Аносова. В 1853 г. закончил Санкт-Петербургский горный институт и был приглашён генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым работать на Нерчинские заводы. Открыл золотые россыпи на реках Кия (приток Шилки, 1855 г.) и Бальджа (приток Онона, 1856 г.), за что награждён орденом Святой Анны 3-й степени и обеспечен пенсией в 600 р. в год до выработки открытых им приисков. В 1857 г. назначен чиновником особых поручений при губернаторе Восточной Сибири. Участвовал в «амурских сплавах» с целью производства геологических исследований. Являлся хозяином ряда золотодобывающих предприятий. Последние годы жил в Петербурге, где в 1872 г. приобрёл звание камер-юнкера Двора Его Величества. Скончался в 1890 г. [16, с. 67].

В 1834 г. в Старой Руссе родился Александр Александрович Черкасов. В 1856–1857 гг. во главе поисковой партии работал на реке Бальджа, где открыл золотые россыпи по её притокам – Верхнему, Среднему, Прямому Бальзирам и ручью Перевальному. В 1856–1861 гг. служил на Алгачинском руднике Карийских золотых промыслов. В 1862 г. руководил геологоразведочной партией, занимался поисками золота в долинах Белого и Чёрного Урюмов. В 1863 г. на реке Малый Урюм открыл богатые золотые россыпи, за что в 1864 г. ему была назначена пенсия в 1200 р. в год «до тех пор, пока Урюмская россыпь со всеми её притоками будет с выгодой разрабатываться». С 1870 по 1882 гг. работал на Алтае. В 1883 г. вышел в отставку. До 1890 г. жил в Барнауле, где был избран городским головой, а с 1890 г. в Екатеринбурге, где так же исполнял должность городского головы. Автор книги «Записки охотника Восточной Сибири». Скончался в 1895 г. в Екатеринбурге. В селе Кыра его именем названа улица [16, с. 69].

Известен также учёный Яков Антонович Макеров. Он родился в Петропавловске Акмолинской области. После окончания Горного института работал в Геологическом комитете (с 1909 г.), позднее – в Дальневосточном отделении Геологического комитета, был его заведующим. Работал в составе Амурской партии, изучавшей местность вдоль строящейся Сибирской железной дороги в пределах Забайкалья и Амурской области. Именно он осуществил систематическое изучение геологического строения и рельефа бассейнов рек Амазара, Чёрного и Белого Урюмов, Тунгира, Нюкжи. Также он исследовал ряд коренных и россыпных месторождений золота (в районах рек Дельмачика, Тырина, Бырцы и Или), Дарасунские минеральные источники, курорт Олентуй, Балягинское месторождение магнитного железняка и Букачачинское месторождение каменных углей [9, с. 35].

Большой вклад в развитие Забайкалья внёс Александр Дмитриевич Озёрский. После окончания в 1831 г. горно-кадетского корпуса Озёрский работал с известным в то время химиком академиком Г. И. Гессе и читал в горном корпусе лекции по минералогии. Впервые он приехал в Забайкалье в 1834 г., а на следующий год вновь туда вернулся.

В третий раз А. Д. Озёрский был в Забайкалье в 1852 г. Работал председателем комиссии, которую создало правительство для производства ревизии серебро-свинцовых месторождений области и решения вопроса о размерах возможной добычи этих металлов. Когда уже комиссия приступила к работе, А. Д. Озёрскому поручили изыскать средства к основанию нового чугуноплавильного и железоделательного завода [7, с. 67].

Результаты своих наблюдений он изложил в книге «Очерк геологии минеральных

богатств и горного промысла Забайкалья», изданной в 1876 г. В очерке дана краткая геологическая характеристика края, а также приводится большой список минералов и основных месторождений Нерчинского горного округа, кратко излагается история горного промысла с начала его возникновения до 1867 г. [7, с. 67–68].

В рукописных материалах комиссии А. Д. Озёрского описано более пятисот известных в то время месторождений и рудопроявлений. Вся территория Нерчинского округа была разделена на ряд свит, причём это было не простое деление, а обоснованное геологическим строением края. В каждую свиту вошло от двух до тридцати месторождений. По каждому руднику, прииску или отдельному шурфу даётся краткая характеристика горных работ, характер оруденения, запасы, количество добытых руд и металлов. В конце характеристики приводится «Заключение комиссии 1852–53 гг.».

Изучая серебро-свинцовые месторождения Забайкалья, А. Д. Озёрский сделал вывод о том, что почти все месторождения края располагаются в виде полос. Учёный выделил семь таких полос, пять из которых имеют северо-восточное простирание и только две – северо-западное. Это выделение дало возможность в дальнейшем вести целенаправленные поиски месторождений, а затем и помогло академику С. С. Смирнову найти закономерности в распределении металлов, обосновать и выделить несколько рудных поясов: молибденово-золотой, оловянно-вольфрамовый, полиметаллический. По мнению В. Балабанова: «Работы геолога и минералога А. Д. Озёрского ещё недостаточно исследованы. Едва ли известен полный список его печатных и рукописных работ. А. Д. Озёрский был членом Московского общества испытателей природы, минералогического, географического и ряда других научных обществ. Умер А. Д. Озёрский в Петербурге 1 октября 1880 года» [7, с. 68].

За заявленный хронологический период было проведено интенсивное геологическое освоение Забайкалья. В 1820-е гг. были представлены первые характеристики геологии Забайкалья с точным обозначением пород. В 1855–1859 гг. проводится картирование территорий Дальнего Востока и Забайкалья. К концу XIX в. была сформирована общая концепция геологического строения территории, способствовавшая изучению Центрального и Восточного Забайкалья. В конце XIX – начале XX в. проведена масштабная геологоразведывательная работа вдоль строительства Забайкальской железной дороги, выявлены и исследованы многие золотосодержащие месторождения. Значительный вклад в дело открытия и освоения золотосодержащих месторождений и развитие геологии Забайкалья сделали выдающиеся деятели М. Г. Меглицкий, В. А. Обручев, И. С. Боголюбский, А. П. Герасимов, А. Э. Гейдроц, А. И. Павлуцкий, А. И. Кулибин, Е. О. Грищев, Н. П. Аносов, А. А. Черкасов, Я. А. Макеров, А. Д. Озерский.

Источники

1. Балабанов В. Исследователь Забайкалья Горный инженер М. Г. Меглицкий // Забайкальский рабочий. 1960. 28 января.

2. Балабанов В. Инженер-контролёр Читинского горного округа А. П. Герасимов // Забайкальский рабочий. 1958. 6 июля.

3. Балабанов В. Геологические исследования Нерчинской Даурии // Забайкальский рабочий. 1959. 9 апреля.

4. Балабанов В. Первооткрыватели // Забайкальский рабочий. 1972. 17 декабря.

5. Балабанов В. Рудознатец Грищёв // Забайкальский рабочий. 1972. 8 января.

6. Балабанов В. Иннокентий Семенович Боголюбский (130 лет со дня рождения) (1840–1897 гг.) // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1970 год: Чита: Чит. гор. тип. упр. по печати (изд. Заб. филиала Геогр. общ СССР), 1969. С. 130–132.

7. Балабанов В. Александр Дмитриевич Озёрский (1813–1880). 155 лет со дня рождения // Календарь знаменательных и памятных дат по Читинской области на 1968 год. Чита: Тип. газ. «Балейский рабочий». С. 67–69.

Istochniki

1. Balabanov V. Issledovatel' Zabaikal'ya Gornyi inzhener M. G. Meglitskii // Zabaikal'skii rabochii. 1960. 28 yanvarya.

2. Balabanov V. Inzhener-kontroler Chitinskogo gornogo okruga A. P. Gerasimov // Zabaikal'skii rabochii. 1958. 6 iyulya.

3. Balabanov V. Geologicheskie issledovaniya Nerchinskoi Daurii // Zabaikal'skii rabochii. 1959. 9 aprelya.

4. Balabanov V. Pervootkryvateli // Zabaikal'skii rabochii. 1972. 17 dekabrya.

5. Balabanov V. Rudoznatets Grishchev // Zabaikal'skii rabochii. 1972. 8 yanvarya.

6. Balabanov V. Innokentii Semenovich Bogolyubskii (130 let so dnya rozhdeniya) (1840–1897 gg.) // Kalen-dar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Chitinskoi oblasti na 1970 god: Chita: Chit. gor. tip. upr. po pechati (izd. Zab. filiala Geogr. obshch SSSR), 1969. S. 130–132.

7. Balabanov V. Aleksandr Dmitrievich Ozyorskii (1813–1880). 155 let so dnya rozhdeniya // Kalendar' zna-menatel'nykh i pamyatnykh dat po Chitinskoi oblasti na 1968 god. Chita: Tip. gaz. «Baleiskii rabochii». S. 67–69.

8. Котельников А. М., Руденко Ю. Т., Юргенсон Г. А. Очерк истории географического изучения // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т. I: Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 14–15.

9. Сизиков А. И. Яков Антонович Макеров. 110 лет со дня рождения 1860–1940 // Календарь знаменательных и памятных дат Читинской области на 1970 год: Чита: Чит. гор. тип. упр. по печати (изд. Заб. филиала Геогр. общ. СССР), 1969. С. 35–36.

10. Юргенсон Г. А. Полезные ископаемые // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: В 4 т. Т. I: Общий очерк / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2000. С. 26–36.

Список литературы

11. Бархатова Н. Н. Вклад Всесоюзного Географического общества в отечественную геологию // Очерки по истории геологических знаний. Вып. 3. Изд-во Акад. наук СССР, 1955. С. 45–75.

12. Геологические исследования и горнопромышленный комплекс Забайкалья: история, современное состояние, проблемы, перспективы развития. К 300-летию основания приказа Рудокопных дел / Г. А. Юргенсон, В. С. Чечеткин, В. А. Асосков и др. Новосибирск: Наука, 1999. 574 с.

13. Клеопов И. Л. Геологический комитет 1882–1929 гг. История геология в России. М.: Наука, 1964. 176 с.

14. Гордеев Д. И. История геологических наук. Ч. 2 (от конца XIX до сер. XX века). М.: Типогр. изд-ва МГУ, 1972. 323 с.

15. Константинова Т. А. Горный инженер Иннокентий Боголюбский // Наследие, 2000. Март.

16. Немеров В. Ф. Генералы золотых карьеров. Улан-Удэ: НоваПринт, 2011. 268 с.

17. Обручев В. А. Избранные труды. Том 3. М.: Изд-во акад. наук СССР, 1961. 568 с.

8. Kotel'nikov A. M., Rudenko Yu. T., Yurgenson G. A. Ocherk istorii geograficheskogo izucheniya // Entsikl. Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': v 4 t. T. I: Obshchii ocherk / gl. red. R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2000. S. 14–15.

9. Sizikov A. I. Yakov Antonovich Makerov. 110 let so dnya rozhdeniya 1860–1940 // Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Chitinskoi oblasti na 1970 god: Chita: Chit. gor. tip. upr. po pechati (izd. Zab. filiala Geogr. obshch. SSSR), 1969. S. 35–36.

10. Yurgenson G. A. Poleznye iskopaemye // Entsikl. Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast': V 4 t. T. I: Obshchii ocherk / gl. red. R. F. Geniatulin. Novosibirsk: Nauka, 2000. S. 26–36.

References

11. Barkhatova N. N. Vklad Vsesoyuznogo Geograficheskogo obshchestva v otechestvennuyu geologiyu // Ocherki po istorii geologicheskikh znanii. Vyp. 3. Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. S. 45–75.

12. Geologicheskie issledovaniya i gornopromyshlennyi kompleks Zabaikal'ya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya. K 300-letiyu osnovaniya prikaza Rudokopnykh del / G. A. Yurgenson, V. S. Chechetkin, V. A. Asoskov i dr. Novosibirsk: Nauka, 1999. 574 s.

13. Kleopov I. L. Geologicheskii komitet 1882–1929 gg. Istoriya geologiya v Rossii. M.: Nauka, 1964. 176 s.

14. Gordeev D. I. Istoriya geologicheskikh nauk. Ch. 2 (ot kontsa XIX do ser. XX veka). M.: Tipogr. izd-va MGU, 1972. 323 s.

15. Konstantinova T. A. Gornyi inzhener Innokentii Bogolyubskii // Nasledie, 2000. Mart.

16. Nemerov V. F. Generaly zolotykh kar'erov. Ulan-Ude: NovaPrint, 2011. 268 s.

17. Obruchev V. A. Izbrannye trudy. Tom 3. M.: Izd-vo akad. nauk SSSR, 1961. 568 s.

Статья поступила в редакцию 03.06.2015

УДК 336.244
ББК 65.428

Наталья Геннадьевна Савосина,
кандидат юридических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ngsav@mail.ru

Особенности регулирования таможенно-торговых отношений на территории Забайкалья во второй половине XVII века

В статье впервые предпринята попытка анализа законодательства, определяющего условия деятельности таможенных служащих XVII века. На основе анализа нормативных актов определены условия пошлинного обложения, перемещаемых товаров, а также особенности организации деятельности таможенных голов и целовальников. Автор раскрывает основные права и обязанности таможенных служителей, особенности взаимодействия с местными властями. Особое внимание автор обращает на особенности регулирования торгово-таможенных отношений в Сибири и непосредственно Нерчинске, осуществляемое через систему актов органов центрального управления. В статье автор акцентирует внимание на том, что зарождение таможенного дела на территории Забайкалья следует связывать именно с историей Нерчинска, который со второй половины XVII века, стал основным центром сибирской торговли и таможенного дела. Автор статьи отмечает ряд особенностей в регулировании торгово-таможенных отношений, обусловленных особым вниманием государственных властей к восточным рубежам страны. По мнению автора, это обусловлено решением двух стратегических задач государства: освоение отдалённых территорий и развитие торговли с целью пополнения государственной казны. В заключительной части статьи автор указывает на основную причину упадка нерчинского торга и определяет границу следующего периода развития таможенного дела на территории Забайкалья.

Ключевые слова: торгово-таможенные отношения, таможенные органы, таможня, таможенный голова, Нерчинск, Сибирский приказ, таможенная пошлина, Забайкалье.

Natalia Gennadievna Savosina,
Candidate of Legal Sciences, Associate Proffesor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St.,Chita, Russia, 672039),
e-mail: ngsav@mail.ru

Transbaikalia Customs and Trade Regulation in the Second Half of the XVII Century

The article deals with the XVII century customs legislation analysis. Transported goods duty taxation peculiarities are determined on the basis of legal texts as well as customs heads and tax collector activitiesare described. The author analyzes both customs officials main rights and responsibilities and their interaction with the authorities. The trade and customs relations regulation in Siberia, particularly in Nerchinsk is the core of the article. The author pays attention to the fact that the history of the customs affairs in Transbaikalia is closely connected with Nerchinsk history that had become the Siberian trade and customs centre since the second half of the XVII century. The author points out some trade and customs regulation peculiarities caused by close attention of the state authorities to the eastern parts of the country. The autho considers them the two tasks in strategy of the state. On the one hand, it was necessary to explore distant territories; on the other hand, it was important to promote trade developing for the Treasury replenishment. In conclusion, the author highlights the main reason for Nerchinsk trade decline and defines the next developing period for the customs affairs in Transbaikalia.

***Keywords*:** trade and customs relations, customs authorities, customs, customs head, Nerchinsk, Siberian Department, customs duty, Transbaikalia.

Изучение истории таможенного дела в различные периоды как в целом по стране, так и отдельных её регионов является одной из важнейших задач исторической науки. Несомненный научный и практический интерес представляет исследование истории таможенного дела одного из крупнейших регионов Восточной Сибири – Забайкалья. Значение исследований подобного характера определяется потребностью извлечения позитивного и негативного опыта предшествующих лет по использованию различных форм деятельности таможенных органов, в условиях их приграничного статуса.

Торгово-таможенное развитие Забайкалья в отечественной историографии вплоть до настоящего времени не стало предметом комплексного исследования, хотя отдельные

© Савосина Н. Г., 2015

его элементы в большей или меньшей степени рассматривались специалистами. Отдельные стороны развития таможенного дела на территории забайкальского региона были освещены в работах таких авторов, как Н. А. Беляева, В. И. Дьяков, Д. С. Луконин и др.[1] Но перечисленные исследования охватывают период конца XIX – начала XX в., когда на территории Забайкалья прочно установилась система таможенных учреждений. Вопросы же становления таможенного дела в границах рассматриваемого региона, не получили освещения вовсе. В настоящей работе впервые предпринимается попытка анализа организации таможенного дела на территории Забайкалья во второй половине XVII в.

Таможенные отношения в русском государстве до XVIII в. часто именуются торгово-таможенными, так как таможни в этот период времени учреждались с целью государственного регулирования торговли. На территории Забайкалья возникновение таможенных структур было обусловлено установлением торговых отношений с близлежащими соседями, прежде всего с Китаем. Присоединив Забайкалье к Русскому государству, русские сразу вошли в непосредственное соприкосновение с Китаем. По данным отдельных исследователей Забайкалья китайцы появились в Нерчинске задолго до установления официальных торговых отношений. По их утверждению первый торговый караван четырёх китайских купцов прошёл в Нерчинске ещё в 1670 г., потом было ещё два каравана тринадцати и тридцати пяти купцов [9, с. 9]. В 1675 г. через Нерчинск отправился в Китай первый торговый караван енисейского сына боярского Ивана Поршенникова и «торговых гостей» Евстафия Филатова и Гавриила Романова [9, с.10]. Первый казённый караван прошёл через Нерчинск в 1699 г. Таким образом, занимая выгодное положение на путях сообщения с Китаем Нерчинск мог вполне превратиться в торговый центр Забайкалья, что собственно и произошло несколько позднее.

Развитие торговли привело к активной деятельности в Нерчинске таможенных голов и целовальников, тех лиц, которые осуществляли таможенную деятельность на местах. К этому периоду времени система местного таможенного управления выглядела следующим образом: местное финансовое управление находилось в руках двух органов – воевод и выборных местных властей. Как и по всей Руси, таможенные служители должны были обеспечивать поступления в казну за счёт сбора таможенной пошлины.

Воевода сам сбором таможенных доходов не управлял, но в его обязанности входило помогать тем, кто ведал их сбором. Так, они обязаны были предоставлять таможенным головам помещение для жилья, обеспечивать охрану. В отдельных случаях полномочия воевод расширялись. Они имели «наблюдение за точным исполнением сборщиков таможенных пошлин возложенных на них обязанностей..; заботились о выборах голов и целовальников; считали приход и расход и иногда отвечали за успешность таможенных сборов» [2, с. 49].

Таможенными сборами на местах ведали таможенные головы, которые иногда посылались из Москвы, чаще выбирались местными жителями из своей среды [2, с. 42]. Таможенные головы назначались на один год, и выборы их происходили за несколько месяцев до вступления в должность. «Выборных голов приводили к крестному целованию по определённой крестоприводной записи. Они обещались сбирать всякие таможенные пошлины «съ великимъ раденьемъ, неоплошно безо всякие хитрости и никому Государевыми таможенными пошлинами не поступаться и лишнихъ ни на комъ не имать, и над целовальниками смотреть и беречь накрепко, чтобъ они Государевыми таможенными пошлинами не корыстовались и никому по дружбе для корысти своей не отдавали и лишних пошлин не имали и налоги и продажи никому не чинили» [2, с. 43].

Для оказания помощи таможенным головам формировался штат целовальников, которые, как правило, избирались местным населением. К целовальникам также предъявлялись определённые требования: «чтобы они были летучіе люди, добрые и прожиточные, а не воры и бражники и чтобы таможен-

[1] Таможня на Тихом океане: документы и материалы. – Вып 5. Таможня в Забайкалье. 1862–1926 гг.: учеб. пособие / сост. Н. А. Беляева. – Владивосток: ВФ РТА, 2008.; Дьяков В.И. Вопросы таможенного регулирования в Забайкалье в конце XIX – начале XX в. В сб. материалов междунар. науч. конф. «Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: история и современность». – Чита, ЗабГГПУ. 2011. – С. 66–70; Луконин Д. С. Образование Маньчжурской таможни и краткий обзор организации деятельности в 1901–1904 гг. Государственная власть и местное самоуправление. – М.: Юрист, 2009, № 12. – С. 39–43; Луконин Д. С. Создание и организация деятельности таможенного надзора в Сретенске // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 10.– С. 46–49.; Луконин Д. С. Создание и краткий обзор деятельности Сретенской таможни 1899–1905 гг. // Таможенное дело. – 2010. – № 02. – С. 36–40.; Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалье: учеб. пособие / под ред. В. П. Шахерова. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1999.

ный сборъ им былъ за обычай» [2, с. 45]. Число целовальников при таможнях разнилось, лишних брать целовальников не допускалось.

Кроме голов и целовальников в таможенных избах находились дъяки и подъячие, в их обязанности входила «забота о таможенных книгах и запись в них “приходовъ и расходовъ”».

Особую роль в решении вопросов организации таможенного дела по своей территории государства? в том числе и Забайкалья, играл Сибирский приказ.

Таким образом, система управления таможенным делом на территории Забайкалья складывалась из органов центрального управления в виде Сибирского приказа, органов местного управления в лице воевод и таможенных голов, Приказа Большой казны и др.

Именно эта система управления получила воплощение в Нерчинске. В Нерчинском остроге построили таможенную избу, в которой подъячие в особые книги записывали сборы с товаров, привозимых из Китая [9, с. 10].

Несмотря на сложные отношения с Китаем, нерчинскому воеводе Николаеву и таможенному голове Петру Худякову предписывалось отобрать в казну у торговых людей соболиную и чернолисью рухлядь [10, с. 11]. Воевода и таможенный голова осматривали товар и назначали ему цену. Затем его укладывали в мешки и ящики, клеймили и отправляли в Китай [9, с. 16].

Организация таможенной деятельности в Нерчинске, как и на всей территории государства выстраивалась на основе актов центрального управления, принимаемых для регулирования торгово-таможенных отношений в Сибири.

Проведённый анализ указов позволяет говорить о регулировании вопросов пошлинного обложения, документационных и организационных вопросов. Следует отметить об особом внимании со стороны центральных органов вопросам «недоборов» пошлин и злоупотреблений со стороны воевод. Обусловлено это было небывалым числом жалоб на злоупотребления местных властей. К 1695 г. в Сибири они достигли высокой степени, как следствие – из 33 указов, помещённых в III томе «Полного собрания законов Российской империи» таможенного характера (с 20 января 1695 г. по 29 января 1696), 17 касаются Сибири, из них в 12 речь идёт о злоупотреблениях воевод. С целью уменьшения убытков, которые несла царская казна от недобросовестности сибирских воевод, 24 апреля 1695 г. был принят именной указ «Об оставлении воевод на службе в сибирских городах, кроме Тобольска, от четырёх до шести и более лет, о даче им для письменных дел дьяков и о порядке управления казёнными и земскими делами». В документе говорится следующее: «впредь в сибирских городах опричь Тобольска воеводам быть беспеременно против прежних лет по четыре, по пяти, по шести и больше, смотря по человеку, буде который учнёт их Великих Государей дела делать и доходы собирать раздельно сполна… и указали Великие Государи в сибирских городах быть воеводами не частыми перемены, для того что от таких перемен их Великих Государей казне учали быть великие недоборы и всяким доходам оскудение, потому что воеводы забыв их Великих Государей крестное целование и презря жестокие указы, каковы в наказах написаны, многое вино и всякие товары через указ в Сибирь привозят и сверх того в Сибири вино курят и тем вином многую корысть себе чинят; …а в сибирские города всякого чина людем чинят многие обиды, налоги и разорения, да они же для сбора ясачной казны отпускают служилых людей и имеют с них себе великие взятки и посулы, и лучшие соболи выбрав… а служилым и ясачным людям великие обиды, налоги и грабежи чинят….» [10, ст. № 1511].

26 июля этого же года состоялся указ, данный Сибирскому приказу «О заведении целовальниками книг по приходу и расходу соболей и другой мягкой рухляди», где устанавливаются обязанности целовальников вести по соответствующим статьям приходные и расходные тетради, в которые должна была заноситься остаточная казна при приёме новым целовальником должности от старого и подробно по статьям от кого, что, когда получено и кому, что, когда и по чьему распоряжению выдано..» и «приняв о выдаче указ, записать в те расходные тетради того ж часа, не отлагая до иного дня… и того остерегать, чтоб в тех тетрадях замаранных чисел и чищенных мест не было...» [10, ст. № 1514].

В это же время с целью установления большего порядка в ведении дел Сибирского приказа 4 сентября был принят именной указ «О неисполнении в сибирских городах предписаний приказов без послушных грамот из Сибирского приказа, под опасением штрафа и наказания» [10, ст. 1516] о том, чтоб во всех сибирских городах под угрозой наказания исполнять только те указы и грамоты, которые

будут присланы из Сибирского приказа, или же хотя придут и из других мест, но должны быть подтверждены распоряжением («послушной грамоты») Сибирского приказа.

В отношении нерчинского торга было оформлено несколько управленческих актов; причём следует отметить, что год от года требования к организации таможенной деятельности ужесточались. Такой интерес к территории Забайкалья был обусловлен решением двух государственных задач: освоение отдалённых территорий и развитие торговли с целью пополнения государственной казны.

18 февраля 1696 г. Петром I был объявлен наказ даурским нерчинским воеводам «Об управлении земскими и военными делами» [10, ст. 1516]. Вопросов таможенного дела касалось несколько разделов наказа, содержащих следующие правила:

Во-первых, устанавливались требования для избрания в должности таможенных голов и целовальников нерчинских служилых людей «или кого пристойно», сроком на один год, в порядке очереди.

Во-вторых, в обязанности таможенных служителей входило собирать «таможенные деньги» и деньги сдавать в приказную избу помесячно, причём производить проверку и «за большое воровство и за кражу и за иную хитрость чинить наказанье, смотря по вине: за малые вины бить батоги, а за большие кнутом, и от дел их отставливать…» [10, ст. № 1542].

В третьих, устанавливались ограничения для воевод, последним воспрещалось покупать мягкую рухлядь у торговых людей до оценки в таможне. Свободный торг пушниной и вывоз её за границу был запрещён.

В четвёртых, в части пошлинного обложения служители должны были соблюдать следующие правила: «чинить суд и расправу безволокитно, вправду; взимая пошлины с русских по гривне с рубля, а пересуду с суда по две гривны, правого десятка по четыре деньги, с иноземцев судных пошлин однолично не брать “против оных сибирских городов”».

В пятых, в целях контроля за торговлей разрешалось «…в случае прибытия в Нерчинск торговых и промышленных людей с русскими товарами и хлебными запасами – требовать их в приказную избу и велеть таможенному голове и целовальникам описать и оценить все товары и брать пошлину согласно новоуказным статьям каковы посланы в Нерчинск из Сибирского приказа за дьячею подписью в прошлом в 1694 г.; а сверх того с иноземцев и с русских людей никаких пошлин не имать»… рекомендуется ласково обращаться с торговцами всех народностей; требовать, чтоб торговля производилась только в гостином дворе, «а не на жилецких дворах»... вменяется в обязанность воеводе наблюдать, чтобы торговые и промышленные люди, минуя Нерчинских острогов и даур, в Китай и из Китая в сибирские города» без пошлины не провозили товаров; затем предписывается на мягкую рухлядь накладывать печати и давать до Иркутска каждому из торговых людей и приказчиков на товары по одной проезжей грамоте на одно лицо…» [10, ст. № 1542].

В 1697 г. 5 декабря был учреждён именной указ «О взыскании в Нерчинске с вывезенных товаров из Китайского государства пошлины серебром и золотом, о взятии пени с воевод за удержание в пути торговых людей и за причинённые им убытки» [5, с. 113–114]. В нём шла речь об обязанностях нерчинских торговых людей предъявлять товар и к ним прикладывать «на сургуче или на воску, или краскою, или какими китайскими чернилами, по рассмотрению уездного головы» знаки, а также порядок оформления товаров печатями и ярлыками и заполнения соответствующих «выписей».

Многолетние попытки добиться увеличения дохода от пошлин с китайских товаров путём угроз и кары за злоупотребления, а также усиленным и стеснительным дозором и мелочными подробными указаниями убедили, наконец, правительство в несовершенстве этого способа действий, и в указе от 17 февраля 1698 г. «О пропуске торговых людей с Русскими и Сибирскими незаповедными товарами в Китайское государство без проезжих грамот Сибирского приказа, и о взыскании с них указной таможенной пошлины» [5, с. 115]. В указе, по причине затруднительного проезда в Москву для получения проезжей грамоты из Сибирского приказа, разрешалось пропускать товары и торговцев без проезжих грамот, довольствуясь проверкой товаров по выписям, данным в города, откуда торговцы выехали, и взиманием с них печатных пошлин по рублю с человека.

12 ноября 1698 г. [10, ст. № 1654] вышел именной указ «О сборе в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин». В нём шла речь о том, чтобы с торговцев, уплативших за товар русский или сибирский по гривне с рубля, по провозе товара из Сибири в Россию и из России в Сибирь, новой пошлины уже не взимать. Учитывая тот факт, что статьи о сборе пошлин в сибирских го-

родах, объявленные при указе от 12 ноября действовали до 1761 г., даже по устройстве впоследствии Троицкосавской таможни, необходимо изложить их более подробно.

В отношении ввоза и вывоза товаров и действий таможенных служителей в Указе содержались следующие положения:

Торговым людям, едущим из России, предъявлять в Верхотурской таможне опись товарам и оплачивать пошлины в размере 10-й части товарами или деньгами Тем из них которые утаят товары на 200, 300 р. или на большую сумму, или же захотят провести товар беспошлинно мимо Верхотурья, – взыскивать с них пошлину вдвое, чтоб их не разорять; тех же которые утаят товары повторно, «да его же батожьем бить нещадно» и все утаённые товары отбирать на Великого Государя, и в Сибирь больше не отпускать.

Необходимо было соблюдать правило, чтобы никакие товары мимо Верхотурья не проезжали без оплаты пошлины и установлен сбор по 2 деньги с воза с товарами, для раздачи за труд служащим.

По указу разрешалось брать 10-ю часть товарами каждого сорта, с тех товаров, которые пойдут прямо в Китай, и товары эти в тюках, коробках, кипах и т. п. должны доходить до Нерчинска, где не должны быть раскупориваемы; с каждого из людей, которые пойдут в Китай с караванами, брать по полтине и этим деньгам вести особый учёт. С тех же товаров, которые подойдут к Нерчинску из сибирских городов без оплаты пошлиной, брать 10-ю часть товарами, а не с полных десятков брать деньгами по 3 алтына и по 2 деньги с рубля.

Устанавливались льготы для торговцев с целью облегчения их деятельности, которое заключалось в следующем: «по приезде в Нерчинск случайно не будет иметь денег для уплаты пошлины, разрешено верить «до 100 и 200 и больше 300 рублей сроку никому не давать и такие статьи записывать в казну особо».

Установлена была пошлина «с разного рода живности». В указе сказано «А буде такие явятся купцы, рыбники или мясники, а пошлину нынешнюю малую не заплатя, учнут таить», брать со всякого рубля по 2 гривны; если попадётся в другой раз, «взять в трое, по 10 алтын с рубля и бить батоги», а если засим будет замечен, «бить кнутом и все животы взять на Великого государя и сослать в дальние города, в Нерчинской или Иркутской, на пашню, с женами и детьми».

Всё привозимое золото приказано было «отбирать на Государя по цене: за доброе – золотник по рублю по 5 алтын, а за среднее – по рублю по 10 денег; каменья оценивать в Нерчинске и брать товарами, если по высылке камней в Сибирский приказ оценка признается правильною, каменья будут выданы, если мала – добрать в приказе».

Разрешено служилым людям, которые поедут с Государевой казной в Москву, не добирать пошлин по 2 рубля с тех, которые едут из дальних городов, и по полтора рубля с тех, которые едут с ближних городов. То же правило распространяется и на товары, вывозимые из Москвы в Сибирь.

С привозных «русских» товаров брали десятую пошлину по оценке деньгами, но если продавец привозных товаров на вырученные деньги покупал пушнину, то у него десятую обычно брали пушниной. В конце XVII – начале XVIII в. в таможнях Нерчинска брали десятую с пушнины, рыбы, со слюды и железа. Десятую пошлину брали с продажи хлеба «не своей пахоты», с «пригонного скота и лошадей», с «нетоварных денег», явленных на покупку пушнины и других товаров. Натурой десятую пошлину брали с пушнины и китайских тканей (камок, китаек, атласов). К концу XVII в. ликвидируются мелкие пошлины и увеличивается количество товаров, охваченных десятой пошлиной [7, с. 174].

Регулировались сборы в отношении не распроданного товара «у кого останутся в амбарах и лавках товары к концу года, то объявлять таможенному голове для проверки и записи в явочную книгу и вновь пошлиной с нового года не оплачивать».

Достаточно много в рассматриваемом указе уделялось деятельности воевод и таможенных голов, что позволяет чётко определить их основные права и обязанности. Например, было закреплено понятие досмотра, осмотра и др. Так, досмотр производился с целью контроля за товарами, перемещаемыми по территории Руси, в тех случаях, когда количество и род их изменялось от продажи и купли товаров по пути между Тобольском и Нерчинском. Также в указе сказано: «головам приказано посылать нарочных и целовальников в остроги, слободы и многолюдные волости производить досмотры».

Осмотр производился таможенным головой, результаты фиксировались в отдельной книге, а торговцу об этом выдавалась «выпись». Так указывалось головам «в нерчинских записных пошлинных книгах всякому торговому человеку велеть под своею статьёю впредь для спору прикладывать руку».

Для контроля за сбором товаров таможенные служители обязаны были вести тамо-

женные книги. По сведениям исследователей [7, с. 169] из 19 дошедших до нас нерчинских таможенных книг от 1690–1714 гг. 4 не имеют начала и конца. Об обширном содержании таможенных книг дают «представления их заглавия». Например, «Книга города Нерчинска таможенная записная десятинному пошлинному сбору с товаров и мягкой рухляди и рыбы и рогатого скота… что по указу Великого государя собрано со всяких чинов людей, товаров и мягкой рухляди и денег при бытности таможенного и заставного и кружечных дворов головы Гаврила Артемьева с товарищи и то писано всей десятинной книге имянно...» [7, с. 170]. Таможенные записи чётко фиксировали ассортимент товаров, географию и социальный состав торговцев, размеры и формы их скупочной деятельности, число явок и товарных партий, позволяя определить их соотношение; основной ассортимент товаров, проходивших через Нерчинск в Китай и обратно. Чёткое фиксирование стоимости пошлинного сбора, взысканного в других сибирских городах, позволяет определить разницу в сибирских ценах.

После весенней отправки торговцев из Верхотурья голова должен высылать почтою в Нерчинск роспись товаров, пришедших в Сибирь с торговцами и оплаченных пошлиной; по этой росписи нерчинский таможенный голова должен сверять товары, прибывшие с торговцами; о том, сколько товару, какого, куда послано и сколько денег выручено в пошлину; верхотурский, тобольский и нерчинский головы обязаны были писать в Москву «неотложно, в году дважды и по трижды, как пойдёт почта».

Караваны в Китай пропускались каждый год, чтобы не удешевить товар и не допускать его излишества. В указе сказано «И отпускать с Москвы и из Нерчинска через год с купчинами и с казною Великого Государя вместе». В год движения казённого каравана мелкое купечество с караванами в Китай не пускали, чтобы «Великого Государя казне и всего Российского народа прибыли и впредь в целости не нарушимо соблюсти».

Таможенный голова имел и контрольные полномочия в отношении иных лиц. В указе говорится: «таможенным головам смотреть, чтоб не только воеводы, дьяки и разного рода служилые люди, но чтоб также и духовного разного чина люди не торговали и никого из своих для торгу никуда не посылали».

Регулированию подверглись и вопросы статуса таможенных голов. Сказано было «головам быть честными и справедливыми; никого не отягощать; срок в уплате пошлин давать людям верным и взыскивать в случае смерти лиц, которым доверено, с их поручителей; выписи делать по уплате пошлин; если воевода желал заставить поступать в чём-либо против статей – головам их не слушать, а писать к великому государю, в Сибирский приказ «самою правдою без всякия затейки»; ни на какие воротные печати, кроме Сибирского приказа, внимания не обращать; ни от кого из служащих подарков не брать. «А нерчинскому и верхотурскому головам велеть опричь… прислать за рукою росписи, сколько весною с Верхотурья на низ, а зимою в Москве, а из Нерчинска в китайское государство и из Китая с караваном в сибирские городы и на Русь и чьих и каких товаров… что в отпуску будет, доносить в Москву, сколько денег и каких собрано; и вообще давать ежегодно полный и обстоятельный отчёт, заканчивая оный к 1 сентября» [10, ст. № 1654].

Вопросы по прибытии иноземных товаров и порядок применения таможенных формальностей так же оговаривался указом. По прибытии все товары складывались в гостином дворе, об их прибытии незамедлительно сообщалось в таможню для взимания пошлины. У тех же купцов, которые пожелают что утаить, в случае розыска такого товара он весь конфискуется в пользу казны «для того, что им в казну Великого Государя уставную пошлину платить с своих товаров не убыток»; да кроме того, «высечь нещадно батогами, да сказанное ему буде впредь он там своруют, и ему в Сибири и в Китае, как явному вору, пропуску не будет».

За оплаченные пошлиной товары указывалось выдавать в Нерчинске «выпись именную, за нерчинскою печатью». В случае выезда из Нерчинска торговых людей через Обскую заставу и Камень к Вычегде при нежелании их оплатить товары пошлиной в Нерчинске – «товар клеймить в Нерчинске сургучом или какою краскою и прикладывать печати, чтоб была возможность отличить этот товар от неоплаченного. За провоз таких товаров брать только на служилых заставных людей по рублю с судна» [10, ст. № 1654].

Участившиеся факты злоупотреблений со стороны воевод и часто поступающие на них жалобы потребовали от властей введения особых мер, в указе было установлено, что при возвращении в Россию воевод необходимо досматривать, при этом не делать им никаких поблажек, отбирая с них пошлину согласно уставу. С тех же воевод, которые предъявят Великого государя грамоту, пошлин не брать потому, что грамота выдаётся

лицам, достойным того по своей честности, дельности и по той пользе, которую они принесли Государевой казне радением об её барышах; товары, которые у них могут быть, образовались из государевых пожалований, «и проезжие и тамошние люди в почесть, а не в неволю им давали… чтоб на то смотря, иные злые воеводы и приказные люди не на скорые, кражею и грабежом похищенные слёзные себе нажитки надеялись; но старались и того смотрели, как бы его Великого государя казне учинить во всём пополнение» [10, ст. № 1654].

Особо в указе устанавливался порядок действий в отношении так называемых «заповедных» и запрещённых товаров.

По предъявлении на таможню заповедных товаров сибиряками, русскими и иноземцами выдавать им за оный деньгами или товарами по указанным ценам. За продажу заповедного товара на сторону и при желании проехать в Китай или Россию через Камень объезжими дорогами безъявочно отбирать все товары и бить батогами нещадно. А для того, чтоб объезжими дорогами никто не проезжал, запрещено прокладывать таковые «уездным людям и ямщикам и извощикам и дороги эти засекать и заваливать», а при надобности ставить крепкие заставы; в случае, если в желании провести товар мимо таможни замечен приказчик – отвечает хозяин, «для того что всякий хозяин держи прикащиков добрых». Рекомендуется досматривать, чтоб торговцы по новокупленным товарам не предъявляли прежде выданных выписей.

Воспрещалось вывозить в Китай соболей и чёрных лисиц, а также золото и ефимки; у тех, кто явится с таковой рухлядью, отбирать «и отдать с роспискою Государеву купчине для продажи» и сообщить в Сибирский приказ. Предлагается воеводам оказывать содействие купцам и не торговых людей с товарами в Китай не пускать. У торговых и служилых людей, которые поедут в Китай с товарами, осматривать оружие и записывать, и если по возвращении такового не окажется – допрашивать, куда дели, а в случае утраты или показания, что пищаль украдена, – «Взяти пени за всякую пищаль по 30 рублей и больше» [10, ст. № 1654].

Воспрещено всем торговым людям и сибирских городов жителям, а также иноземцам, проезжающим куда-либо с товарами, складывать таковые где-либо вне гостиных дворов. За отступление от этого правила брать тройную пошлину «и бить батоги или кнутьём, по вине смотря»; головам приказано посылать нарочных и целовальников в остроги, слободы и многолюдные волости производить досмотры.

Развитие торговых связей с Китаем давало значительный доход казне. Уже в 1702 г. караванная торговля принесла России 56640 р. таможенных пошлин. Именно в этот период центром торговли на территории Забайкалья был Нерчинск, но с 1703 г. основные направления торговых караванов переносятся в Монголию [11, с. 26–27].

Новый этап в развитии русско-китайской торговли и таможенного дела на территории Забайкалья наступил в 1728 г. после заключения Кяхтинского договора, который устанавливал границу между двумя государствами, определял порядок дипломатических отношений и открывал пограничную торговлю в двух пунктах на реке Кяхте и урочище Цурухайтуй. Настоящее событие, безусловно повлияло на развитие Нерчинска и деятельность таможенных учреждений. Нерчинскую таможню перевели – в Цурухайтуй. Только через 17 лет таможню из Цурухайтуя снова перевели в Нерчинск, и хотя к этому времени в городе насчитывалось 380 торговцев, почти все торговые связи России с Китаем преимущественно осуществлялись через Кяхту [9, с. 16]. И это уже был XVIII век.

Список литературы

1. Андриевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья. От древнейших времен до 1762 года. М.:Вече, 2013. 288 с.

2. Блёх И. Устройство финансового управления и контроля в России в историческом их развитии. СПб., 1895.

3. Живописное путешествие по Азии. Т. 2 / пер. с фр. Е. Корша. М., 1839. 271с.

4. История Восточного Забайкалья. Читинская область / отв. ред. И. И. Кириллов. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. 283 с.

5. История таможенного дела и таможенной политики России (907–1811гг): хрестоматия. Ч. 1. М.: РИО РТА, 1995. 200 с.

References

1. Andrievich V. K. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya. Ot drevneishikh vremen do 1762 goda. M.:Veche, 2013. 288 s.

2. Blekh I. Ustroistvo finansovogo upravleniya i kontrolya v Rossii v istoricheskom ikh razvitii. SPb., 1895.

3. Zhivopisnoe puteshestvie po Azii. T. 2 / per. s fr. E. Korsha. M., 1839. 271 s.

4. Istoriya Vostochnogo Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast' / otv. red. I. I. Kirillov. Irkutsk: Izd-vo IGEA, 2001. 283 s.

5. Istoriya tamozhennogo dela i tamozhennoi politiki Rossii (907–1811gg): khrestomatiya. Ch. 1. M.: RIO RTA, 1995. 200 s.

6. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торгового оборота России с Китаем. Казань, 1857. 445 с.

7. Машанова Л. В. Иркутские и нерчинские таможенные книги как источник истории промыслов и торговли Забайкалья конца XVII – начала XVIII в. // В кн.: Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1989. С. 169–175.

8. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. 209 с.

9. Петряев Е. Нерчинск. Очерки культуры прошлого. Чита, 1959.

10. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. 3. 1689–1699. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 694 с.

11. Таможенное дело в Восточной Сибири и в Забайкалье. Иркутск, 1999. 79 с.

6. Korsak A. Istoriko-statisticheskoe obozrenie torgovogo oborota Rossii s Kitaem. Kazan', 1857. 445 s.

7. Mashanova L. V. Irkutskie i nerchinskie tamozhennye knigi kak istochnik istorii promyslov i torgovli Zabaikal'ya kontsa XVII – nachala XVIII v. // V kn.: Istochnikovedenie otechestvennoi istorii. M.: Nauka, 1989. S. 169–175.

8. Parshin V. Poezdka v Zabaikal'skii krai. M., 1844. 209 s.

9. Petryaev E. Nerchinsk. Ocherki kul'tury proshlogo. Chita, 1959.

10. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, s 1649 goda. T. 3. 1689–1699. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 694 s.

11. Tamozhennoe delo v Vostochnoi Sibiri i v Zabaikal'e. Irkutsk, 1999. 79 s.

Статья поступила в редакцию 29.04.2015

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

SOCIAL HISTORY

УДК 348.06
ББК 284

Светлана Зиннатовна Ахмадулина,
кандидат исторических наук,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а),
e-mail: lana_clio@mail.ru

Формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX века: исторический анализ и политико-правовой аспект

В статье анализируются процессы формирования российского законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в 90-е гг. XX в., политико-правовые аспекты государственно-конфессиональных отношений. Автор отмечает, что рассматриваемый период времени в вырабатывании законотворческой политики стал ключевым при переходе от советского религиозного прошлого к новому конфессиональному пространству России, формированию государственной вероисповедной политики, государственно-церковных и межконфессиональных отношений. В статье обозначен ряд проблемных вопросов, связанных с противоречивыми и напряжёнными процессами формирования законодательства в области религиозного права ввиду отсутствия первоначального видения и механизмов реализации нового правительственного курса. Об этом свидетельствуют более восьмидесяти нормативно-правовых актов, в той или иной степени касающиеся вопросов свободы совести и религиозных объединений, принятых за краткий исторический период (1990–1997 гг.), которые зачастую вступали в противоречие с действующим религиозным законодательством. Основной акцент делается на сравнительном анализе принятых законов, которые существенным образом изменили условия функционирования религиозных объединений, религиозную ситуацию в стране и характер взаимоотношений между церковью и государством. По итогам проведённого анализа отмечено, что формирование российского законодательства в области религиозного права в 90-е гг. XX в. было нацелено на мирный межконфессиональный диалог, предотвращение конфликтов на религиозной почве, что было особенно важно в условиях национальных и историко-культурных особенностей страны, а также активизации миссионерской деятельности иностранных проповедников. Создание новой правовой модели вероисповедной политики российского государства выявило ряд спорных вопросов, которые в конечном счёте остаются актуальными и в настоящее время.

***Ключевые слова*:** свобода совести, религиозное законодательство, государственно-конфессиональные отношения, религиозная ситуация, традиционные религии, новые религиозные движения.

Svetlana Zinnatovna Akhmadulina,
Candidate of History,
Buryat State University
(24A Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000),
e-mail: lana_clio@mail.ru

Formation of the Russian Legislation on Freedom of Conscience and Religious Organizations in the 1990s: Historical Analysis and Political-Legal Aspect

The article analyzes the process of formation of the Russian legislation on freedom of conscience and religious associations in the 1990s, political and legal aspects of Church-state relations. The author notes that the period considered in developing the legislative policy was key in the transition from the Soviet religious past to a new confessional space of Russia, formation of the state religious policy, state-

© Ахмадулина С. З., 2015

Church and interconfessional relations. The article outlines a number of problematic issues associated with controversial and intense processes of formation of legislation in the field of religious rights because of a lack of initial vision and mechanisms for implementing the new government's policy. This is evidenced by more than eighty normative-legal acts, in varying degrees, on questions of freedom of conscience and religious associations adopted during a brief historical period (from 1990 to 1997), which often came into conflict with the existing religious laws. The main emphasis is on a comparative analysis of the laws that fundamentally changed the conditions of the functioning of religious associations, the religious situation in the country and the nature of the relationship between Church and state. According to the results of the analysis carried out, it should be noted that formation of the Russian legislation in the field of religious law in the 1990s was focused on peace interconfessional dialogue, conflict prevention on religious grounds, which was especially important in the context of national, historical and cultural features of the country, and advancing missionary activities of foreign preachers. The creation of a new legal model of religious policy of the Russian state has identified a number of issues that, ultimately, remain relevant today.

***Keywords*:** Freedom of conscience, religious law, Church-state relations, religious situation, traditional religion, new religious movements.

Процесс нормализации государственно-религиозных отношений, начавшийся с середины 1980-х гг., длительное время испытывал трудности в связи с отсутствием необходимой правовой базы. На протяжении продолжительного периода в Советском государстве отсутствовал специальный закон, регулировавший взаимоотношения между государственными и религиозными структурами.

Формирование новой конфессиональной ситуация в стране в обозначенный период времени существенно изменило подходы государственных органов власти в отношении к религиозным организациям и их последователям. Вспомним важное событие – празднование 1000-летия Крещения Руси, в которое вошла встреча Генерального секретаря КПСС М. С. Горбачёва с членами Священного Синода Русской православной церкви. На этой встрече представители церкви среди прочих вопросов высказывали просьбу о том, что необходим новый закон, который бы в изменившихся условиях регулировал отношения между властью и религиозными институтами.

Одним из важных итогов начавшихся перемен в государственно-конфессиональных отношениях стали принятые в 1990 г. союзный Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и республиканский (РСФСР) Закон «О свободе вероисповеданий» [5; 2], которые существенным образом изменили условия функционирования религиозных объединений, религиозную ситуацию страны и характер взаимоотношений между церковью и государством.

Сменившая собой Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., новая законодательная база юридически закрепила отход от политики государственного атеизма, принцип равноправия, невмешательство государства в деятельность религиозных организаций и аккумулировала целый ряд принципиальных новаций, отменяющих дискриминационное положение в стране верующих граждан и религиозных организаций [5, с. 3–10]. Таким образом, религиозное законодательство страны было приведено в соответствие с общепринятыми в мировом сообществе нормами и не противоречило тем международным обязательствам, которые принял на себя Советский Союз.

Верующим были предоставлены широкие права. В частности, они без каких-либо ограничений могли принимать участие в общественной и политической жизни страны. Термин «наравне» встречается в тексте прямо или косвенно. К примеру, религиозные организации и их члены вправе использовать наравне с общественными объединениями средства массовой информации, были предоставлены права и льготы учащимся специализированных учебных заведений по отсрочке от воинской обязанности, признанию времени обучения в трудовом стаже. Были сняты ограничения на культовую деятельность религиозных организаций, упрощена процедура регистрации обществ, отменены запреты на социальную, хозяйственную и иную некультовую деятельность и др.

В прежних положениях, имевших юридическую силу, статус многих религиозных структур никак не был обозначен. Были упомянуты лишь религиозные объединения и общества. В новом законе чётко определён статус не только религиозных объединений и обществ, но и управлений, центров, монастырей, религиозных братств, миссий, а также издательских, полиграфических, производственных, реставрационно-строительных, сельскохозяйственных и других предприятий, благотворительных заведений, больниц, учебных заведений для религиозного образования детей и взрослых. Одним из важных

результатов явилось получение религиозными объединениями статуса юридического лица. За ними законодательно было закреплено право на благотворительную и миссионерскую деятельность.

Закон обозначил и имущественный статус религиозных организаций. Он признал их право собственности на культовые здания и другое имущество. И опять мы здесь встречаемся с новым положением о том, что в собственности этих организаций может быть имущество, в том числе находящееся за границей.

В целом, новый законодательный проект можно было определить как идеологически нейтральный. Он равно относился как к религии, так и к атеизму. Государство не финансировало ни деятельность религиозных организаций, ни, соответственно, пропаганду атеизма. При этом самостоятельность религиозных структур заключалась в праве заниматься своими внутренними делами без какого-либо вмешательства со стороны государства.

Последующие исторические события, связанные с изменением правового статуса российского государства и принятием Конституции, создали условия для изменения и ужесточения вероисповедной политики.

Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила в качестве государственной основы такие нормы, как светскость, равенство граждан вне зависимости от их религиозной принадлежности и декларировала принцип равенства религий перед законом. Был подведён итог противоречивому процессу выработки конституционных положений о свободе совести. Основной закон России включил в себя все достижения современного международного и национального правоведения, соответствуя общепризнанным принципам и нормам международного права, относящимся к регулированию и обеспечению свободы совести. В Конституции проводится разграничение прав и свобод человека и прав и свобод гражданина, что в свою очередь является следствием разделения собственно гражданского общества и государства.

Отметим, что после принятия Конституции РФ ряд положений действующего Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» вошёл с ней в противоречие. В частности установленный государственный контроль в сфере свободы совести и вероисповеданий был возложен законом на Совет народных депутатов, и поэтому с 1993 г. как таковой контроль отсутствовал, что привело к появлению конфликтов на религиозной почве, связанных с широким распространением ряда новых религиозных движений [1, с. 92–93; 3, с. 179]. Нуждались в усовершенствовании порядок регистрации религиозных организаций, терминологический аппарат, критерии религиозности и др. Соответственно, российский закон 1990 г. недолго просуществовал в правовом пространстве, так как уже после 1993 г. началась эпопея его доработок и включения дополнительных статей.

Новый федеральный закон «О свободе совести и религиозных объединениях», принятый в 1997 г., конкретизировал общие демократические принципы и положения: право на свободу совести и свободу вероисповедания, светскость государства, невозможность установления государственной или обязательной религии, отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом; право на получение религиозного образования, создание религиозных образовательных учреждений [7].

Однако, несмотря на декларируемые демократические принципы, закон в некоторой степени ущемлял права верующих людей. В преамбуле религиозное разнообразие России представляется как иерархия религий с признанием особой роли православия в истории России, в становлении её культуры и духовности, при этом отмечается уважительное отношение к христианству, исламу, буддизму и иудаизму и другим религиям, которые составляют неотъемлемую часть исторического наследия страны. Подобная позиция вызывает у некоторых исследователей неоднозначную оценку, так, по мнению М. Штерина: «Закон вводит то, что можно назвать “квазиофициальной религией”. Несмотря на то, что подобное признание не имеет прямого правового действия и имеет схожие черты с законодательством западноевропейских стран, его символизм может поставить российские религиозные меньшинства в уязвимое положение, так как в деятельности российской юридической системы идеологические соображения могут иметь большую силу, чем правовые процедуры» [7, с. 202–203].

Закономерный отказ действующего правительства от предшествующей советской модели религиозного законотворчества предопределил вектор её развития в сторону возрождения особых отношений с Русской православной церковью. По мнению известного российского исследователя государственно-конфессиональных отношений М. И. Одинцова: «Такой поворот событий был

воспринят другими религиозными организациями как рецидив “имперской политики”, как вольное или невольное намерение восстановить институт государственной церкви, как навязывание гражданам новой обязательной конфессиональной идеологии – православной» [4, с. 183].

При этом в принятом законодательном акте были ужесточены условия процедуры регистрации и деятельности новых религиозных движений, большинство из которых распространились благодаря усилиям иностранных проповедников [2, с. 161–184]. Права юридического лица были предоставлены только тем религиозным объединениям, которые смогли подтвердить факт существования на территории нашей страны не менее пятнадцати лет. Подобные религиозные объединения были названы «религиозными организациями», в отличие от «религиозных групп», которые не соответствуют установленному временному рубежу. Отсутствие статуса юридического лица серьёзно затрудняет религиозную деятельность в связи с тем, что группа не имеет право на собственность, образовательные учреждения, предпринимательскую деятельность, налоговые льготы, определённые финансовые операции, а также отсутствует возможность устанавливать и поддерживать международные контакты и связи, приглашать иностранных граждан в целях занятия религиозной, проповеднической деятельностью.

Отдельной статьёй (Ст. 13) были ограничены функциональные полномочия представительств иностранных религиозных организаций, которые впредь не могли заниматься культовой и иной религиозной деятельностью, так как на них не распространялся статус религиозного объединения, установленный настоящим Федеральным законом.

Существенно были расширены пункты, касающиеся приостановления и запрета на деятельность религиозных объединений, организаций и групп, в случае нарушения ими российского законодательства. Содержание зачастую расплывчато и в большей степени направлено против новых религиозных движений (нарушение общественного порядка и безопасности, отказ по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи, отказ от исполнения установленных законом гражданских обязанностей, нанесение ущерба нравственности, использование психотропных средств, гипноза и др.).

В качестве примера приведём положения вероучения религиозной организации позднепротестантской направленности – Свидетелей Иеговы. Одним из уникальных постулатов учения Свидетелей Иеговы является запрет на переливание крови, документально оформленный в виде так называемого «медицинского документа», который имеет каждый адепт. Известно немало случаев в новейшей мировой истории, когда подобные религиозные убеждения приводили к гибели людей. Следующий постулат, который связан с отказом от исполнения установленных законом гражданских обязанностей – запрет на военную службу (даже альтернативную), на признание символов государственной власти (флаг, гимн и все атрибуты государства). Таким образом, ключевые тезисы вероисповедной доктрины данной организации изначально входят в противоречие с действующим российским законодательством.

В связи с этим важным нововведением в религиозном законодательстве стало принятое в июне 1998 г. Постановление Правительства РФ «Порядок проведения государственной религиоведческой экспертизы». Для реализации данного законодательного акта были сформированы Экспертные советы, в состав которых вошли высококвалифицированные специалисты разных профилей: учёные-религиоведы, историки, философы, юристы, государственные служащие. Основными задачами деятельности советов стали определение религиозного характера регистрируемых организаций на основании представленных учредительных документов, проверка достоверности информации об основах вероучения и культовой практике. И на сегодняшний день благодаря работе Экспертных советов снимаются многие вопросы, связанные с регулированием деятельности религиозных организаций.

В заключение отметим, что рассматриваемый период времени в вырабатывании религиозной законодательной политики стал ключевым при переходе от советского религиозного прошлого к новому конфессиональному пространству России, формированию государственно-церковных и межконфессиональных отношений. Однако данные процессы были противоречивыми и напряжёнными ввиду отсутствия первоначального видения и механизмов реализации государственного курса вероисповедной политики. Об этом свидетельствуют более восьмидесяти нормативно-правовых актов, в той или иной степени касающиеся вопросов свободы совести и религиозных объединений, принятых за краткий исторический период (1990–1997 гг.), которые

зачастую вступали в противоречие с действующим религиозным законодательством. Однако в целом формирование российского законодательства о свободе совести и религиозных организациях в 90-е гг. XX в. было нацелено на мирный межконфессиональный диалог, взаимопонимание, согласие и предотвращение конфликтов на религиозной почве, что было особенно важно в условиях национальных и историко-культурных особенностей развития нашей страны. Создание новой правовой модели вероисповедной политики российского государства в обозначенный исторический период выявило ряд спорных вопросов, которые в конечном счёте остаются актуальными и в настоящее время.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Методологические концепты вероисповедной политики России в Восточной Сибири XVIII–XXI вв.: философско-правовой аспект исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. 191 с.

2. Ахмадулина С. З. Нетрадиционные религиозные объединения в Бурятии в 1990-е – начале 2000-х гг. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 225 с.

3. Ахмадулина С. З. Правовые основы свободы совести и деятельности религиозных объединений в современной России // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. госун-т, 2013. С. 178–186.

4. Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России. 1985–1997 гг. М.: Рос. объедин. иссл. религии, 2010. 444 с.

5. Религия и церковь в России и за рубежом: информ.-аналит. бюл. № 9–10. М.,1997. С. 3–10.

6. Религия и закон. Конституционно-правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций: сб. правов. актов с коммент. / сост. А. О. Протопопов. М.: Паллада, 1996. 128 с.

7. Штерин М. Взаимоотношения между церковью и государством и религиозное законодательство в России в 1990-х годах / Фурман Д. Е., Каариайнен К. Старые церкви, новые верующие: Религия в массовом сознании постсоветской России. М.; СПб.: Летний сад, 2000. 248 с.

Источники

8. Закон СССР от 01.10.1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях».

9. Закон РСФСР от 25.10.1990 г. № 267-1 «О свободе вероисповеданий».

10. Федеральный закон от 25.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

References

1. Arzumanov I. A. Metodologicheskie kontsepty veroispovednoi politiki Rossii v Vostochnoi Sibiri XVIII–XXI vv.: filosofsko-pravovoi aspekt issledovaniya. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2007. 191 s.

2. Akhmadulina S. Z. Netraditsionnye religioznye ob”edineniya v Buryatii v 1990-e – nachale 2000-kh gg. Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 225 s.

3. Akhmadulina S. Z. Pravovye osnovy svobody sovesti i deyatel’nosti religioznykh ob”edinenii v sovremennoi Rossii // Pravoslavie i diplomatiya v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: materialy mezhdu-nar. nauch.-prakt. konf. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatsk. gosun-t, 2013. S. 178–186.

4. Odintsov M. I. Veroispovednye reformy v Sovetskom Soyuze i v Rossii. 1985–1997 gg. M.: Ros. ob”edin. issl. religii, 2010. 444 s.

5. Religiya i tserkov’ v Rossii i za rubezhom: inform.-analit. byul. № 9–10. M.,1997. S. 3–10.

6. Religiya i zakon. Konstitutsionno-pravovye osnovy svobody sovesti, veroispovedaniya i deyatel’nosti religioznykh organizatsii: sb. pravov. aktov s komment. / sost. A. O. Protopopov. M.: Pallada, 1996. 128 s.

7. Shterin M. Vzaimootnosheniya mezhdu tserkov’yu i gosudarstvom i religioznoe zakonodatel’stvo v Rossii v 1990-kh godakh / Furman D. E., Kaariainen K. Starye tserkvi, novye veruyushchie: Religiya v massovom soznanii postsovetskoi Rossii. M.; SPb.: Letnii sad, 2000. 248 s.

Istochniki

8. Zakon SSSR ot 01.10.1990 g. № 1689-1 «O svobode sovesti i religioznykh organizatsiyakh».

9. Zakon RSFSR ot 25.10.1990 g. № 267-1 «O svobode veroispovedanii».

10. Federal’nyi zakon ot 25.09.1997 g. № 125-FZ «O svobode sovesti i o religioznykh ob”edineniyakh».

Статья поступила в редакцию 05.05.2015

УДК 316 (571.54/55)
ББК 60.542.5 (2 Рос-4 Чит) / С 542.5 (2 Рос-4 Чит)

Валентина Юрьевна Золотарева,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672007 Россия, г. Чита, ул. Чкалова, 150–63),
e-mail: kcleo@mail.ru

Реабилитация инвалидов Великой Отечественной войны в отечественной историографии

В статье делается анализ отечественной историографии реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны. Рассматривается освещение данного вопроса в работах отечественных историков как советского периода, так и современных. Автор даёт характеристику имеющихся публикаций по истории реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны. В статье показаны работы отечественных историков, исследовавших составляющие реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны; выявлены приёмы изучения отдельных направлений социальной политики. Исследователи отмечали, что для реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны были характерны такие направления, как оказание медицинской, санаторно-курортной и протезной помощи, материально-бытовое и пенсионное обеспечение, организация профессионального образования и трудового устройства инвалидов. На фоне общероссийских и советских публикаций рассматриваются региональные особенности процесса развития реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны в Читинской области. Автор приходит к выводу, что необходимо более глубокое осмысление исторического опыта реабилитации инвалидов. Автор отстаивает идею о необходимости учёта исторического опыта реабилитации инвалидов войны при разработке современных социальных программ.

Ключевые слова: реабилитация, инвалид, социальная политика, врачебно-трудовая экспертная комиссия (ВТЭК), здравоохранение, трудоустройство, СССР, Читинская область.

Valentina Yurievna Zolotareva,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(150–63 Chkalov St., Chita, Russia, 672007),
e-mail: kcleo@mail.ru

Rehabilitation of the Disabled of the Great Patriotic War in Russian Historiography

The author attempts to analyze national historiography of social rehabilitation of invalidsof the Great Patriotic War. The article discusses coverage of this issue in the works of Russian historians of both the Soviet period and the modern one. The author gives a brief description of the available general publications and narrowly focused papers on the history of social rehabilitation of the disabled of the Great Patriotic War. The article shows the works of Russian historians who have studied the components of rehabilitation of invalids of the Great Patriotic War; the techniques in studying specific areas of social policy have been revealed. The researchers noted that rehabilitation of invalids of the Great Patriotic war was characterized by such areas as provision of medical, sanatorium-resort therapy and prosthetic assistance, material and consumer services, retirement security, organization of vocational training and employment of the disabled of the Great Patriotic war. Regional features of development of social rehabilitation in Chita Oblast are analyzed against the background of the national trends. The author concludes that there is need for deeper understanding of historical experience of rehabilitation of the disabled. The author defends the idea to consider historical experience of war invalids rehabilitation in the development of modern social programs.

Keywords: rehabilitation, disabled, social policy, medical-labour commission of experts, health care, employment, the USSR, Chita Oblast.

В современной отечественной исторической науке очень слабо освещены некоторые составляющие политики партии, и правительства советского времени в социальной сфере. Одна из проблем, не получившая, на наш взгляд, должного освещения, это проблема реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны. Мало внимания так же уделено проблемам санаторно-курортного и социального обеспечения.

Изучение и осмысление исторического опыта реабилитации инвалидов войны имеет

© Золотарева В. Ю., 2015

особую актуальность. Главные усилия советской власти в годы Великой Отечественной войны были направлены на медицинскую составляющую реабилитации. И, кроме того, поскольку проводимые мероприятия в соответствии с потребностями военного времени были направлены в первую очередь на вовлечение трудящихся в развитие промышленности и восстановление экономики страны, усиление военной и экономической мощи государства, они только опосредованно выполняли функции социальной реабилитации.

Под реабилитацией в современной России понимается система медицинских, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на наиболее полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма [18].

В периодизации историографии изучения социальной реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны можно выделить советский и постсоветский периоды.

Уже во время войны в периодической печати появлялись статьи, которые носили прикладной характер. В них обсуждались многие проблемы, возникшие в социальной сфере: положение семей военнослужащих, материальное обеспечение рабочих, жилищная проблема и другие. Основное внимание уделялось описанию заботы партии и правительства о нуждах населения. Также в них критиковались недостатки в обустройстве быта рабочих, распределения продуктов, жилья [7; 9].

Значительный вклад авторы послевоенного десятилетия внесли в обобщение и изучение опыта лечебного дела, медико-санитарных последствий войны. А. И. Колодная рассматривала вопросы диспансеризации инвалидов; вопросами здравоохранения занимался Н. А. Виноградов; проблемам военной медицины большое внимание уделял Е. И. Смирнов, уточнявший статистические данные, характеризующие влияние войны на состояние здоровья населения, например частота различных заболеваний [6; 21; 35].

В то же время появлялись работы, содержащие фактический материал по проблемам социальной политики. Авторами таких публикаций зачастую были государственные и партийные деятели. Так, в книге председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского содержатся данные о численности и территориальном размещении населения страны, о потерях социальной сферы в годы войны, оценка продовольственной политики [8]. В монографии К. Н. Плотникова раскрыта структура расходов бюджета СССР, в том числе на здравоохранение и социальное обеспечение [30].

Публиковались работы видных учёных, практиковавших медицинских работников о госпиталях, их организации и специализации, о шефской работе комитетов и комиссий по обслуживанию раненых и больных бойцов. А. Я. Авербах писал об организации, задачах и практической деятельности комиссий врачебно-трудовой экспертизы [37]. М. П. Тарасов говорил о подъёме материального благосостояния населения благодаря заботе партии. «Одновременно с проведением денежной реформы 1947 г. была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, а также введены единые сниженные государственные цены. Эти мероприятия обеспечили серьёзное повышение благосостояния трудящихся» [39].

В послевоенное время происходит накопление материалов по истории войны в архивах. Обновление источниковой базы послужило тому, что появился ряд фундаментальных трудов по истории Великой Отечественной войны, таких как 6-томная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1945–1945 гг.» и 12-томная «История второй мировой войны» [16]. В них основной упор делался на освещении военно-организаторской, идеологической роли Центра, а также на основных направлениях его деятельности в решении социальных задач. Вопросы организации помощи инвалидам войны в них затрагиваются лишь частично.

Для исторической литературы 1960–1980-х гг. характерно комплексное исследование экономических и социальных вопросов в годы Великой Отечественной войны, изучение положения различных социальных групп в военные и послевоенные годы. Определяющим направлением в этот период было освещение деятельности рабочего класса. Выходит многотомная история рабочего класса. В 3-м томе которой освещаются вопросы положения рабочего класса накануне и в годы Великой Отечественной войны, его численность, кадровый состав и др. [17].

Вопросы социальных проблем колхозного крестьянства, деятельность государства по материально-бытовому обеспечению жителей села исследовал В. Ю. Арутюнян [2]. У. Г. Чернявский рассмотрел проблемы снабжения и материального обеспечения населения страны [43]. Он проанализировал продо-

вольственное обеспечение различных групп городского населения. Сделав вывод, что, несмотря на все меры партии и правительства, направленные на улучшение питания детей, стариков и инвалидов, оно было недостаточным как в годы войны, так и в послевоенное десятилетие.

М. К. Кузьмин раскрыл восстановление работы органов здравоохранения, советское социальное и санитарное законодательство, деятельность медико-санитарных учреждений, направленную на предупреждение заболеваний, понижение смертности. Особое значение придавалось оказанию помощи раненым и больным военнослужащим Красной армии [24]. А. М. Лукьяненко исследовал вопросы врачебной экспертизы и трудоустройства инвалидов войны [25]. Они представляют медицинскую составляющую социальной политики и не раскрывают другие вопросы этой проблемы.

Характеристику правового положения инвалидов в рамках общественной организации труда дал В. А. Дубинец. Он рассмотрел трудоустройство как способ реализации их конституционного права на труд [11]. Интерес представляет монография Е. И. Астрахана, раскрывающая вопросы пенсионного обеспечения инвалидов. В ней он сделал попытку дать характеристику основных принципов и понятий советского пенсионного обеспечения инвалидов, привести в систему и изложить имеющийся в этой области обширный материал, а также обобщить практику пенсионного обеспечения [3].

В этом же ключе свои исследования проводил Я. М. Фогель. Он первый обозначил общетеоретическую проблему социального обслуживания инвалидов и рассмотрел в своей книге вопросы работы комиссий ВТЭК, организацию оказания социальной и медицинской помощи инвалидам [40]. Однако автор при этом не оперирует материалами, касающимися инвалидов Великой Отечественной войны. Я. М. Фогель большое внимание уделял вопросам социального обслуживания инвалидов всех категорий в Советском Союзе, обращая внимание на недостатки и просчёты органов власти.

М. С. Зинич рассматривала работу государственных органов по улучшению материально-бытового положения тружеников. В её статьях анализируются материалы о судьбах инвалидов войны, приводятся данные о выплате пенсий и пособий органами социального обеспечения РСФСР, о трудоустройстве инвалидов [13].

Следует отметить появление литературы о семьях военнослужащих, о раненых воинах и инвалидах. А. М. Синицын делает попытку обобщить данные о медицинской и материальной помощи, оказываемой раненым фронтовикам и инвалидам войны. «В течение 1941 г. в тыловых регионах страны были открыты сотни госпиталей. Шефскую помощь госпиталям оказывали коллективы предприятий и учреждений. Активно помогали госпиталям комсомольские организации, пионеры и школьники. Активисты организаций Красного Креста и Красного Полумесяца постоянно шефствовали над госпиталями и больницами. Только в Москве в этой работе принимали непосредственное участие 42,4 тысячи членов Красного Креста. В созданном в 1943 г. движении за создание Фонда здоровья защитников Родины, распространившемся по всей стране приняли участие миллионы колхозников и рабочих» [34, с. 131–133].

Однако работ, где были бы приведены общие данные о численности и социальном составе инвалидов войны, не было; недостаточно был изучен и вопрос их реабилитации. Хотя на местном уровне исследователи выявили и обобщили большой объём документов о работе партийных и советских органов по обслуживанию этой группы населения. При этом основной упор исследователи делали на роль партии в решении социальных проблем.

Период «перестройки» 1985–1991 гг. изменил социально-экономическую ситуацию, дал возможность создания более объективных условий для осмысления итогов и уроков Великой Отечественной войны, в это время преодолевались догмы и стереотипы, происходило формирование новых взглядов. С распадом Советского Союза в отечественной историографии начинается новый этап. В это время подвергались пересмотру некоторые прежние взгляды и оценки, высказывались новые мнения на события войны, порой полностью противоположные прежним.

Руководство страны осознало важность проблемы улучшения социального положения населения. Социальная политика превратилась в самостоятельный объект исследования. Г. Г. Загвоздкин проанализировал социально-политические аспекты, он исследовал реализацию основных направлений социальной политики, её соответствие состоянию общества в условиях войны, его политическим, экономическим и финансовым возможностям, проследил этапы формирования

эвакогоспиталей, их кадровый потенциал и объём повседневной лечебной работы [12].

В. С. Кожурин стал первым исследователем проблем перестройки социальной политики в годы войны. Он изучал проблемы снабжения рабочих, условия труда и быта, рассмотрел политические аспекты отношений государства и рабочего класса, последний им выделяется как главная производительная сила общества в годы войны и основной объект социальной политики партии и государства [20].

К середине 1990-х гг. перед историками открылись достаточно широкие возможности, выразившиеся в свободном доступе к архивам, выявлении ранее неизвестных документов, в поиске новых подходов к изучению прошлого, использовании новых методологий. Начинается региональное изучение социальной политики.

Продолжается изучение работы комиссий ВТЭК. Н. А. Горбунова проследила изменения, происходившие в их работе за советский период, обращая внимание на ужесточение инструкций в военные годы и последующее смягчение правил в конце 1960-х – начале 1970-х гг. [10]. В условиях военного времени ответственные задачи решались службой врачебно-трудовой экспертизы. Главная из них состояла в определении группы инвалидности у раненых и больных, признанных непригодными к дальнейшей военной службе, в установлении показаний и противопоказаний к их трудоустройству и обучению. Вообще под врачебно-трудовой экспертизой понимается процесс определения состояния трудоспособности, постоянной или длительной её утраты, установление группы или причины инвалидности. Не последнее место в исследованиях отводилось медицинской реабилитации. Рассматривались вопросы организации госпиталей, медицинской помощи, роль врачей в реабилитации инвалидов. В это время исследовались новые аспекты социальной реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны. В конце 1990-х гг. проблемы социальной сферы начинают выделяться в самостоятельный раздел исследований.

В начале XXI в. вопросы реабилитации инвалидов рассматривались в различных областях науки, таких как политология, юриспруденция, социология, медицина: А. В. Зориктуева исследовала государственную политику в области защиты ветеранов боевых действий [14]; Д. А. Абузярова рассмотрела проблему инвалидов в социологическом аспекте [1]; вопросами социальной политики СССР занималась Г. Р. Исхакова [18].

Н. В. Хомякова исследовала социальную политику на Урале в 1945–1953 гг. В поле её исследования попали вопросы состояния жилищно-коммунального хозяйства. Автор так же обратила внимание на социальную защиту демобилизованных, семей военнослужащих и инвалидов [41]. В. И. Баранова изучала исторический опыт социальной политики Советского Союза в 1953–1991 гг., обращая внимание на социальные аспекты экономических и политических реформ [4].

В исторических исследованиях настоящего времени большое внимание уделяется истории повседневности. В связи с этим возникает интерес к изучению условий жизни различных слоев населения в тот или иной период времени. Особое внимание привлекают быт и повседневность населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Так, Л. Э. Мезит рассмотрел условия жизни населения Красноярского края, сделав основной упор на продовольственную политику государства и партийных органов [27].

В работах Е. Е. Красноженовой рассмотрены основные направления организации повседневной жизни населения Нижнего Поволжья. Большое внимание автор уделяет деятельности профсоюзов в области решения продовольственной проблемы [23], в её статьях показаны мероприятия местных органов власти по организации продовольственного снабжения, общественного питания, индивидуального огородничества [22]. Кроме того, Красноженова рассмотрела особенности решения жилищной проблемы в регионе, работы по решению материально-бытовых проблем семей военнослужащих, эвакуированных, инвалидов войны, обеспечению их медицинской помощью. Е. Е. Красноженова приходит к следующим выводам, во-первых, меры, принимаемые государством, позволили несколько смягчить существующие трудности и решить основные социальные проблемы населения региона. Во-вторых, такие объективные причины, как тяжёлые последствия войны, ограниченность материальных возможностей, приоритетность развития военно-промышленного комплекса и укрепления армии, не позволяли добиться существенных результатов в социальном развитии и организации повседневной жизни населения.

В последнее время появляется ряд публикаций рассматривающих социальную политику СССР в отдельных регионах. Так, И. Ю. Суркова рассмотрела вопросы социального обеспечения бойцов Красной Армии

и пришла к выводу, что опыт Советского государства имеет большое значение в настоящем времени при решении вопроса социальной защиты военнослужащих, участвующих в боевых действиях [38]. Н. В. Русских говорит о том, что государство, выполняя свою социальную функцию, брало на себя задачу материального обеспечения, трудового устройства и бытового обслуживания инвалидов войны. Автор на примере Кировской области рассмотрела организацию инвалидных домов и снабжения инвалидов, создание системы протезной промышленности [32]. С. И. Сивцева при рассмотрении социальной политики в Якутии, затрагивает и проблему инвалидности [33]. Изучением государственной социальной политики на Южном Урале занимаются Рубины [31]. Инвалиды войны выделяются ими как особый объект социальной политики в связи с ростом их числа. При рассмотрении социальной политики в отношении инвалидов рассматриваются лишь годы войны, за границей внимания авторов остаётся послевоенное время. Хотя, несомненно, решение большей части возникших проблем приходится именно на послевоенные годы. В Забайкальском крае данная проблема затрагивается незначительно. В сборниках, посвящённых исследованию истории Великой Отечественной войны, можно найти лишь краткое упоминание об инвалидах, вопросах их реабилитации и месте в социальной политике государства [26; 29]. Краткий анализ некоторых документов, посвящённых материальному обеспечению инвалидов войны, содержится в сборнике документов и материалов под редакцией В. И. Мерцалова [44].

Особое место занимает изучение трудовой деятельности инвалидов Великой Отечественной войны. Это связано как с тем, что право на труд и возможность трудиться играют огромную роль в адаптации инвалидов войны к мирной жизни, так и с тем, что государство придавало трудоустройству инвалидов огромное значение, как возможности вовлечь в производство дополнительную категорию рабочих. Вопросами правового регулирования трудовой деятельности инвалидов занимается В. В. Ярославцев [45]. В военное время, когда на фронт уходили почти все мужчины, основная тяжесть труда на производстве и в сельском хозяйстве падала на плечи женщин и детей, каждые рабочие руки были нужны. Поэтому столько внимания отдавалось урегулированию этого вопроса. В течение 1941–1945 гг. ужесточались правила прохождения ВТЭК и определения групп инвалидности.

В процесс организации трудового устройства инвалидов войны была вовлечена и система советской кооперации, исследованием которой занималась Л. В. Печалова. Именно кооперация сыграла важную роль в организации надомного труда; кроме того, кооперация инвалидов это ещё и способ адаптации инвалидов к новым условиям. «Кооперация инвалидов должна была способствовать социальной реабилитации инвалидов, их материальному обеспечению, а так же насыщению рынка товарами широкого потребления. Поэтому в последующем ликвидация этой системы была ошибочным решением правительства. Предполагалось, что улучшение уровня жизни инвалида должно идти не только за счёт государственных социальных пособий, но и за счёт их собственного труда [29, с. 168]».

Помимо трудовой деятельности большое значение придавалось пенсионному обеспечению. О. В. Капустина выявила тенденцию развития советского пенсионного обеспечения в соответствии с государственными приоритетами. «Эта тенденция берёт своё начало с первых лет существования советского государства, когда инвалиды Гражданской войны получали пенсию в больших размерах, чем инвалиды Первой мировой войны. В 1950-х гг. пенсионное обеспечение рассматривалось в качестве одной из мер привлечения в промышленность рабочей силы» [19, с. 12]. Е. Н. Боле писал, что право на пенсию имели лишь те инвалиды 2-й и 3-й групп, кто трудился на благо Родины. Отказывающихся же от трудового устройства и обучения лишали пенсий и пособий. Не получали пенсию так же инвалиды побывавшие в плену и освобождённые из лагерей [5].

В целом для советского этапа развития историографии характерно наличие богатого фактического материала, но научный анализ проблем реабилитации инвалидов и в том числе социальной политики практически отсутствует. Во всех работах отражалась господствующая идеология, с характерным замалчиванием трудностей и формирующая представление о высокой эффективности социальной политики в военное время. Ставятся и рассматриваются одни и те же вопросы: социальная политика в отношении рабочих и крестьян, в это же время работа с инвалидами войны осталась фактически без рассмотрения, а вопросы социальной реабилитации в комплексе никто не рассматривал. Хотя в совокупности они дают общую картину социальной политики в отношении раненых воинов. Характерно приукрашивание жизни в тылу, а положение инвалидов войны оста-

валось без внимания. Отличительной чертой научных публикаций этого периода был анализ позитивных фактов, уход от острых вопросов и проблем. Авторы стремились приуменьшить трудности и лишения людей и показать ведущую роль партии, что характерно для всей советской истории.

В постсоветский период более углублённо, с использованием новых архивных и статистических данных изучалось положение различных групп населения. Появились новые точки зрения на осуществление социальной политики в военное и послевоенное время, по-новому стали оценивать роль государственных и партийных органов в процессе реабилитации инвалидов.

Однако есть ещё много аспектов, которые требуют изучения, таких как способы обеспечения охраны здоровья, функционирование социального обеспечения, реализация социальной политики, как на российском уровне, так и в Читинской области. Таким образом, историографический анализ исследования показывает, что в опубликованной общероссийской и региональной литературе исследованию вопроса реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны не уделялось должного внимания.

Список литературы

1. Абузярова Д. А. Социальная защита инвалидов Великой Отечественной войны в регионе: социологический аспект [Электронный ресурс] // Регионология. 2008. № 3. Режим доступа: http://regionsar.ru/node/157 (дата обращения: 14.03.2011).

2. Арутюнян Ю. В. Крестьянство против фашизма 1941–1945 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 502 с.

3. Астрахан Е. И. Принципы пенсионного обеспечения рабочих и служащих. М.: Госюриздат, 1961. 112 с.

4. Баранова В. И. Исторический опыт разработки и реализации социальной политики СССР в 1953–1991 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Баранова Вера Ивановна. М., 2005. 25 с.

5. Боле Е. Н. Пенсионное обеспечение инвалидов Великой Отечественной войны в военные и первые послевоенные годы // Военно-исторический журнал. 2009. № 4. С. 25–30.

6. Виноградов Н. А. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Госполитиздат, 1955. 45 с.

7. Вержбиловский П. П. Трудовое устройство инвалидов Отечественной войны. М.: Профиздат, 1943. 32 с.

8. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны [Электронный ресурс]. М.: Госполитиздат, 1948. Режим доступа: http://militera.lib.ru/h/voznesensky_n/index.html (дата обращения: 10.03.2011).

9. Гопнер С. Единый фронт народов против гитлеровского фашизма // Исторический журнал. 1941. № 9. С. 1–13.

10. Горбунова Н. А. Развитие социально-трудовой реабилитации инвалидов за годы советской власти и её особенности на современном этапе // Актуальные вопросы ВТЭ и социально-трудовой реабилитации инвалидов. 1988. С. 18–21.

11. Дубинец В. А. Правовое регулирование трудоустройства и организации труда инвалидов в СССР: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11 / Дубинец Владимир Афанасьевич. М., 1978. 20 с.

12. Загвоздкин Г. Г. Цена победы: социальная политика военных лет. Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. 263 с.

Rerferences

1. Abuzyarova D. A. Sotsial'naya zashchita invalidov Velikoi Otechestvennoi voiny v regione: sotsiologicheskii aspekt [Elektronnyi resurs] // Regionologiya. 2008. № 3. Rezhim dostupa: http://regionsar.ru/node/157 (data ob-rashcheniya: 14.03.2011).

2. Arutyunyan Yu. V. Krest'yanstvo protiv fashizma 1941–1945 gg. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2003. 502 s.

3. Astrakhan E. I. Printsipy pensionnogo obespecheniya rabochikh i sluzhashchikh. M.: Gosyurizdat, 1961. 112 s.

4. Baranova V. I. Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii sotsial'noi politiki SSSR v 1953–1991 gg.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk: 07.00.02 / Baranova Vera Ivanovna. M., 2005. 25 s.

5. Bole E. N. Pensionnoe obespechenie invalidov Velikoi Otechestvennoi voiny v voennye i pervye poslevoennye gody // Voenno-istoricheskii zhurnal, 2009. № 4. S. 25–30.

6. Vinogradov N. A. Zdravookhranenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.). M.: Gospolitizdat, 1955. 45 s.

7. Verzhbilovskii P. P. Trudovoe ustroistvo invalidov Otechestvennoi voiny. M.: Profizdat, 1943. 32 s.

8. Voznesenskii N. A. Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny [Elektronnyi resurs]. M.: Gospolitizdat, 1948. Rezhim dostupa: http://militera.lib.ru/h/voznesensky_n/index.html (data obrashcheniya: 10.03.2011).

9. Gopner S. Edinyi front narodov protiv gitlerovskogo fashizma // Istoricheskii zhurnal. 1941. № 9. S. 1–13.

10. Gorbunova N. A. Razvitie sotsial'no-trudovoi reabilitatsii invalidov za gody sovetskoi vlasti i ee osobennosti na sovremennom etape // Aktual'nye voprosy VTE i sotsial'no-trudovoi reabilitatsii invalidov. 1988. S. 18–21.

11. Dubinets V. A. Pravovoe regulirovanie trudoustroistva i organizatsii truda invalidov v SSSR: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.11 / Dubinets Vladimir Afanas'evich. M., 1978. 20 s.

12. Zagvozdkin G. G. Tsena pobedy: sotsial'naya politika voennykh let. Kirov: Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo, 1990. 263 s.

13. Зинич М. С. Забота Советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 годах // История СССР. 1985. № 3. С. 104–118.

14. Зориктуева А. В. Государственная политика в области защиты ветеранов боевых действий (Отечественный и зарубежный опыт). Автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Зориктуева Анастасия Владимировна. Улан-Удэ: БГУ, 2011. 25 с.

15. Иванов Н. Г., Георгиевский А. Г., Лобастов О. С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 304 с.

16. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. М.: Воениздат, 1961. Т. 2. 682 с.; Т. 3. 659 с.; 1962. Т. 4. 736 с.; 1963. Т. 5. 656 с.; 1965. Т. 6. 617 с.

17. История советского рабочего класса: рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938–1945. Т. 3. М.: Наука, 1984. 588 с.

18. Исхакова Г. Р. Социальная политика в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты историографии проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stud-baza.ru/sotsialnaya-politika-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi-nekotoryie-aspektyi-istoriografii-problemyi-statya-istoriya (дата обращения: 14.03.2011).

19. Капустина О. В. Деятельность Советского государства по совершенствованию пенсионного обеспечения граждан (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Капустина Ольга Владимировна. СПб, 2010. 25 с.

20. Кожурин В. С. Неизвестная война: деятельность Советского государства по обеспечению условий жизни и труда рабочих в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд. АОН, 1990. 288 с.

21. Колодная А. И. Диспансеризация работающих на предприятиях инвалидов Отечественной войны и проблема их трудоустройства // Советское здравоохранение. 1946. № 7–8. С. 18–23.

22. Красноженова Е. Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2012. № 10(24). Ч. 2. С. 93–96.

23. Красноженова Е. Е. Роль профсоюзов Нижнего Поволжья в решении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны // Вестник гуманитарного научного образования, 2012. № 4. Ч. 1. С. 7–9.

24. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). М.: Медицина, 1979. 240 с.

25. Лукьяненко А. М. Проблемы экспертизы, реабилитации и трудоустройства инвалидов. М.: Наука, 1982. 272 с.

26. Мартыненко Ю. Д. Они ковали победу. Чита: Формат, 2005. 104 с.

27. Мезит Л. Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечествен-

13. Zinich M. S. Zabota Sovetskogo gosudarstva o material'no-bytovom polozhenii naseleniya v 1941–1945 godakh // Istoriya SSSR. 1985. № 3. S. 104–118.

14. Zoriktueva A. V. Gosudarstvennaya politika v oblasti zashchity veteranov boevykh deistvii (Otechestvennyi i zarubezhnyi opyt). Avtoref. dis. … kand. polit. nauk: 23.00.02 / Zoriktueva Anastasiya Vladimirovna. Ulan-Ude: BGU, 2011. 25 s.

15. Ivanov N. G., Georgievskii A. G., Lobastov O. S. Sovetskoe zdravookhranenie i voennaya meditsina v Velikuyu Otechestvennuyu voinu 1941–1945 gg. L.: Meditsina, 1985. 304 s.

16. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza. 1941–1945. V 6 t. M.: Voenizdat, 1961. T. 2. 682 s.; T. 3. 659 s.; 1962. T. 4. 736 s.; 1963. T. 5. 656 s.; 1965. T. 6. 617 s.

17. Istoriya sovetskogo rabochego klassa: rabochii klass SSSR nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1938–1945. T. 3. M.: Nauka, 1984. 588 s.

18. Iskhakova G. R. Sotsial'naya politika v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Nekotorye aspekty istoriografii problemy [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://stud-baza.ru/sotsialnaya-politika-v-godyi-velikoy-otechestvennoy-voynyi-nekotoryie-aspektyi-istoriografii-problemyi-statya-istoriya (data obrashcheniya: 14.03.2011).

19. Kapustina O. V. Deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po sovershenstvovaniyu pensionnogo obespecheniya grazhdan (vtoraya polovina 1950-kh – 1980-e gg.): avtoref. dis. … kand. ist. nauk: 07.00.02 / Kapustina Ol'ga Vladimirovna. SPb, 2010. 25 s.

20. Kozhurin V. S. Neizvestnaya voina: deyatel'nost' Sovetskogo gosudarstva po obespecheniyu uslovii zhizni i truda rabochikh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. M.: Izd. AON, 1990. 288 s.

21. Kolodnaya A. I. Dispanserizatsiya rabotayushchikh na predpriyatiyakh invalidov Otechestvennoi voiny i problema ikh trudoustroistva // Sovetskoe zdravookhranenie. 1946. № 7–8. S. 18–23.

22. Krasnozhenova E. E. Organizatsiya povsednevnoi zhizni naseleniya v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 2012. № 10(24). Ch. 2. S. 93–96.

23. Krasnozhenova E. E. Rol' profsoyuzov Nizhnego Povolzh'ya v reshenii prodovol'stvennoi problemy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya, 2012. № 4. Ch. 1. S. 7–9.

24. Kuz'min M. K. Sovetskaya meditsina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (ocherki). M.: Meditsina, 1979. 240 s.

25. Luk'yanenko A. M. Problemy ekspertizy, reabilitatsii i trudoustroistva invalidov. M.: Nauka, 1982. 272 s.

26. Martynenko Yu. D. Oni kovali pobedu. Chita: Format, 2005. 104 s.

27. Mezit L. E. Usloviya zhizni naseleniya Krasnoyarskogo kraya v gody Velikoi Otechestvennoi

ной войны // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. 2010. № 2. С. 29–32.

28. Очерки истории Забайкальского края. Т. 1–2 / под ред. Н. В. Гордеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 440 с.

29. Печалова Л. В. Ликвидация Всероссийской кооперации инвалидов – ошибка советской власти // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 168–170.

30. Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М.: Госфиниздат,1954. 556 с.

31. Рубин В. А., Рубин А. А. Реализация государственной политики по отношению к семьям военнослужащих и инвалидам войны на Южном Урале в 1941–1945 гг. // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2009. № 4. С. 25–30.

32. Русских Н. В. Социальная политика государства по отношению к инвалидам Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. (на примере Кировской области) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2009. № 7. В 2 ч. Ч. 1. С. 118–120.

33. Сивцева С. И. Социальная политика Якутии в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Сев.-Вост. федер. ун-та им. М. К. Аммосова. 2010. № 2. С. 99–104.

34. Синицын А. М. Забота о раненых фронтовиках и инвалидах в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1973. № 1. С. 130–138.

35. Смирнов Е. И. Проблемы военной медицины. М.: Медгиз, 1944. 134 с.

36. Солдатенко Е. И. Трудовой подвиг советского народа в Велику Отечественную войну. М.: Госполитиздат, 1954. 294 с.

37. Справочник по врачебно-трудовой экспертизе инвалидов войны / под ред. А. Я. Авербаха, М. В. Широковой. М.: Наука, 1943. 48 с.

38. Суркова И. Ю. Система социальной защиты участников Великой Отечественной войны в СССР // Инновации и инвестиции. 2010. № 2. С. 4–16.

39. Тарасов М. П. Забота партии и правительства о подъёме материального благосостояния и культурного уровня трудящихся. М.: Красный пролетарий, 1950. 48 с.

40. Фогель Я. М. Социальное обслуживание инвалидов. М.: Юрид. лит., 1986. 176 с.

41. Хаяров Д. Г. Обеспечение занятости нетрудоспособных демобилизованных военнослужащих в Западной Сибири во 2-й половине 1940-х гг. // Вестн. Сиб. гос. геодез. акад. 2004. № 9. С. 236–239.

42. Цуприк Р. И. 9 мая – 50 лет Победы. Медики Забайкалья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Календарь знаменательных и памятных дат истории здравоохранения Читинской области на 1995 г. Чита, 1995. С. 28–37.

43. Чернявский У. Г. Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). М.: Наука, 1964. 208 с.

voiny // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. 2010. № 2. S. 29–32.

28. Ocherki istorii Zabaikal'skogo kraya. T. 1–2 / pod red. N. V. Gordeeva. Chita: Ekspress-izd-vo, 2009. 440 s.

29. Pechalova L. V. Likvidatsiya Vserossiiskoi kooperatsii invalidov – oshibka sovetskoi vlasti // Voprosy istorii. 2011. № 12. S. 168–170.

30. Plotnikov K. N. Ocherki istorii byudzheta Sovetskogo gosudarstva. M.: Gosfinizdat,1954. 556 s.

31. Rubin V. A., Rubin A. A. Realizatsiya gosudarstvennoi politiki po otnosheniyu k sem'yam voennosluzhashchikh i invalidam voiny na Yuzhnom Urale v 1941–1945 gg. // Vestn. Orenburg. gos. un-ta. 2009. № 4. S. 25–30.

32. Russkikh N. V. Sotsial'naya politika gosudarstva po otnosheniyu k invalidam Velikoi Otechestvennoi voiny v 1941–1945 gg. (na primere Kirovskoi oblasti) // Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota. 2009. № 7. V 2 ch. Ch. 1. S. 118–120.

33. Sivtseva S. I. Sotsial'naya politika Yakutii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Vestn. Sev.-Vost. feder. un-ta im. M. K. Ammosova. 2010. № 2. S. 99–104.

34. Sinitsyn A. M. Zabota o ranenykh frontovikakh i invalidakh v gody Velikoi Otechestvennoi voiny // Istoriya SSSR. 1973. № 1. S. 130–138.

35. Smirnov E. I. Problemy voennoi meditsiny. M.: Medgiz, 1944. 134 s.

36. Soldatenko E. I. Trudovoi podvig sovetskogo naroda v Velikyu Otechestvennuyu voinu. M.: Gospolitizdat, 1954. 294 s.

37. Spravochnik po vrachebno-trudovoi ekspertize invalidov voiny / pod red. A.Ya. Averbakha, M. V. Shirokovoi. M.: Nauka, 1943. 48 c.

38. Surkova I.Yu. Sistema sotsial'noi zashchity uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny v SSSR // Innovatsii i investitsii. 2010. № 2. S. 4–16.

39. Tarasov M. P. Zabota partii i pravitel'stva o pod"eme material'nogo blagosostoyaniya i kul'turnogo urovnya trudyashchikhsya. M.: Krasnyi proletarii, 1950. 48 s.

40. Fogel' Ya. M. Sotsial'noe obsluzhivanie invalidov. M.: Yurid. lit., 1986. 176 s.

41. Khayarov D. G. Obespechenie zanyatosti netrudosposobnykh demobilizovannykh voennosluzhashchikh v Zapadnoi Sibiri vo 2-i polovine 1940-kh gg. // Vestn. Sib. gos. geodez. akad. 2004. № 9. S. 236–239.

42. Tsuprik R. I. 9 maya – 50 let Pobedy. Mediki Zabaikal'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat istorii zdravookhraneniya Chitinskoi oblasti na 1995 g. Chita, 1995. S. 28–37.

43. Chernyavskii U. G. Voina i prodovol'stvie: Snabzhenie gorodskogo naseleniya v Velikoi Otechestvennoi voine (1941–1945 gg.). M.: Nauka, 1964. 208 s.

44. Читинская область (1941–1945 гг.): сб. докум. и материалов / под ред. В. И. Мерцалова. Чита, 2005. 660 с.

45. Ярославцев В. В. Правовое регулирование труда во время Великой Отечественной войны (1941–1945) // Политика и общество. 2011. № 5. С. 183–187.

44. Chitinskaya oblast' (1941–1945 gg.): sb. dokum. i materialov / pod red. V. I. Mertsalova. Chita, 2005. 660 s.

45. Yaroslavtsev V. V. Pravovoe regulirovanie truda vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) // Politika i obshchestvo. 2011. № 5. S. 183–187.

Статья поступила в редакцию 16.03.2015

УДК 37(571.54/55)
ББК Ч403(2Рос – 4Чит)

Людмила Павловна Ледкова,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ledkova.lyudmila@mail.ru

Архивные документы по истории сельскохозяйственного образования Забайкалья конца XIX – первой половины XX века

В статье рассматривается комплекс архивных источников, позволяющих проанализировать процесс становления и развития сельскохозяйственного образования в Забайкалье; раскрыть деятельность специальных учебных заведений, внешкольное сельскохозяйственное обучение. Архивные документы, среди которых постановления центральных и местных властей, циркуляры, прошения, делопроизводственная документация, позволяют выстроить источниковую базу по истории сельскохозяйственного образования в Забайкалье конца XIX – начала XX веков. Весь документальный материал классифицирован в соответствии с проблематикой исследования, и условно разделён на три группы: 1) документы, раскрывающие деятельность местных властей и роль общественной инициативы в развитии сельскохозяйственного образования, 2) документы, в которых отложилась информация о деятельности специальных учебных заведений, 3) документы, содержащие сведения о внешкольном сельскохозяйственном образовании. Анализ архивных документов позволил выявить ряд проблем рассматриваемой темы, среди которых недостаточная финансовая база для создания на территории Забайкалья разветвлённой сети низших, средних, высших сельскохозяйственных учебных заведений, неукомплектованность функционировавших школ педагогическими кадрами, отрицательно влиявшая на постановку образовательного процесса; обозначить противоречия, связанные с ориентацией низшей сельскохозяйственной школы на крестьянское сословие и социальными запросами казачества. Кроме этого, раскрыть роль общественности в формировании системы сельскохозяйственного образования, обобщить материалы о деятельности специальных учебных заведений, рассмотреть историю аграрного образования в неразрывной связи с социально-экономической обстановкой, сложившейся в России на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: источники, архив, сельскохозяйственное образование, специальные школы.

Lyudmila Pavlovna Ledkova,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: ledkova.lyudmila@mail.ru

Archival Documents on the History of Agricultural Education in Transbaikalia in the Late 19th – Early 20th Centuries

The article considers a complex of archival sources that allow us to analyze the process of agricultural education formation and development in Transbaikalia. In addition, the article discloses the activities of special schools and extracurricular agricultural learning activities. Archival documents, including the decisions of central and local authorities, circulars, petitions and clerical records are the source base on history of agricultural education in Transbaikalia in the late 19th – early 20th century. All documentary materials are classified in accordance with the subject of the study and are divided into three groups: 1) documents that reveal the role of local authorities and the role of public initiative in the development of agricultural education, 2) documents that contain information on special schools activities, 3) documents that contain information on extracurricular agricultural education. Analysis of the archival documents has revealed a number of problems of the topic: insufficient financial basis to build extensive network of lower, secondary and higher agricultural schools on the territory of Transbaikalia, short-staffed schools that had negative effect on educational process. The author identifies contradictions associated with orientation of the lower agricultural school to the peasantry and social demands of the Cossacks. Besides, the study highlights the role of the public in shaping agricultural educational system, generalizes materials on the activities of specialized schools, and considers the history of agricultural education in close connection with social – economic situation in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries.

Keywords: sources, archive, agricultural education, special schools.

© Ледкова Л. П., 2015

История развития сельскохозяйственного образования сравнительно недавно стала разрабатываться в отечественной историографии. В настоящее время появились исследования, посвящённые проблемам становления сельскохозяйственного образования в России, женскому сельскохозяйственному образованию, исследованию материально-технической базы учебных заведений, преподавательского и учебного состава школ. Среди них следует выделить труды М. Есиковой, Е. В. Грудницкой. М. Д. Книга и др. [1; 2; 3].

Подавляющее число работ рассматривают указанные проблемы в масштабах России. К настоящему времени недостаточно изучена история становления и развития сельскохозяйственного образования, его влияние на агропромышленный комплекс в рамках отдельных регионов. Поскольку в истории сельскохозяйственного образования Забайкалья есть недостаточно изученные проблемы, актуальным является изучение и освещение архивных источников по данной теме. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть архивные документы по истории сельскохозяйственного образования в Забайкалье конца XIX – начала XX в.

Большой комплекс документов по данной теме отложился в фондах Государственного архива Забайкальского края (ГКУ ГАЗК). Ценный материал представлен в фондах: 1(о) (Забайкальское областное правление); 1(с. х.) (Забайкальское областное правление. Сельскохозяйственный отдел), 4 (Дирекция народных училищ Забайкальской области), № 18 (Комитет по устройству сельскохозяйственной и промышленной выставки в 1862–1900 гг.), № 52 (Забайкальское областное переселенческое управление); № 88, Р-88 (Читинское землемерное училище), № 165 (Забайкальская областная земская управа); № 171 (Правительственный агроном Забайкальской области); № 320 (Забайкальская областная агрономическая организация); № Р-358 (Земельное управление Забайкальского губисполкома); № Р-585 (Министерство земледелия ДВР (1920–1922).

Немаловажную роль для раскрытия темы представляют опубликованные источники: отчёты, устав Общества попечения о начальном образовании, Календарь знаменательных дат Забайкальской области. Обширный и ценный материал представлен в периодической печати, куда вошли газеты «Забайкальский крестьянин», «Наша деревня»; журнал «Забайкальский хозяин». Ценная информация о развитии сельскохозяйственного образования в Сибири и России, сведения о деятельности Департамента земледелия в этом направлении содержится в Известиях Главного управления земледелия и землеустройства. Отметим, что в данной статье рассмотрен лишь ряд публикаций, поскольку анализ прессы требует отдельного и комплексного исследования.

Работа с архивными фондами позволила выявить следующие виды источников: законодательные акты, постановления Министерства земледелия, местных властей, циркуляры, прошения, переписку. Особое место для раскрытия темы отводится делопроизводственным документам: учебным программам, планам, штатным расписаниям, протоколам заседаний педагогических советов и др. Следуя проблематике исследования, условно данные источники разделены на три группы: 1) документы, раскрывающие деятельность местных властей и роль общественной инициативы в развитии сельскохозяйственного образования; 2) документы, в которых отложилась информация о деятельности специальных учебных заведений; 3) документы, содержащие сведения о внешкольном сельскохозяйственном образовании.

Следует отметить, что в Забайкалье сельскохозяйственное обучение начало развиваться позже, чем в отдельных регионах Сибири и Центральной России. Так, в 1878–1879 гг. первые ветеринарно-фельдшерские школы открыли в Тобольске, Томске, Омске. Согласно данным И. С. Сковородиной, за время 1900–1910 гг. в Западной Сибири открыли 5 учебных заведений сельскохозяйственного профиля [4, с. 14]. Во многом на это повлияла удалённость Забайкалья от центральной России. Поскольку преобладающим в экономике области являлся аграрный сектор, потребность в сельскохозяйственных кадрах, и учебных заведения, готовивших их, была крайне высока.

В большинстве случаев у истоков открытия первых сельскохозяйственных школ находились местная интеллигенция, общественные организации. Так, весомый вклад в становление системы женского аграрного образования в России оказало Общество содействия женскому сельскохозяйственному образованию [3]. В Забайкалье инициатором открытия первой аграрной школы стало Общество попечения о начальном образовании. Источники о его деятельности в этом направлении отложились в фондах 52, 1(о), 1 (с. х.). Большую ценность представляют делопро-

изводственные документы общества: устав 1899 г., отчёты за 1891, 1893, 1908–1910 гг.

Особый интерес представляет дело 2367 фонда 52 «Документы по обсуждению населением области вопроса об открытии землемерного и сельскохозяйственного училища в Восточном Забайкалье», датируемые 1909–1915 гг. Комплекс этих документов включает: журнал совета Общества попечения о начальном образовании за 1909 г., протокол заседания Совета общества за 1911 г., записку М. Ф. Суровцева о сельскохозяйственной школе, проект устава 1899 г., устав школы, разработанный в соответствие с Положением о сельскохозяйственных школах 1904 г., объяснительную записку к нему, приговор Нерчинского мещанского общества, постановление Собрания уполномоченных г. Нерчинска, доклад М. Ф. Суровцева главному уполномоченному по заселению Дальнего Востока В. Н. Гандати, переписку М. Ф. Суровцева с Д. М. Головачёвым[1]. Эти документы выявляют ряд важных аспектов данной темы, среди них: источники формирования капитала на строительство школы, обозначают аргументы в пользу её организации в г. Нерчинске. Кроме этого, показывают полярные точки зрения областной администрации в лице военного губернатора генерал-майора В. И. Косова, правительственного агронома В. Н. Шульженко, общественности относительно вопроса о месте организации сельскохозяйственной школы в г. Нерчинске, Верхнеудинске, Чите, Ундурге.

Интересный материал содержится в статье М. Ф. Суровцева «Сельскохозяйственная школа в Нерчинске», опубликованной в журнале «Забайкальский хозяин» за 1913 г., в которой председатель Общества попечения пишет: «…Докладом от 16 января 1912 года главноуправляющий земледелием возбудил ходатайство перед Государственной Думой об открытии школы в Ундурге. Получив об этом известие через нашего члена Государственной Думы Н. К. Волкова, много нам помогавшего в этом деле, мы увидели – нашего устава в Санкт-Петербурге ещё нет, а появился доклад об Ундургинской школе. Немедленно была послана телеграмма с просьбой о приостановки проекта об Ундургинской школе до получения ходатайства о нашей школе. В конце концов Государственная Дума и Государственный Совет согласились учредить сельскохозяйственную школу в Нерчинске…» [5, с. 14].

[1] ГАЗК. – Ф. 52. – Оп. 3. – Л. 2–44.

Таким образом, одна из первых осознала крайнюю необходимость в организации специальных учебных заведений местная интеллигенция. Однако её финансовые возможности позволяли реализовать далеко не все начинания. Множество прошений, ходатайств, писем в адрес местной администрации, центральных органов власти являются тому подтверждением. Наряду с этим в документах отражена решающая роль Д. В. Гандати, Д. М. Головачёва, Л. М. Князева (Иркутский генерал-губернатор) в принятии закона от 9 июня 1912 г. о выделении 64 500 р. на строительство низшей сельскохозяйственной школы второго разряда в г. Нерчинске.

Архивные документы раскрывают другие направления деятельности общественности по развитию сельскохозяйственного образования. Так, ценная информация о Забайкальском обществе сельского хозяйства отложилась в фонде 1 (с. х.). В документах имеются сведения о его организации, социальном составе. Важный материал, касающийся организации сельскохозяйственной фермы при Нерчинско-Заводском четырёхклассном училище, хранится в деле 23. Интересный материал представлен в переписке иностранных фирм, местных жителей, учителей народных училищ с обществом сельского хозяйства, касающейся вопросов продажи сельскохозяйственных машин, семян, предоставлении сведений о природно-климатических условиях, отдельных районов Забайкалья[2]. Кроме этого, в журнале «Забайкальский хозяин» имеются протоколы заседаний областного сельскохозяйственного съезда, на котором члены общества сельского хозяйства, агрономические служащие обсуждали проблемы аграрного сектора и возможные пути их решения. Так, на заседании 1912 г. утвердили примерную программу сельскохозяйственных курсов и чтений[3].

Широкий круг архивных источников позволяет выявить закономерности развития сельскохозяйственного образования в Забайкалье, которые вытекают из финансового обеспечения (до 1917 г. в Забайкалье не было земств, активно участвовавших в финансировании сельскохозяйственных школ), организации обучения, напрямую зависящего от сельскохозяйственной специализации региона, преподавательского и ученического состава учебных заведений. Так, важной составляющей в характеристике профессиональных учебных заведений является хозяйственная

[2] ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1 (с. х.). – Д. 25.
[3] Там же. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 50. – Л. 20–35.

деятельность и практическое обучение. Эти направления в работе Нерчинской сельскохозяйственной школы хорошо отражены в источниках статистического характера: ведомостях поступления специальных средств, сметах расходов сельскохозяйственной школы[1]. В фонде 1(о) храниться информация о строительстве главных зданий, организации образцового хозяйства школы, обеспечении её материально-техническими средствами. Эти сведения представлены в официальной переписке управляющего школой А. Кольчугина с начальником управления земледелия и государственных имуществ Иркутской губернии и Забайкальской области и военным губернатором Забайкальской области[2].

Подробная характеристика учебно-хозяйственной деятельности школы содержится в деле 3265 фонда 52, в которое включён план хозяйственных работ школы на 1914–1916 гг. Также общая картина материально-технической базы школы, её обеспечения отражены в протоколе комиссии по ревизии школы за 1917 г., хранящемся в фонде 82. В этом документе указано, что «учебное дело в школе в общем поставлено удовлетворительно, так как школа хорошо обставлена учебными пособиями, библиотекой и учебно-воспитательными учреждением… Хозяйство школы поставлено правильно: на полях засеяны рациональные севообороты, имеется огород, пасека, скотный двор…»[3]

Следует отметить, что документы о деятельности Нерчинской сельскохозяйственной школы отражены не полностью; так, в составе указанных фондов не отложилось личных дел воспитанников училища, личные дела педагогов сохранились частично. Возможно, на сохранность документов повлиял пожар, произошедший в школе в 1923 г.[4] В связи с этим основными источниками об успеваемости, количестве студентов, их материальном положении являлись протоколы заседаний педагогического совета школы за 1913, 1915, 1916 гг., отчёт о деятельности Забайкальской агрономической организации за 1913 г.

Данные о преподавательском составе школы содержатся в штатных расписаниях, формулярных списках ряда педагогов. Кроме них, в фонде 82 отложилось личное дело преподавателя законоведения Мезенцева и документы об определении на должность учителя специальных предметов сельскохозяйственной школы Г. П. Головина[5]. Источники предоставляют основную информацию об учительском персонале, такую как: социальное положение, образование, учебная нагрузка, содержание педагогов. Примечательным по своей информативности является личное дело педагога А. К. Илькова, хранящееся в фонде 52. В дело включены прошения, ходатайства, рапорт, переписка А. К. Илькова, доклад правительственного агронома В. Н. Шульженко «О выяснении взаимоотношений между управляющим школой И. И. Кольчугиным и учителем А. К. Ильковым». Кроме этого, в нём находится фотография педагога. В сумме все эти источники выявляют не только общие сведения о преподавателе общеобразовательных предметов, но и раскрывают проблемы связанные с хозяйственной и воспитательной работой школы. Ценным является то, что в них отражены сведения о быте педагогов, их материальном положении. Так, А. К. Ильков указывал на неурегулированность вопроса, связанного с использованием педагогами средств передвижения (лошадей), немеблированность квартир учителей (комодом, обеденным столом, этажерками)[6].

Документы по истории сельскохозяйственной школы за 1918–1922 гг. очень отрывочны. Большая часть источников за 1918–1919 гг. посвящены вопросу о преобразовании школы в среднее сельскохозяйственное училище. Это выписки из протоколов общего собрания служащих Нерчинской почтово-телеграфной конторы, протоколы заседаний областной земской управы, переписка Общества попечения о начальном образовании с Забайкальским областным отделом по народному образованию. Они хранятся в фондах № 4, 165. Ценность указанных документов заключается в том, что они дают общую оценку деятельности учебного заведения, данную её современниками, невольно отвечая на вопрос: соответствовала ли многолетняя работа школы возложенным на неё надеждам? Так, из переписки Общества попечения с отделом по народному образованию следует, что: «оборванность образования, без естественной возможности продолжать его, делает её непопулярной в среде зажиточного казачества. В неё идёт беднота, прельстившаяся бесплатным обучением, по окончании школы у окончивших нет хозяйства, где они могли бы применить свои знания и силы…»[7] Анализ имеющихся сведений о числе обучав-

[1] ГАЗК. –Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 78.
[2] Там же. – Ф. 1. – Оп. 3(о). – Д. 3428. – Л. 1–2.
[3] Там же. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 147. – Л. 7.
[4] ГАЗК. – Ф. 358. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 127–129.
[5] Там же. – Ф. 82. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 2–14 об.
[6] Там же. – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 136.
[7] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 5. – Д. 133. – Л. 97 об.

шихся в школе, их социальном положении позволяет сделать вывод о том, что основание для подобных скептических выводов всё же имелось. Располагая хорошей материально-технической базой, главным зданием, рассчитанным на 60 учащихся, показательным хозяйством в школе обучалось не более 30 воспитанников. Однако в 1913–1914 гг. по социальному положению преобладали дети казаков и крестьян[1]. К этому следует добавить, что слабая подготовка воспитанников, о которой также указывалось в документе, зависела не только от типа учебного заведения, но и квалификации педагогов, которых направляли в Забайкалье из других регионов.

Важные сведения о сельскохозяйственной школе отложились в фонде Р-585. Такие источники, как приказ Министерства земледелия за 1922 г., переписка начальника Уездного управления с агрономом Васильковым, положение о курсах по молочному хозяйству и пчеловодству, позволяют проследить непростую историю учебного заведения в последние годы его деятельности. Так, приказом Министерства земледелия от 1922 г. «Нерчинская сельскохозяйственная школа ввиду открытия при ней хозяйства государственного значения преобразовывается в школу специального типа»[2]. В это время в школе обучалось 9 человек, их слабая подготовка, упадок материально-технической базы школы не позволили организовать повышенный тип учебного заведения. В связи с этим ученики окончили курсы по молочному хозяйству и пчеловодству, организованные при школе в 1922–1923 гг. В 1924 г. Нерчинская сельскохозяйственная школа прекратит образовательную деятельность и на её месте откроют агробазу. В 1926 г. согласно краткой заметке в газете «Забайкальский крестьянин», здесь планировалось открыть опытную станцию [6, с. 4].

Сельскохозяйственное обучение являлось важной составляющей в работе Читинского землемерного училища. В ГКУ ГАЗК сформирован отдельный фонд, посвящённый истории училища, включающий обширный комплекс документов 325 ед. хранения за 1910–1922 гг.

Важными источниками, характеризующими учебный процесс, являются подробные перечни уроков за 1915–1916, 1916–1918, 1918–1919, 1919–1920, 1920–1921 учебные годы, утверждённые управлением межевого ведомства. Прежде всего они позволяют проследить изменение программ, выяснить соотношение общеобразовательных и специальных предметов, установить количество дисциплин сельскохозяйственного направления.

Более полные сведения об учебно-воспитательном процессе училища отражены в годовых отчётах по учебной части за 1915–1916, 1918–1919, 1919–1920, 1920–1921 гг., перечне уроков. Кроме учебного процесса эти источники характеризуют важные стороны деятельности училища, представляют информацию о преподавательском и ученическом составе учебного заведения. Структуру годовых отчётов можно представить так: учебная часть, материально-техническое обеспечение, преподавательский и ученический состав училища. Данный источник позволяет выявить трудности, переживаемые учебным заведением в 1918–1921 гг., связанные с плохим финансовым обеспечением, нехваткой педагогов, неукомплектованностью учениками, их материальной необеспеченностью. Важно отметить, что в них показана обеспокоенность преподавательского состава судьбой училища. Так, в отчёте по учебной части за 1920 г. перечислены меры, предлагаемые педагогическим советом училища, направленные на повышение качества учебного дела, среди которых сохранение подчинённости с Министерством земледелия и государственных имуществ (в 1917 г. землемерные училища перешли в ведомство Министерства юстиции, в 1918 г. – Народного комиссариата просвещения), необходимость пересмотра программ на Всероссийском съезде деятелей землемерного образования. Ценным является то, что в отчёт включались краткая историческая справка об училище и сведения о количестве поступивших и окончивших его учеников за период 1910–1919 гг.[3] Дополняют картину воспитательного процесса, построенного на принципах духовно-нравственного и религиозного воспитания, документы о праздновании в училище 100-летия Отечественной войны 1812 г., об организации экскурсий для учащихся на Сохондинское опытное поле, положение о мобилизации спорта 1915 г.[4] Разнообразный материал включён в дело 5 о похищении из училища денежного ящика, датируемого 1913–1914 гг. В нём имеются списки учеников II–IV классов; сведения о содержании личного состава училища; «окончательные баллы» студентов за 1913–1914 гг.; тетрадь ученика II класса Виталия Охоты с

[1] ГАЗК. – Ф. 52. – Оп. 3. – Д. 3428. – Л. 6.

[2] Там же. – Ф. 585. – Оп 1. – Д. 9. – Л. 83.

[3] ГАЗК. – Ф. 88. – Оп. 8. – Д. 35. – Л. 3–5 об., 32–32 об.

[4] Там же. – Оп. 3. – Д. 2. – Л. 3–32. – Оп. 7. – Д. 18. – Л. 1–19.

сочинением о состоянии Руси по «Слову о полку Игореве»[1].

Сведения о преподавателях и учениках землемерного училища представлены в личных делах, как преподавателей, так и учеников. Следует отметить, что в фонде отложился богатый комплекс делопроизводственных документов, насчитывающий около 170 личных дел и 52 бумаг учеников за 1910–1917 гг. Однако большинство дел фонда 88 находятся в плохом физическом состоянии. В состав личных дел включены источники следующего характера: ходатайства о зачислении в училище, прошения о допуске к вступительным экзаменам, переводе в другие учебные заведения, свидетельства о приписке к призывному участку, политической благонадёжности, аттестаты выпускников. На некоторых документах, например прошениях, сохранилась печать Читинского Землемерного училища, на которой изображён двуглавый орёл. Отметим, что по объёму и видам документов личные дела неоднородны. Так, в ряде дел хранятся документы, связанные с учебным процессом: диктанты, сочинения, задачи по арифметике студентов[2]. Эти материалы значимы не только для анализа ученического состава училища, формирования социального портрета студента того времени, но и рассмотрения учебного процесса, политики руководства училища. Важным дополнением к перечисленным документам является указ «Об утверждении и описании рисунков форменной одежды для учеников землемерных училищ», опубликованный в газете «Забайкальские областные ведомости» за 1913 г. [7, с. 3]. Кроме этого, ценную информацию для исследования содержат статистические данные, в которых отражены сведения о количестве окончивших училище воспитанников за 1910–1922 гг., числе мобилизованных в 1918, 1919 гг.

Такие документы, как формулярные списки педагогов, штатные расписания, позволяют установить образовательный ценз, размер жалованья, учебную нагрузку педагогов, проследить изменения кадрового состава училища. Ценным с точки зрения анализа преподавательского состава представляются: дело о службе директора землемерного училища А. И. Попова, сведения о преподавателях по найму, среди которых выделялся известный художник и архитектор Г. С. Мосашвили[3].

Широкий круг источников позволяет проследить жизнь училища в сложный и нестабильный период революции, гражданской войны, времени последующих реформ. Отдельно следует отметить источники о преобразовании Читинского Землемерного училища в техникум Министерства земледелия. К ним относятся протоколы педагогического совета за 1918, 1922 гг., доклад директора П. Ф. Варфоломеева о реорганизации Читинского землемерного училища в техникум Министерства земледелия, проект положения о Читинском техникуме, выписка из книги проектов Министерства земледелия приказа № 10 от 5 февраля 1921 г., переписка директора училища с министерствами земледелия, финансов, народного хозяйства. Документы всесторонне характеризуют тяжёлое положение училища после ревизии в 1919 г. большей части его имущества, произошедшей по распоряжению атамана Семёнова и передачи в 1921 г. его здания Министерству здравоохранения. В докладе директора П. Ф. Варфоломеева о реорганизации училища дана информация о преподавательском составе в 1920–1921 гг., который ограничивался директором училища и учителем русского языка, истории и экономической географии, вынужденными преподавать бесплатно, получая паёк по своим документам в других училищах[4]. Особого внимания заслуживает приказ № 104 от 13 июня 1922 г. Министерства Народного хозяйства о слиянии Читинского землемерного училища с Читинским политехникумом, согласно которому на базе последнего открылось земельное отделение[5].

Раскрывая вопрос о деятельности сельскохозяйственных учебных заведений в Забайкалье, выделим дела, в которых содержатся подробные проекты специальных школ в Ундурге, Борзе, Цугольской волости. Интересно отметить, что общественности удавалось собрать некоторую сумму для их организации[6]. Однако экономические трудности, связанные с началом Первой мировой войны, не позволили воплотить их планы.

Так как отсутствие достаточного количества учебных заведений не позволяло большинству населения, занятого в сельском хозяйстве, получить аграрное образование, особое внимание обращалось на внешкольное просвещение. В Известиях Главного управления земледелия и землеустройства по этому вопросу указано: «…наряду с развитием школьного образования, заботы сельскохозяйственного ведомства должны быть направлены в ещё большей степени и на рас-

[1] ГАЗК. – Оп. 4. – Д. 5. – Л. 25–29.

[2] ГАЗК. – Ф. 88. – Оп. 8. – Д. 63, 64.

[3] ГАЗК. – Ф. 88. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2–62. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 32–35.

[4] ГАЗК. – Ф. 88. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 3 об. – 7.

[5] Там же. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 21.

[6] Там же. – Ф. 52. – Оп. 3. – Д. 2487. – Л. 18–19. – Д. 3056. – Л. 1–8. – Д. 3608. – Л. 82–84.

пространение знаний, внешкольным путём» [8, с. 692]. Внешкольное образование имело следующие направления: сельскохозяйственные курсы, лекции и чтения; опытно-показательная, выездная работа агрономов.

Сведения о развитии в Забайкальской области внешкольного сельскохозяйственного образования имеются в фондах № 1 (с. х.), 52, 82, 165, 171, 320, Р-585. В отдельную категорию источников следует выделить отчёты. Так, в указанных фондах хранятся отчёты правительственного агронома Забайкальской области, годовые отчёты заведующих агрономическими пунктами, инструкторов по сельскому хозяйству. Информация, содержащаяся в них, выстраивалась так: краткая характеристика экономического и географического положения района, метеорологические наблюдения, описание основных направлений работы за отчётный период, среди которых опытно-показательная деятельность, проведение курсов и лекций. Важный материал содержат статистические данные, включённые в ряд отчётов. Например, в таблицах, приведённых в отчёте агронома Ингодино-Акшинского района за 1913 г., отражены сведения о возрастном, образовательном цензе, имущественном положении, хозяйственной специализации курсантов[1]. В ряд отчётов включены сравнительные таблицы по опытно-показательному кормлению, показывающие изменения веса, удоев коров. В отчёте о деятельности Нерчинско-Заводского агрономического пункта за 1915 г. имеется подробный план его усадьбы, опытно-показательного поля[2]. Интересный материал содержит дело 42 фонда 1 (с. х.), в котором находятся рукописные конспекты лекций по ветеринарии, молочному хозяйству, фотографии, на которых запечатлена работа курсантов в лаборатории, на практических занятиях по ветеринарии, молочному хозяйству. Также отчёты агрономической организации, протоколы заседаний агрономического совещания публиковались в журнале «Забайкальский хозяин».

Картину проведения лекций и чтений по сельскому хозяйству дополняют журнал первого совещания агрономов и инструкторов Забайкальской агрономической организации за 1911 г., свод постановлений сельскохозяйственного съезда 1913 г., доклад Н. С. Иконникова (исполняющего обязанности правительственного агронома)[3].

Кроме этого, в архивных документах содержится информация о кадровом составе агрономической организации. Так, в фонде 82 хранится личное дело В. Н. Шульженко (с 1910 г. правительственный агроном Забайкальской области), в нём имеются сведения об образовании, семейном положении, служебных перемещениях агронома первого разряда. Интересно отметить, что М. А. Чиркова, жена В. Н. Шульженко, являлась служительницей Стебутовских высших сельскохозяйственных курсов[4]. Также краткие данные об инструкторах сельского хозяйства, агрономах, сведения о выполняемых ими обязанностях, их образовательном цензе находятся в фонде 171, Р-585.

Финансирование и материально-техническое обеспечение мероприятий по внешкольному образованию отражены в сметах расходов на опытное и учебное дело в Забайкалье, смете расходов на содержание учебно-показательной пасеки в Чите, списке учебных пособий для курсов по скотоводству за 1916 г. Общие сведения о положении агрономического дела в Забайкалье отражены в циркулярах правительственного агронома Забайкальской области, Департамента земледелия. Публикации из газет «Наша деревня», «Сибирская жизнь» позволяют сравнить работу Забайкальской агрономической организации с подобными службами в других регионах (Иркутск, Омск) Сибири.

Материалы о проводимых в Забайкалье сельскохозяйственных выставках, как одной из форм внешкольного образования сформированы в фонд № 18 (Комитет по устройству сельскохозяйственной и промышленной выставки в 1862–1900 гг.). Материал о мелкорайонных сельскохозяйственных выставках отложился в фондах 1 (с. х.), 52.

Подробный анализ источников позволяет не только изучить внешкольное образование, но и рассмотреть экономическое развитие области. Сведения отчётов, публикаций агрономов и ряд других источников раскрывают такие вопросы, как менталитет крестьян и его влияние на развитие сельского хозяйства, отношение к мероприятиям внешкольного образования.

Таким образом, привлечение широкого круга источников, к которым относятся делопроизводственные документы, законодательно-правовые акты, статистические, периодические материалы позволяют проанализировать процесс становления и развития сельскохозяйственного образования в Забайкальской области в конце XIX – начале XX в.

[1] ГАЗК. – Ф. 1. – Оп. 1 (с. х.). – Д. 36. – Л. 5–7.
[2] Там же. – Д. 47. – Л. 24–25.
[3] ГАЗК. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 50. – Л. 15–20.
[4] Там же. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 56.

Список литературы

1. Есикова М. Сельскохозяйственное образование в России (вторая половина XIX – 1917 г.) // Власть. 2010. № 7. С 150–154.
2. Грудницкая Е. В. Развитие женского сельскохозяйственного образования в России: государственные меры и общественные инициативы последняя четверть XIX – начало XX в.: автореф. дис. …канд. ист. наук: 07.00.02 / Грудницкая Елена Владимировна. Ставрополь, 2008. 28 с.
3. Книга М. Д. Женское профессиональное аграрное образование в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: 2011. № 5 (11): в 4 ч. Ч. III. С. 75–78. Режим доступа: http//www.gramota.net/materials/3/2011/5–3/ (дата обращения: 29.03.2013).
4. Сковородина И. С. Развитие низшего и среднего профессионального образования в Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Сковородина Ирина Сергеевна. Омск, 2003. 25 с.
5. Суровцев М. Ф. Сельскохозяйственная школа в Нерчинске // Забайкальский хозяин. 1913. № 15–16. С. 14–15.
6. Ходак М. Новая опытная станция // Забайкальский крестьянин. 1926. № 51. С. 4.
7. Игнатьев П. Н. Об утверждении устава Нерчинской сельскохозяйственной школы второго разряда // Забайкальские областные ведомости. 1913. № 120. С. 3.
8. Сельскохозяйственные курсы и чтения // Изв. Главного управления землеустр. и землед. 1908. № 37. С. 692.

References

1. Esikova M. Sel'skokhozyaistvennoe obrazovanie v Rossii (vtoraya polovina XIX – 1917 g.) // Vlast'. 2010. № 7. S 150–154.
2. Grudnitskaya E. V. Razvitie zhenskogo sel'skokhozyaistvennogo obrazovaniya v Rossii: gosudarstvennye mery i obshchestvennye initsiativy poslednyaya chetvert' XIX – nachalo XX v.: avtoref. dis. …kand. ist. nauk: 07.00.02 / Grudnitskaya Elena Vladimirovna. Stavropol', 2008. 28 s.
3. Kniga M. D. Zhenskoe professional'noe agrarnoe obrazovanie v kontse XIX – nachale XX v. [Elektronnyi resurs] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: 2011. № 5 (11): v 4 ch. Ch. III. C. 75–78. Rezhim dostupa: http//www.gramota.net/materials/3/2011/5–3/ (data obrashcheniya: 29.03.2013).
4. Skovorodina I. S. Razvitie nizshego i srednego professional'nogo obrazovaniya v Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk: 07.00.02 / Skovorodina Irina Sergeevna. Omsk, 2003. 25 s.
5. Surovtsev M. F. Sel'skokhozyaistvennaya shkola v Nerchinske // Zabaikal'skii khozyain. 1913. № 15–16. S. 14–15.
6. Khodak M. Novaya opytnaya stantsiya // Zabaikal'skii krest'yanin. 1926. № 51. S. 4.
7. Ignat'ev P. N. Ob utverzhdenii ustava Nerchinskoi sel'skokhozyaistvennoi shkoly vtorogo razryada // Zabai-kal'skie oblastnye vedomosti. 1913. № 120. S. 3.
8. Sel'skokhozyaistvennye kursy i chteniya // Izv. Glavnogo upravleniya zemleustr. i zemled. 1908. № 37. S. 692.

Статья поступила в редакцию 06.05.2015

УДК 373.3(571.54/55)
ББК 74.247.11 (2Рос-4Чит)

Инна Николаевна Мамкина,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Развитие системы начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX века. По архивным материалам и опубликованным источникам

Реформа современной системы образования является одним из наиболее обсуждаемых вопросов. Общество разделилось на сторонников и противников реформ. Между тем российская система образования имеет богатый исторический опыт. Изучение и использование этого опыта позволит создать более эффективную систему образования, отвечающую национальным интересам. В данной работе на основе архивных и опубликованных источников автор исследовала историю формирования и развития начального образования в Забайкальской области в XIX – начале XX вв. Основными задачами работы является изучение принципов организации и деятельности системы начального образования, анализ историко-статистических результатов в процессе его развития. Используя архивные материалы в и нормативно-правовые акты, автор рассматривает процесс развития начального образования, законодательное оформление и правовое регулирование деятельности различных типов начальных школ. В работе определены условия открытия учебных заведений, источники их финансирования. В результате анализа изученных материалов автор приходит к выводу о динамичном развитии системы общего начального образования во втором десятилетии XX в. и характеризует её как основной элемент системы общего образования, способствующий развитию народного просвещения.

Ключевые слова: Забайкальская область, начальное образование, приходские училища, уездные училища, высшие начальные училища.

Inna Nikolaevna Mamkina,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Development of Primary Education System in Transbaikal Region in the XIX – early XX Century (on the Basis of Archival Materials and Published Papers)

Modern educational system reform is one of the most discussed issues. Society has divided into supporters and opponents of the reform. Meanwhile, Russian educational system has rich historical experience. Research and implementation of this experience will develop more effective educational system in national interests. The author of the article has investigated history of formation and development of primary education in Transbaikal region in the XIX – early XX centuries based on the archival and published materials. The main objective of the research is to study organization principles and activity of primary education system, to analyze historical and statistical results in the process of its development. On the basis of archival materials and normative legal acts, the author considers the development of primary education system.The article deals with the terms of educational institutions establishment, sources of their financing. Based on the study of archival materials, the author defines the dynamic development of primary education in the second decade of the twentieth century and characterizes it as a basic element of general education system promoting the development of national education.

Keywords: Transbaikal region, primary education, parish schools, district schools, higher initial schools.

Одним из направлений проводимой в стране образовательной реформы является принятие нового федерального закона «Об образовании в Российской федерации», закрепляющего многоуровневую систему образования[1]. Идея выделения образовательных уровней, связанных между собой единым образовательным пространством для России, не является нововведением. Ещё в начале XIX в. в результате реформ Александра I в Российской империи сформировалась система разноуровневых учебных заведений, представленных приходскими, уездными училищами, гимназиями и университетами.

Последующие реформы середины XIX в. способствовали формированию системы,

[1] ФЗ № 273 «Об образовании в Российской федерации» от 21.12.2012.

© Мамкина И. Н., 2015

основанной на принципах всесословного образования, доступности и преемственности учебных заведений. Основной целью реформы являлось создание системы, способной удовлетворить потребности общества и государства в профессиональных кадрах. Между двумя реформами, проводимыми в середине XIX и начале XXI в., прослеживается некоторая аналогия. В обоих случаях имеет место попытка создания эффективной системы образования, обеспечивающей реализацию государственной политики в процессе широкомасштабных социально-экономических реформ. Обращение к историческому опыту способствует выявлению наиболее перспективных направлений современной реформы, поиску эффективных методов её реализации, учёту региональных особенностей. Всё это, по нашему мнению, в совокупности с современными новациями позволит создать полноценную модель образования, способствующую развитию демократического государства.

Исследования по истории образования представлены широким кругом работ. Дореволюционные авторы преимущественно изучали социальное положение народного учителя, качество подготовки в народных школах, достоинства и недостатки земских школ (В. И. Формаковский, Н. В. Чехов, Б. Б. Веселовский, Е. Д. Максимов, В. И. Чарнолусский, Г. А. Фальборк, С. В. Рождественский и т. д.) [2; 18; 19; 21; 20]. В советское время дореволюционную систему образования рассматривали в контексте сравнения, подчёркивая достоинство советской и недостатки царской системы образования (Ф. Г. Паначин, Э. Д. Днепров, и т. д.) [11; 12; 13; 14]. Интерес к организации народного просвещения в современный период возрос в связи с политическими изменениями, произошедшими в стране. (А. И. Шилов, В. Г. Лейкина-Свирская, Н. М. Пирумова) [8; 16; 22]. Вопросами истории образования в Забайкальской области в разные годы занимались В. П. Константинова, А. В. Константинов, Т. В. Алёшкина, Л. А. Яцечко [1; 3; 4; 5; 6; 24]. Современные авторы, изучая историю учительских семинарий, церковно-приходских школ, становление и развитие профессионального педагогического образования, затрагивали лишь отдельные стороны развития образования. Историографический обзор свидетельствует об отсутствии комплексного исторического исследования дореволюционной системы образования. Обращает внимание пробел в изучении региональной истории образования, её особенностей и характерных черт.

Начальное образование в Российской империи осуществляли различные типы государственных учебных заведений – одно- и двухклассные городские и сельские приходские училища; уездные училища, одно- и двухклассные городские и сельские начальные училища, городские четырёхклассные училища; высшие начальные училища. Кроме этого, существовали воскресные школы, школы грамоты, передвижные школы, работавшие нерегулярно. Все указанные типы школ появлялись на протяжении XIX в. в результате различных преобразований и продолжали свою деятельность в начале XX в.

Появлению приходских и уездных училищ способствовали реформы Александра I. Приходские училища являлись первой ступенью начального образования в создаваемой системе. Они открывались исключительно по инициативе и на средства местного населения с условием обязательного изучения Закона Божьего. В программу включались: чтение, письмо, первые действия арифметики, Закон Божий, а также «…объяснительное чтение книги “Краткое наставление о сельском домоводстве, произведениях природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья”» [17]. Занятия начинались и оканчивались молитвой. Обучение было рассчитано на год. Выпускник приходского училища имел право продолжить обучение в уездном училище, а в последствии в гимназии.

Восстание декабристов 1825 г. повлекло реформирование образования. В манифесте от 13 июля 1826 г. причиной восстания власти объявили «…недостаток твёрдых знаний…» и, как следствие, вся учебная система признавалась ложной[1]. Правительство образовало Комитет по устройству учебных заведений и Комитет для рассмотрения учебных пособий. В результате их работы был принят новый Устав учебных заведений, вступивший в силу в 1828 г. Уставом провозглашался принцип – «каждому сословию свой уровень образования»: уездные училища предназначались для городских сословий; гимназии – для дворян и чиновников; в приходских училищах обучались в основном дети крестьян [15]. Преемственность приходских, уездных училищ и гимназий была упразднена. Каждое учебное заведение стало самостоятельным типом.

Приходские училища, направленные на обучение крестьянских детей, претерпели

[1] Высочайший манифест 13 июля 1826 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www. claw.ru (дата обращения: 20.02.2015).

незначительные изменения. При годичной учебной программе допускалось открытие второго класса для более углублённого её изучения. В сельской местности учебный год начинался с окончания полевых работ в октябре и продолжался до апреля. Более точные сроки устанавливало учебное начальство. Минимальная продолжительность учебного года, исключая рождественские и пасхальные каникулы, составляла четыре месяца. В училищах, расположенных в городе, сроки обучения продолжались с сентября по июнь. Краткосрочность обучения в сельских училищах негативно сказывалась на качестве образования.

Количество приходских училищ в Забайкальской области в начале XIX в. было незначительно. В 1850-е гг. действовало лишь восемь учебных заведений этого типа [23]. К началу XX в. количество приходских училищ увеличилось в десятки раз. В 1914 г. из 445 начальных училищ приходских было 278, из них сельских двухклассных – 78, одноклассных –155; городских одноклассных – 45. Двухклассных городских училищ по Уставу 1828 г. в Забайкальской области не было. Из статистических сведений очевидно, что приходские училища в Забайкальской области стали преобладающим типом учебных заведений. Это объясняется простотой их открытия и малобюджетностью. Однако качество образование было крайне низким, сокращённые учебные программы, преимущественно годичное обучение, привлечение детей к сельхозработам не давали возможность усвоить учебную программу. Закончив обучение, дети едва умели писать и читать.

Реформы середины XIX в. дополнили систему образования новыми типами учебных заведений. В 1864 г. был введено в действие, а в 1874 г. дополнено Положение о начальных народных училищах, которое предполагало создание городских и сельских одноклассных начальных училищ. Основной их задачей признавалось утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний в рамках изучения Закона Божьего, церковно-славянского и русского языков, чистописания, чтения, элементарной арифметики[1]. Учебный курс составлял три года, учитель преподавал в 3 отделениях – младшем, среднем и старшем. В школу принимали детей обоего пола с 8–12 лет. Вопросы по учреждению и деятельности училищ возлагались на местные власти, училища открывались по инициативе населения.

Ещё одним новым типом учебных заведений начальной школы являлись двухклассные сельские и городские училища. Деятельность училищ регламентировалась «Положением о начальных народных училищах 1874 г.» и «Инструкцией для двухклассных сельских училищ 1875 г. ». Училища открывались с разрешения попечителя учебных заведений при условии обязательного участия сельских обществ или других учредителей в содержании училища. Учредители обеспечивали училище участком земли, помещением, выделяли средства на приобретение учебно-методического обеспечения и содержание учителя.

В двухклассных училищах срок обучения составлял шесть лет. В первом классе обучение продолжалось четыре года в составе двух отделений; курс второго класса – два года с одним отделением. Первый класс приравнивался к одноклассным училищам, второй класс составлял дополнительный курс к начальному обучению, включая практическую геометрию, географию и историю, естествознание, черчение и рисование, церковное пение. Двухклассные начальные училища давали более полное, но не оконченное начальное образование.

За второе десятилетие XX в. количество начальных училищ разных типов в Забайкальской области неуклонно росло, увеличиваясь в среднем на 3 %. В 1911 г. их было 400, в 1912 г. – 414, 1913 г. – 428, 1914 г. – 445.

В 1915 г. в начальных училищах Забайкальской области обучалось 21785 чел. Из них 15379 мальчиков и 6406 девочек. На содержание начальных училищ государство выделяло 364572 р., местные власти и общественность выделяли 221728 р., что в соотношении составляло 60 и 40 % соответственно. На содержание одного училища приходилось 1317 р. в год, на одного ученика 27 р. в год[2].

Из 445 начальных училищ 325 имели в собственности специально построенные учебные помещения, 55 распоряжались приобретёнными постройками. Лишь 65 училищ вынуждены были арендовать здания. В 1915 г. в начальных училищах Забайкальской области работал 651 учитель (386 мужчин и 265 женщин); из них 388 имели специальное образование, 261 закончили гимназии и двое без образования. Большинство учителей окончили Читинскую или Иркутскую

[1] Положение о начальных народных училищах // Хрестоматия по истории педагогики / под ред. С. А. Каменева; сост. Н. А. Желваков, – М.: Просвещение, 1936. – С. 117.

[2] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 92.

учительские семинарии, высшие начальные училища, женщины имели преимущественно гимназическое образование. Примечательно, что из 651 учителя 17 работало более 25 лет. В 1915 г. Таисия Ильинична Позднякова из Троицкосавского Успенского училища имела самый большой трудовой стаж педагогической деятельности – 36 лет[1].

Жалование учителей было невысоким, 700 р. в год получал старший учитель, 530 р. в год – младший. За каждое пятилетие службы дополнительно выплачивалось 60 р. в год. В 1915 г. в Забайкальской области доплату получал 61 человек (9%), незначительное число можно объяснить тем, что большинство училищ открылось во втором десятилетии XX в.

Среди многообразия учебных заведений начального образования необходимо отдельно выделить училища с более глубокой учебной программой, открытие которых регулировалось государством. Эти училища можно назвать училищами повышенного уровня образования, они представлены уездными, городскими и высшими начальными училищами.

Уездные училища возникали на базе народных, созданных ещё по указу Екатерины II, либо учреждались вновь в каждом губернском и уездном городе. Они представляли собой вторую ступень образовательной системы. Двухгодичная учебная программа в соответствии с 95 статьей Устава была рассчитана на 28 часов в неделю, а именно: «… каждый день от 9 до 12 часов, до полудни, пополудни же по понедельникам и четвергам от 2 до 5, а по вторникам и пятницам от 2 до 4 часов; сверх того, по средам и субботам от 2 до 4 пополудни обучаются рисованию оба класса вместе»[2]. Учащиеся изучали: Закон Божий, священную историю, изучение книги «О должностях человека и гражданина», русский язык, чистописание, арифметику, начальные сведения по геометрии, физике и естественной истории, рисование, правописание, правила слога, всеобщую географию и географию Российского государства, отечественную и всеобщую историю и «начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности»[3]. Кроме указанных предметов, те учащиеся, которые планировали продолжить обучение в гимназии, дополнительно изучали латинский и немецкий языки.

Уездные училища, являясь средним звеном образовательной системы, созданной по реформам Александра I, давали полное начальное образование с правом дальнейшего обучения в гимназии. В период с 1804 по 1825 гг., по разным источникам, в России было открыто более 410 уездных училищ. В Восточной Сибири в начале XIX в. действовало десять уездных училищ, из них три в Забайкальской области – в Верхнеудинске (1906), Нерчинске (1811) и Троицкосавске (1812). К обучению в уездных училищах допускались дети городских сословий со знанием элементарных правил арифметики, умевшие читать и писать. В 1813–14 учебном году в Троицкосавском училище числилось 66, в 1815–16 – 61, в 1831–32 – 77 человек; в Верхнеудинском в 1822 г. обучалось 32, с 1823 по 1897 ежегодно около 100 учащихся.

С 1828 г. в связи с введением нового Устава уездные училища становятся трёхклассными, с сокращённым изучением следующих дисциплин: Закон Божий, священная и церковная история, русский язык, арифметика, геометрия в сокращении без доказательств, география, сокращённый курс отечественной и всеобщей истории, чистописание, черчение и рисование. С разрешения МНП в училищах открывались дополнительные курсы для обучения «тем наукам и искусствам, коих знание наиболее способствует успехам в оборотах торговли и в трудах промышленности»[4]. Курсы вводились в рамках изучения правоведения и судопроизводства в области торговли; экономики и бухгалтерии; технологии строительства и архитектуры; сельского хозяйства и садоводства. Государство, таким образом, стремилось придать общему образованию практическую направленность. Местные власти по мере сил содействовали введению новых учебных курсов. В Верхнеудинском уездном училище ввели уроки латинского и немецкого языков, оспопрививание, в Нерчинском – монгольский язык.

Содержание уездных училищ осуществлялось из государственной казны, средств местной власти и частных пожертвований. Государство оплачивало содержание педагогического коллектива, местные власти изыскивали средства на содержание помещения для занятий и учительских квартир (отопление, освещение). Частные пожертвования не являлись постоянной статьёй дохода, были нерегулярны, но внушительны. Так, в Верх-

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 90.

[2] Устав учебных заведений, подведомственных университетам // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1987. – 560 с.

[3] Там же.

[4] Там же.

неудинске купец А. Д. Шевелев пожертвовал для училища дом, в Троицкосавске для строительства нового каменного здания купцами было собрано 25 000 р., Нерчинское училище получало пожертвования от купцов Бутиных.

В 1898 г. в Забайкальской области действовали уездные училища в Нерчинске и Верхнеудинске, в 1886 г. Троицкосавское было преобразовано в городское четырёхклассное. В училищах обучалось 151 чел., на содержание выделялось 7000 р., из них от государственной казны поступало 5186 р., что составляло 74 % от общих затрат. На одного учащегося выделялось 46 р. в год[1]. Местное учебное руководство не спешило с преобразованием оставшихся училищ. Причиной тому были повышенные профессиональные требования к педагогическому коллективу. При отсутствии педагогического учебного заведения в Забайкалье выполнить их было сложно. В 1900 г. в Чите открылась учительская семинария, восполнившая недостаток в квалифицированных учителях, и к 1907 г. уездные училища в Забайкалье были преобразованы.

В начале своего существования уездные училища представляли для Забайкальской области передовой тип учебных заведений, предоставляющих возможность получения оконченного начального образования с правом дальнейшего обучения в гимназии. Устав 1928 г. превратил их в закрытый, тупиковый тип начальной школы с ограниченной учебной программой. Но, несмотря на все недостатки, они давали возможность получения образования. Среди кадрового состава уездных училищ встречались талантливые преподаватели прогрессивных педагогических взглядов, творчески одарённые личности. Так, в Троицкосавском уездном училище началась педагогическая деятельность известного сибирского поэта, этнографа Дмитрия Павловича Давыдова, в конце XIX в. в училище работали краеведы, археологи Петр Саввич Михно, Александр Павлович Мостиц [10]. В 1835–38 гг. в Нерчинском училище преподавал рисование, черчение, историю и географию будущий сибирский писатель Василий Петрович Паршин, а в 1880-х гг. – один из организаторов Нерчинского краеведческого музея Анатолий Николаевич Малевич [9].

Известность получили выпускники Нерчинского уездного училища – просветитель, переводчик, педагог У.-Ц. Онгодов, этнограф, переводчик Б. Р. Рабданов, меценат, золотопромышленник М. Д. Бутин, художник П. Н. Рязанцев; выпускники Верхнеудинского уездного училища – полковник медицинской службы, участник I Мировой войны Базар-Сада Ямпилов; организатор и первый ректор Восточно-Сибирского университета М. М. Рубинштейн.

Согласно Положению от 31 мая 1872 г. уездные училища были преобразованы в городские четырёхклассные начальные училища. Новый тип училища предполагал шестилетнее образование в четырёх классах. Обучение в первом и во втором классе продолжалось по два года в каждом, в третьем и четвёртом – по году. Городские училища не давали полного начального образования, но по сравнению с остальными начальными учебными заведениями имели более широкую программу. В Положении о городских училищах отмечалось, что «Во всех городских училищах преподаются: а) Закон Божий, б) чтение и письмо, в) русский язык и церковно-славянское чтение с переводом на русский язык, г) арифметика, д) практическая геометрия, е) география и история отечества, с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии, ж) сведения из естественной истории и физики, з) черчение и рисование, и) пение, к) гимнастика»[2].

В первый класс училища принимались дети с семи лет без ограничения в вероисповедании и сословной принадлежности; от поступающих в старшие классы требовали знание молитв, священную историю, умение читать и писать. Плата за обучение устанавливалась местными учредителями.

В Забайкальской области действовало восемь городских начальных училищ. В Нерчинске, Троицкосавске, Верхнеудинске они были основаны на базе ранее существовавших уездных, а в Чите, Нерчинском Заводе, Сретенске, Баргузине, Селенгинске открыты вновь.

В 1907 г. по совокупности в училищах обучалось 1014 чел., окончило 77 чел., вновь поступило 204. В учебном процессе было задействовано 43 учителя с довольно высоким для Забайкальской области образовательным цензом, 37 % имели диплом учительского института, 30 % – духовной семинарии, 16 % – учительской семинарии, 16 % – свидетельства начальной и средней школы[3].

Ежегодно на содержание училищ выделялось 77580 р., из них 55% поступало из казённых средств, 22% из городских отчислений, 9% плата за обучение. В среднем на каждое училище затрачивалось 7 000 р. го-

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 30.

[2] Положение о городских училищах 1872 г. // Хрестоматия по истории педагогики / под ред. С. А. Каменева; сост. Н. А. Желваков. – М.: Просвещение, 1936. – С. 76.

[3] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 242.

сударственных и местных средств, на одного учащегося 76 р., что в пять раз превышало затраты на содержание приходского училища. Необходимо отметить, что значительная часть государственных средств расходовалась на жалование учителю и методическое обеспечение училища, что свидетельствует о более высоком материальном положении учителя и более качественном образовании учащихся.

К осени 1914 г. согласно «Положению о высших начальных училищах 1912 г.» все городские четырёхклассные училища Забайкальской области были преобразованы в высшие начальные училища. Кроме них этот статус получили начальные училища в Акше, Агинском, Зюльзе, Кабанском, Петровском Заводе, Маньчжурии. Из 14 училищ 13 были четырёхклассные и одно двухклассное; 11 смешанных и четыре мужских в Верхнеудинске, Троицкосавске, Чите, Нерчинске. В 1915 г. в с. Горбичевском Нерчинского уезда было открыто ещё одно училище в составе двух классов[1].

Срок обучения сократился до 4 лет, по году в каждом классе, расширилась учебная программа, допускалось изучение иностранных языков. Цель училищ определялась Положением «… дать учащимся в них законченное низшее образование»[2]. В училище принимались дети с 10–13 лет окончившие одноклассное начальное училище или сдавшие вступительные экзамены. Плата за обучение определялась местным учебным начальством. Необходимо обратить внимание, что высшие начальные училища открывались по распоряжению или с разрешения министра народного просвещения. В таких случаях государство увеличивало средства на содержание данных училищ.

Из 15 училищ шесть располагали собственными зданиями, девяти училищам помещения были предоставлены местными обществами. Директор народных училищ отмечал, что самое удобное здание было у Нерчинско-Заводского училища, оно соответствовало техническим требованиям и санитарным нормам. В 1914 г. помещения всех училищ были отремонтированы при поддержке государственных и местных средств. По поводу необходимости продолжения ремонтных работ в других учебных заведениях директор отмечал « … к сожалению вторая половина года благодаря разразившейся великой европейской войне … может на долгие годы отложить решение этого вопроса»[3].

Финансирование училищ осуществлялось из нескольких источников. Из государственной казны поступало 91201 р., в среднем по 6000 р. на училище. Государственные средства расходовались на содержание педагогического коллектива, покупку учебно-методической литературы.

Местные средства формировались из сборов с городской казны, обществ и сословий, платы за обучение, процентов с капиталов, взносов почётных смотрителей, иных источников (пожертвований, сборов с благотворительных вечеров, спектаклей и пр.). В совокупности местные средства составляли 48 537 р., соотношение государственных и местных средств составляло 64 и 36 % соответственно. Содержание одного училища обходилось в 9537 р. в год, стоимость обучения одного ученика составляла 843 р. в год.

Верхнеудинское, маньчжурское и нерчинско-заводское училища располагали банковскими вкладами, почётные блюстители были в агинском, нерчинском и сретенском училищах. В ряде училищ по инициативе местных властей или меценатов были учреждены стипендии для учащихся. Стипендии выплачивались по решению педагогического коллектива лучшим ученикам. Так, Троицкосавское высшее начальное училище располагало 38 стипендиями, учреждёнными городскими властями, пять – мещанскими обществами и две от общества приказчиков. Баргузинское, нерчинское, верхнеудинское, нерчинско-заводское училища для стипендий использовали проценты с частных вкладов[4].

Наиболее стабильным поступлением из местных средств можно считать плату за обучение, которая составляла 3–25 р. в год, все остальные статьи доходов были непостоянными.

К 1915 г. на службе в высших начальных училищах состояло 118 чел. (52 преподавателя, 15 учителей Закона Божьего, 14 инспекторов, 8 почётных смотрителей; 28 прочих служащих, к которым относились учителя необязательных предметов, служащих по найму). В соответствии с Положением 1912 г. преподавать основные дисциплины в училище имели право только выпускники университетов и учительских институтов. Учитывая отсутствие учительского института в области, требование выполнялось на 38 % (22 чел), выпускники учительских семинарий составляли 21 %, гимназий 28 %, на остальные 13 %

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 16.

[2] Положение о высших начальных училищах 1912 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hrono.ru/libris/stolypin/stpn1 (дата обращения: 10.08.14).

[3] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 78.

[4] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 84.

приходилось количество преподавателей, не имевших специального образования. Поддерживать относительно высокий процент преподавателей с институтским образованием помогала политика государства. Выпускники, получившие образование за счёт казны, были обязаны отработать в школе после окончание института шесть лет, в противном случае вся сумма, потраченная государством на обучение, удерживалась из жалования бывшего студента.

В 1914 г. в высших начальных училищах Забайкальской области обучалось 1698 чел., из них 1439 мальчиков и 260 девочек. Подавляющее большинство учащихся (84 %) были православного вероисповедания, среди инославных конфессий самый высокий процент приходился на учащихся детей евреев – 9%, менее процента составили мусульмане[1]. Социальный состав учащихся был довольно пёстрый, но большинство сохранялось за мещанами – 36 %, крестьянами – 35 % и казаками – 13 %. Основной проблемой образования являлся низкий процент выпускников, закончивших полный курс обучения. Число выбывших до окончания неизменно превышало число выпускников. Так, в 1914 г. получило аттестаты 195 чел., выбыло до окончания 316. По мнению учебных властей, основной причиной прекращения обучения являлось раннее привлечение детей к хозяйственным работам; 23 % от числа выбывших прекращали обучение по семейным обстоятельствам и только 13 % за малоуспешностью[2]. Выпускники училищ продолжали обучение в учительской семинарии, ремесленном и землемерном училищах либо получали незначительную чиновничью должность. Постепенно высшие начальные училища становятся востребованным типом учебных заведений. Уже по окончании первого года деятельности училищ количество желающих поступить в них превышало количество выделенных мест. В общей сложности на 100 заявлений приходилось 30 отказов из-за отсутствия мест. Возникла необходимость в увеличении числа классов, что влекло увеличение расходов, все параллельные классы содержались за счёт местных средств.

Учебная программа училищ была представлена широким спектром общеобразовательных дисциплин. Более того, при формировании учебных программ педагогические коллективы вводили новые курсы с учётом интересов общества. Так, в акшинском училище преподавали буддизм и монгольский язык, в верхнеудинском – бухгалтерию, в читинском и сретенском французский и немецкий языки.

При мужских училищах открывались классы ручного труда. Для оснащения классов были закуплены верстаки, токарные станки, различные инструменты. Учащиеся осваивали столярное, переплетное, кузнечное ремесло. Обучение велось по программе основоположников русского мануализма К. Ю. Цируля и Н. В. Касаткина.

Таким образом, исследовав трансформацию уездного училища в городское и, наконец, в высшее начальное училище, мы пришли к выводу о появившемся качественном, но мало распространённом типе начальной школы. Высшие начальные училища к 1914 г. представляли собой наиболее совершенный тип учебного заведения, осуществляющего начальное образование. Учебная программа имела высокий общеобразовательный уровень и практическую направленность, существовала преемственность с гимназией. Увеличение числа желающих получить образование в высшем начальном училище свидетельствует о заинтересованности населения в более качественном начальном образовании. К сожалению, этот тип не стал распространённым по ряду причин, одной из которых является необходимость получения разрешения со стороны Министерства народного просвещения, всегда сопровождающаяся долгой бюрократической волокитой, государство не всегда удовлетворяло просьбы населения об открытии училищ. Другая причина заключалась в высокой стоимости содержания училища. Необходимо отметить, что начало Первой мировой войны в большей степени негативно отразилось на благосостоянии населения. И если государство продолжало финансировать учебные заведения, то местные власти столкнулись не только с недостатком средств, но и с недостатком учителей, мобилизованных на военную службу.

Подводя итог вышесказанному, очевидно, что в Забайкальской области начальное образование представляло собой вертикальную систему, которая удовлетворяла потребности различных по имущественному положению слоёв общества. Она была представлена приходскими училищами, одно- и двухклассными начальными училищами и высшими начальными училищами. Население Забайкальской области, участвуя в содержании учебных заведений, в связи с бедностью инициировало открытие приходских училищ – самых примитивных и малозатратных учебных заведений. Однако социаль-

[1] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 117.
[2] ГАЗК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 168. – Л. 10.

но-экономическое развитие Забайкальской области, увеличение количества рабочих мест, требующих определённую квалификацию изменило предпочтения населения. Во втором десятилетии XX в. под влиянием общественных настроений и поддержки со стороны государства наблюдается рост начальных училищ, осуществляющих более качественную подготовку. Система начального образования, развиваясь, перешла на более качественный уровень. Однако начавшаяся Первая мировая война замедлила темпы её развития, а последующая революция 1917 г. прекратила её существование.

Список литературы

1. Алёшкина Т. В. Становление среднего педагогического образования в Забайкалье: дис. … канд. пед. наук: 13.00.01 / Алёшкина Татьяна Владимировна. Чита, 2004. 207 с.
2. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. Т. 1. 249 с.
3. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.). Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2002. 248 с.
4. Константинова В. П. Из истории учительской семинарии // Проблемы краеведения: тезисы докладов. Чита, 1983 С. 154–156.
5. Константинова В. П., Терёшина Т. С. Семинаристы // Забайкальский рабочий. 1985. 8 марта.
6. Лейкина-Свирская В. Г. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. М.: Мысль, 1971. 152 с.
7. Лейкина-Свирская В. Г. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.
8. Литвинцев А. Ю. Малевич Анатолий Николаевич // Энцикл. Забайкалья: Читинская область. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006. С. 224.
9. Максимов Л. А. Учебные заведения Кяхты-Троицкосавска в дореволюционный период [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.profistar.ru (дата обращения: 10.08.2014).
10. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР кон. XIX – нач. XX в. / под ред. Э. Д. Днепрова, С. Ф. Егорова, Ф. Г. Паначина [и др.]. М.: Педагогика, 1991. 448 с.
11. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917–1941 гг. / под. ред. Н. П. Кузина, М. Н. Колмакова, З. И. Равкина. М.: Педагогика, 1980. 455 с.
12. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в России. М.: Педагогика, 1979. 250 с.
13. Паначин Ф. Г. Педагогическое образование в СССР. М.: Педагогика, 1975. 218 с.
14. Перцев В. В. Гимназическое образование в дореволюционной России до первой половины XIX века // Концепт. 2012. № 12 (декабрь). С. 1–8.
15. Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М.: Наука, 1986. 270 с.
16. Прибайкалье. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pribaikal.ru. (дата обращения: 20.02.2015).
17. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Изд-во МНП, 1902. 785 с.
18. Фармаковский В. И. Начальная школа Министерства народного просвещения (по

References

1. Aleshkina T. V. Stanovlenie srednego pedagogicheskogo obrazovaniya v Zabaikal'e: dis. … kand. ped. nauk: 13.00.01 / Aleshkina Tat'yana Vladimirovna. Chita, 2004. 207 s.
2. Veselovskii B. B. Istoriya zemstva za 40 let. SPb.: Izd-vo O. N. Popovoi, 1909. T. 1. 249 s.
3. Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. Istoriya Zabaikal'ya (s drevneishikh vremen do 1917 g.). Chita: Izd-vo ZabGPU, 2002. 248 s.
4. Konstantinova V. P. Iz istorii uchitel'skoi seminarii // Problemy kraevedeniya: tezisy dokladov. Chita, 1983 S. 154–156.
5. Konstantinova V. P., Tereshina T. S. Seminaristy // Zabaikal'skii rabochii. 1985. 8 marta.
6. Leikina-Svirskaya V. G. Intelligentsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. M.: Mysl', 1971. 152 s.
7. Leikina-Svirskaya V. G. Russkaya intelligentsiya v 1900–1917 gg. M.: Mysl', 1981. 285 s.
8. Litvintsev A.Yu. Malevich Anatolii Nikolaevich // Entsikl. Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast'. T. 3. Novosibirsk: Nauka, 2006. S. 224.
9. Maksimov L. A. Uchebnye zavedeniya Kyakhty-Troitskosavska v dorevolyutsionnyi period [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.profistar.ru (data obrashcheniya: 10.08.2014).
10. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR kon. XIX – nach. XX v. / pod red. E. D. Dneprova, S. F. Egorova, F. G. Panachina [i dr.]. M.: Pedagogika, 1991. 448 s.
11. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoi mysli narodov SSSR. 1917–1941 gg. / pod. red. N. P. Kuzina, M. N. Kolmakova, Z. I. Ravkina. M.: Pedagogika, 1980. 455 s.
12. Panachin F. G. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. M.: Pedagogika, 1979. 250 s.
13. Panachin F. G. Pedagogicheskoe obrazovanie v SSSR. M.: Pedagogika, 1975. 218 s.
14. Pertsev V. V. Gimnazicheskoe obrazovanie v dorevolyutsionnoi Rossii do pervoi poloviny XIX veka // Kontsept. 2012. № 12 (dekabr'). C. 1–8.
15. Pirumova N. M. Zemskaya intelligentsiya i ee rol' v obshchestvennoi bor'be do nachala XX v. M.: Nauka, 1986. 270 s.
16. Pribaikal'e. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.pribaikal.ru. (data obrashcheniya: 20.02.2015).
17. Rozhdestvenskii S. V. Istoricheskii obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802–1902. SPb.: Izd-vo MNP, 1902. 785 s.
18. Farmakovskii V. I. Nachal'naya shkola Ministerstva narodnogo prosveshcheniya (po ofitsial'nym

официальным источникам). СПб.: Изд-во журнала «Русская школа», 1900. 200 с.

19. Чарнолусский В. И., Фальборк Г. А. Народное образование в России. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1900. 263 с.

20. Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. М.: Мир, 1923. 148 с.

21. Шилов А. И. Развитие общего и педагогического образования Восточной Сибири конца XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Шилов Александр Иванович. Красноярск, 2005. 503 с.

22. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2006., 541 с.

23. Яцечко Л. А. Развитие начального образования в Восточном Забайкалье во второй половине XIX – начале XX в. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2007 г. 179 с.

istochnikam). SPb.: Izd-vo zhurnala «Russkaya shkola», 1900. 200 s.

19. Charnolusskii V. I., Fal'bork G. A. Narodnoe obrazovanie v Rossii. SPb.: Izd-vo O. N. Popovoi, 1900. 263 s.

20. Chekhov N. V. Tipy russkoi shkoly v ikh istoricheskom razvitii. M.: Mir, 1923. 148 s.

21. Shilov A. I. Razvitie obshchego i pedagogicheskogo obrazovaniya Vostochnoi Sibiri kontsa XIX – nachala XX v.: dis. ... d-ra ped. nauk: 13.00.01 / Shilov Aleksandr Ivanovich. Krasnoyarsk, 2005. 503 s.

22. Entsiklopediya Zabaikal'ya. Chitinskaya oblast'. T. 1. Novosibirsk: Nauka, 2006., 541 s.

23. Yatsechko L. A. Razvitie nachal'nogo obrazovaniya v Vostochnom Zabaikal'e vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Chita: Izd-vo ChitGU, 2007 g. 179 s.

Статья поступила в редакцию 02.07.2015

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

Алексей Юрьевич Быков,
кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9),
e-mail: zarsmi@gmail.com

Реализация норм профессиональной этики журналистов в практике американских СМИ

В статье выявляются основные категории профессиональной журналистской этики, принятые в США, факторы, повлиявшие на содержание этических кодексов американского журналистского сообщества. Автором уделяется внимание правовым, политическим и профессиональным традициям, предопределившим появление кодексов. Обсуждается изменение документальной базы, анализируются источники, включающие в себя нормы журналистской этики. Рассматриваются реализуемые на практике подходы к разрешению этических вопросов, возникающих в процессе работы журналиста.

Полученные выводы показывают, что исторические условия развития государства, его политические традиции повлияли на формирование профессиональной культуры журналистов. Подтверждается тезис о том, что набор этических норм и правил в современной американской журналистике не является неизменной категорией, не предполагающей какие-либо трансформации. Одним из резюмирующих положений является то, что в настоящее время принимаются новые документы и идут дискуссии о внесении изменений в уже существующие кодексы. Инициаторами нововведений выступают такие известные организации, как Общество профессиональных журналистов, Ассоциации новостных работников радио и телевидения, а также отдельные редакционные коллективы.

Определяются возможные направления дальнейшего исследования: выявление механизмов этического регулирования журналистской деятельности, исследование применения норм профессиональной этики журналистов в других регионах мира.

Ключевые слова: журналистика США, журналистская этика, этический кодекс, свобода слова, политическая культура.

Aleksey Yurievich Bykov,
Candidate of Political Science, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(7-9 Universitetskaya Embankment., St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: zarsmi@gmail.com

Application of Standards of Professional Journalism Ethics in the Practice of American Media

The article defines basic categories of professional journalism ethics adopted in the United States. Factors that influence the content of ethics codes in the American journalistic community are analyzed. The author focuses on legal, political and professional traditions predetermining the emergence of codes. Changes in the documentary base, sources, including the norms of journalistic ethics are under discussion. Approaches to resolve ethical questions that arise in the process of journalist's work are considered.

The research results indicate that the historical conditions of the state development and its political traditions had influenced the formation of professional journalists' culture. It confirms the idea that the ethical codes in modern American journalism are not constant categories, which do not assume any transformation. New documents are being issued and discussions about amendments to the codes are going on at present. The Society of Professional Journalists, the Radio-Television News Directors Association are the initiators of these innovations.

© Быков А. Ю., 2015

The paper shows possible scope for future research: identification of the mechanisms by ethical regulation of journalistic activities, study of the professional ethics of journalists in other regions of the world.

Keywords: US journalism, journalism ethics, code of ethics, freedom of speech, political culture.

1. Введение

Практика применения кодексов журналистской этики насчитывает несколько десятилетий. За эти годы появилось большое количество документов, принятых на разных уровнях и имеющих различный статус. Культурные и политические традиции государств во многом предопределили особенности применения данных документов, их содержательную специфику. Демократические принципы Соединённых Штатов Америки, сложившаяся там культура политических отношений между властью, обществом и массмедиа должны были создать условия для органичного утверждения саморегулирования журналистского сообщества. США с момента зарождения государственности динамично претворяли в жизнь либеральные ценности. Современное положение дел в американских СМИ во многом предопределено историческими традициями и особенностями развития практики этического регулирования журналисткой деятельности.

Обсуждение миссии журналиста и предназначения журналистики в США началось с выходом первых газет в Бостоне, а затем в Филадельфии в конце XVII – начале XVIII столетия. Первые кодексы этики журналистов появляются на рубеже XIX–XX вв. В Соединённых Штатах Америки ранними этическими документами локального характера для журналистов считаются принятый в 1910 г. «Этический кодекс газет в Канзасе» и утверждённая в 1922 г. Резолюция «Ассоциации редакторов Орегона» [10, p. 2–3]. Одним из лейтмотивов опубликованных текстов была декларация о приверженности нормам взвешенного освещения событий, о сдержанности в подаче сенсаций.

Следующим шагом стала разработка общенационального документа, «Канонов журналистики» (Canons of Journalism) (Code of Ethics or Canons of Journalism, 1923). Этот Кодекс в 1923 г. одобрило «Американское Общество редакторов газет» (American Society of Newspaper Editors). Основными положения Кодекса являлись статьи об ответственности журналиста и необходимости заботиться об интересах общества, о свободе прессы, о независимости журналистов от различных влияний, за исключением общественных интересов, об аккуратном и точном изложении информации и др. Одним из пунктов значилось обязательство информировать публику об ошибках, допущенных на страницах выпускаемого издания. Текст поддержали и выразили готовность следовать обнародованной декларации многие СМИ Соединённых Штатов. Среди них – редакции “Detroit News”, “The Chicago Tribune”, “Chicago Daily News”. Это были издания, набирающие популярность среди читателей и заботившиеся о собственной репутации, пытающиеся отмежеваться от скандальной жёлтой прессы.

Через непродолжительное время появились новые подобные документы, претендующие либо на национальный статус, либо, что чаще всего, отражающие интересы той или иной организации: «Кодекс Общества профессиональных журналистов» (1926), «Кодекс практики» Национальной ассоциации вещателей (1929) и др. Как правило, такие документы имеют рекомендательный характер. Иная ситуация с этическими кодексами, принятыми на уровне отдельных редакций и средств массовой информации: они могут быть обязательными для исполнения сотрудниками. Примерами документов, принятых на редакционном уровне, могут быть «Редакционная этическая политика» (“Chicago Tribune”), «Принципы этики Лос-Анджелес Таймс» (“Los Angeles Times”), «Кодекс журналистской этики Бизнесуик» (“Bloomberg Businessweek”): для подробного знакомства с некоторыми из них можно использовать коллекцию, которая собрана в разделе «Медиа» на сайте Иллинойского технологического института (Codes Repository) .

Точная статистика отсутствует, однако примерная оценка показывает, что число американских кодексов, включая документы, принятые национальными организациями журналистов, отраслевыми объединениями работников СМИ, отдельными редакциями, достигает нескольких сотен. Данная ситуация отличается от того, что происходит в других странах: в России либо государствах Восточной Европы подобных кодексов относительно немного, речь можно вести лишь о нескольких десятках таких документов. Проблема заключается в выявлении факторов, повлиявших на принятие этических кодексов и практику их применения в США – стране с особой политической культурой.

2. Методика исследования

В ходе осмысления поставленных проблем используются методы, позволяющие раскрыть исторические и современные особенности применения кодексов журналистики в США.

Историко-сравнительный метод позволяет сопоставить нормы морально-этического регулирования работы журналистов на разных исторических отрезках. Данный метод характерен для историографии и иных областей исторических исследований. Он основывается, с одной стороны, на сравнении, которое характерно практически для любого научного изыскания: любой анализ данных не может обойтись без сравнительного сопоставления и выявления общих, либо отличных характеристик. С другой стороны, историческое сравнение предполагает изучение формы и содержания процессов или явлений в разные исторические моменты. Это позволяет обнаружить сущностные проявления исследуемых явлений на отдельном этапе и проследить их в динамике. В контексте нашего исследования важно обратить внимание на этап появления кодексов журналистской этики, а также на дальнейшее утверждение практики применения этических норм в исторической ретроспективе.

Метод логического анализа заключается в воссоздании развития явления, либо системы, при этом используются средства теоретического анализа, изучаются элементы и связи той или иной системы. Необходимо учитывать развитие данной системы, не рассматривать её отдельно от окружения, стремиться к формализации процесса исследования и его результатов. В данной статье логический метод применяется к сравнительному анализу документов, в частности кодексов профессиональной этики журналистов. При некой степени формализации и выявлении ряда содержательных и количественных показателей документы рассматриваются в контексте исторических условий, специфики деятельности одобривших их организаций, масштабности и эффективности влияния на журналистские процессы.

В силу необходимости проанализировать реальные ситуации, которые возникают перед журналистами в ходе решения этических коллизий, и особенностей применения в конкретных случаях кодексов журналистской этики, применяются элементы ситуационного анализа. Определяются типичные ситуации, выявляются характерные способы поведения сотрудников СМИ, эффективность применения кодексов профессиональной этики.

3. Нормы журналистской этики в США: факторы формирования и современная практика

Исследование показывает, что на принятие кодексов журналистской этики в США оказывал влияние целый ряд факторов. Этот процесс был во многом обусловлен недовольством части журналистского сообщества направлением развития прессы. Состояние американской журналистики в конце XIX – начале XX в. во многом определялось усилением так называемой жёлтой прессы, развитием макрекерства – движения «разгребателей грязи», неоднозначным экономическим положением средств массовой информации.

Коммерциализация прессы, спекуляция на скандальной тематике вызвали дискуссии о миссии журналиста в обществе. Проблема стала предметом публичного обсуждения. Подвергались критике монополизация рынка массмедиа, концентрация медиаактивов, снижение конкуренции в отдельных областях (например, уменьшалось количество городов, где выходило две и более конкурирующих городских газет). Осуждались коррупционные явления, слияние интересов деловой, политической элиты и средств массовой информации. Данные настроения, в частности, нашли отражение в публикациях Эптона Синклера [12], Джорджа Сельдеса [11], Уолтера Липпманна [7; 8] и др. В работах этих и других авторов нередко ставились проблемы журналистской этики. Спустя пару десятилетий в американском обществе развернулись дискуссии об ответственности прессы перед обществом. Известны неутешительные выводы комиссии, созданной по инициативе владельца журнала «Тайм» Генри Люса в 1942 г., о состоянии свободы прессы в Америке. Сложившаяся ситуация требовала принятия мер по изменению ситуации и, в том числе, усилий по самооздоровлению журналистского сообщества.

Немаловажным фактором, повлиявшим на появление профессиональных кодексов, стало создание организаций, призванных объединить журналистов и помочь им в решении возникающих проблем. Данные процессы наиболее активно начали происходить в конце XIX – начале XX в. Появились «Американская ассоциация издателей газет» (American Newspaper Publishers' Association – ANPA), «Национальный пресс-клуб» (National Press Club), «Американская ассоциация препода-

вателей журналистики» (American Association of Teachers of Journalism). «Американское общество редакторов газет» (American Society of Newspaper Editors) и др.

Примерно в это же время в США шло становление профессионального журналистского образования. Попытки начать подготовку журналистов в учебных заведениях реализовались лишь в начале XX столетия. Школы журналистики появились в Колумбийском университете, Университете Миссури, Университете Висконсина и некоторых других. В начале XX столетия преобладал практико-ориентированный подход подготовки будущих журналистов, впоследствии в образовательных планах начали появляться дисциплины теоретического характера, что расширяло кругозор выпускников, они получали представление о месте журналистике в социуме, её функциях, целях, миссии.

Учреждались профессиональные издания для журналистов. Некоторые из них выходили по инициативе журналистских организаций, скажем, «Бюллетень Американского общества редакторов газет» (ASNE Bulletin, 1922). Часть изданий появилась по инициативе специалистов, занятых в образовательной сфере. К таким относится «Журналистский бюллетень» (Journalism Bulletin, 1924), который возглавлял Лоренс Мерфи из Иллинойского университета. Американская ассоциация преподавателей журналистики приступила к подготовке учебников для студентов. Появление части профессиональных СМИ было вызвано также развитием новых видов СМИ: появились журналы «Телерадиовещание и кабельное телевидение» (Broadcasting & Cable), «Телевидение. Ежеквартальное издание» (Television Quarterly) и другие [5]. В перечисленных СМИ обсуждались проблемы отрасли, перспективы её развития, вопросы профессионального поведения.

Указанные факторы во многом повлияли на формирование представлений о нормах профессионального поведения работников СМИ, предопределили появление кодексов этики журналистов в Соединённых Штатах Америки, оказали влияние на их содержание.

В Соединённых Штатах Америки формализованные документы, посвящённые вопросам морально-этического поведения журналистов (кодексы этики), появились значительно раньше, чем во многих других странах (например, с Россией разница во времени составила примерно 70 лет – между началом XX в. и 1990-ми гг.). Это подтверждает, что для появления соответствующих документов в обществе должны сложиться определённые условия. Как минимум институтам СМИ необходимо достичь некоторой самостоятельности, требуется развитие соответствующих организаций и структур (профессиональных организаций журналистов, системы подготовки сотрудников массмедиа), предполагается развитие теоретической базы для серьёзного осмысления феномена. Немаловажным фактором в данном случае являются и различия в политической культуре разных стран.

На современном этапе происходят трансформации в понимании норм профессиональной журналистской этики и особенностей применения этических кодексов в США.

Подобные кодексы, как известно, можно подразделить на несколько групп в зависимости от их статуса – это так или иначе соотносится с тем, на каком уровне они были приняты. Выделяют документы межнационального, национального, межотраслевого, отраслевого, локального (на уровне отдельного издания) характера. Очевидно, что более значимыми с практической точки зрения являются редакционные нормативы, исполнение которых контролируется непосредственно ответственными лицами того или иного издания. Далеко не все из них находятся в открытом доступе и индексируются поисковыми системами. В ходе работы над статьёй были проанализированы кодексы журналистской этики американских изданий преимущественно регионального и местного значения . За основу были приняты регламенты, размещённые на сайтах самих изданий, либо иных журналистских, образовательных или исследовательских организаций. При анализе уделялось внимание содержательным характеристикам документов: определялись их общие и уникальные положения, а также новаторские подходы, которые стали проявляться лишь в последнее время.

Ограничимся лишь кратким описанием общих положений кодексов. Практически все из них содержат тезисы о честности и объективности при освещении событий, о принципах работы с источниками информации, об ответственности перед аудиторией и т. д. В основном это дублирование принципов, закреплённых в общенациональных, либо международных документах.

Уникальными характеристиками этических кодексов локального характера является отражение в них особенностей редакционной политики и требований редакций к своим сотрудникам. Это может иметь самые разные проявления. Например, в ряде документов

оговаривается максимальная стоимость подарков, которые может принимать журналист от третьих лиц. Она варьируется от 10 долл. в провинциальной газете “Dallas Morning News” до 25 в международном агентстве новостей “Associated Press”. Отдельные редакции не допускают подобного рода практику вообще: такой порядок закреплён в руководстве для сотрудников издания “Los Angeles Times”. Здесь возможно принятие подарка лишь в том случае, если в определённом культурном контексте отказ может быть истолкован как неуважение или оскорбление . Иные положения могут увязываться с участием в деятельности общественных и партийных организаций, выполнением работы для других изданий, владением ценными бумагами каких-либо предприятий и т. д. Иногда ограничения заниматься той или иной темой для журналиста могут возникнуть в силу рода деятельности членов его семьи. Каждый редакционный коллектив устанавливает особую степень регламентации для своих сотрудников в части ситуаций, предполагающих «конфликт интересов», что предопределяет различия в кодексах профессиональной этики локального уровня.

В последние годы многие кодексы журналистской этики претерпевают изменения. Это зачастую обусловлено развитием новых информационных технологий и сетевых коммуникаций. С учётом изменившихся условий массово-информационной деятельности пересматривается и дополняется подход к регулированию работы сотрудника редакции: включаются положения о последствиях использования современных гаджетов, о размещении информации на интернет-ресурсах, об общей специфике работы новых СМИ.

Иллюстрацией этому может быть документ для сотрудников компании “New York Times”, в котором описываются некоторые подходы к поведению сотрудников на ресурсах компании и сторонних структур. Работникам рекомендуется проявлять сдержанность в оценках различных событий даже в пространстве личного блога, поскольку их имя неизменно ассоциируется у публики с тем СМИ, где они постоянно работают. Публикация личных оценок на сайте самой редакции, пусть даже и в формате «личного журнала», строго регламентируется: «ничто не может быть опубликовано..., если это не прошло через процесс редактирования или модерации». Некоторые редакции, рассматривая сетевое пространство как сферу серьёзной конкуренции, требуют от журналистов, в особенности от фрилансеров, согласовывать их публикации на других ресурсах.

В документах отдельных компаний появляются даже целые разделы, посвящённые онлайн-журналистике. Примером может служить Общественное радиовещание США. Составители корпоративных правил корпорации признают, что в современных условиях приходится иметь дело с иными формами распространения информации. В принятых положениях отмечается, что качество публикаций на сайте должно соответствовать высоким стандартам, наработанным в эфирной журналистике. Большая роль при этом отводится регламентации редакционного процесса: размещаемые материалы, как закреплено в документе, должны просматриваться редактором, редактор отвечает за контроль контента. Несмотря на то, что интернет-форумы по сути своей предполагают оценочные суждения, они также должны модерироваться редакторами. Аналогичные правила распространяются и на личные блоги журналистов, размещаемые на сайте компании .

Влияние новых информационных технологий на содержание этических кодексов проявляется и в некоторых других аспектах: появляются новые положения об особенностях подготовки видеосюжетов и их размещения в сети, о работе со звуком, графикой и т. д. Это сегодня актуально уже не только для телерадиокомпаний, но и практически для всех редакций, имеющих онлайн-ресурсы. Следует учитывать также, что в современных условиях появляются медиакомпании, которые работают только в сети Интернет, и в силу этого их кодексы ориентированы исключительно на такой вид деятельности (обратим внимание, например, на Online News Association).

Таким образом, очевидно стремление редакций в условиях развития новых медиа учитывать изменяющуюся ситуацию (новые формы взаимодействия с аудиторией, изменившиеся приёмы обработки и распространения информации и др.). Разрешение этических коллизий во многих случаях сопрягается с серьёзным контролем за содержанием отдельных материалов и интернет-ресурсов в целом.

4. Выводы

Итоги исторической части исследования коррелируют с устоявшимися в исследовательской литературе позициями по поводу появления и применения этических кодексов. Они сводятся к нескольким аспектам. Точка зрения исследователей о возникновении журналистской морали заключается в том, что

она появилась вместе с самой журналистикой [3, с. 213–214], развивалась в процессе становления профессиональной общности журналистов [1, с. 42], и именно в ходе профессиональной деятельности формировалось нравственное сознание работника отрасли СМИ [2, с. 10]. По поводу причин принятия кодексов этики, усиления интереса к саморегулированию СМИ распространённым является мнение, что такому развитию событий способствуют внешние факторы. Так, А. Уайт заявляет, что кодексы этики всегда принимаются «под давлением извне, заставляющим заняться саморегулированием». С ним солидарен Д. МакКвейл – он выражает уверенность в том, что моральные принципы журналистики зачастую наиболее отчётливо и ярко формулируются во времена кризисов и переломных моментов в истории общества [9, p. 964]. Несколько по-иному высказываются о проблеме Р. Д. Каплар и П. Д. Мэйнс, которые акцентируют внимание на состоятельности журналистов самим принимать решения. Так, например, выделяются главные этические принципы, которые журналисты вынесли из классической либеральной теории, – это независимость при сборе информации и скептическое отношение к власти [6, p. 26].

Результаты проведённого анализа показывают, что противоречия представленных позиций весьма условны, и эти тезисы скорее составляют части единой мозаики. Они вполне соответствуют выявленным в ходе осмысления проблемы причинам появления этических норм и кодексов в США (недовольство направлением развития прессы; появление организаций, объединяющих журналистов; становление профессионального журналистского образования; начало публикации профессиональных изданий для журналистов).

Сопоставление текстов этических кодексов указывает на то, что сфера этических норм и правил в журналистике не является закостенелым образованием. Несмотря на, казалось бы, устоявшиеся и нередко повторяющиеся из текста в текст положения основных документов, принимаются новые кодексы, появляются проекты обновлений уже существующих. Так, осенью 2014 г. появились сообщения о планах изменений в кодексе Общества профессиональных журналистов (SPJ). Предлагалось добавить пункт о предоставлении аудитории, когда это уместно, доступа к оригиналу информации. Отмечалось, что журналисты не должны платить за новости, а когда это происходит, соответствующим знаком отмечать опубликованную информацию. Среди нововведений другой организации, Ассоциации новостных работников радио и телевидения (RTDNA), была рекомендация для журналистов верифицировать информацию, «рассказывать о том, что было утаено, и обращать внимание на отсутствие важной дополнительной информации» [4]. Такой подход означает, что журналисты осознают необходимость растолковывать информацию, ориентировать читателя, слушателя, зрителя в происходящих событиях. Это корректирует некогда озвучиваемые принципы о том, что сотрудник СМИ является лишь посредником для передачи данных от источника до аудитории. Такого рода сюжеты, к слову сказать, прослеживаются и в документах, принятых другими изданиями. Скажем, в Кодексе журналистской этики 2009 г. издания “Businessweek” прямо отмечалось, что журнал специализируется на «оценочной», «интерпретационной» журналистике (*interpretive journalism*) .

Современное развитие информационных технологий заставляет журналистское сообщество пересматривать многие устоявшиеся подходы к разрешению этических коллизий, вырабатывать новые стандарты и правила. Возникает целый комплекс проблем, требующих решения: как работать с информацией личного характера, которую можно получить о человеке в социальных сетях, как отслеживать достоверность информации в огромном потоке новостей, как работать с аудиторией, которая имеет обратную связь с редакцией 24 часа в сутки и т. д. Существенные изменения в профессиональной деятельности предполагают, по сути, разрешение вопроса о том, какие новые правила поведения онлайн-журналистика потребует от работников СМИ. Анализ кодексов показал, что редакции пытаются сформулировать определённые подходы. При этом во многих случаях внимание уделяется усилению роли контроля со стороны редакторов за содержанием журналистского продукта и профессиональным поведением журналистов. Усиливается ответственность сотрудника перед корпорацией, где он работает. В настоящее время журналисту предлагается более внимательно относиться к озвучиваемым мнениям не только в рамках рабочего пространства, но и в ходе публикации личных блогов, при участии в дискуссиях на сторонних интернет-форумах и т. д.

Дальнейшие рассуждения видятся в поле изучения политической культуры разных стран. Существует предположение о том,

что модель этического регулирования журналистской деятельности соотносится с социально-политическими традициями общества. Каковы механизмы и последствия этого влияния? Насколько это проявляется в других странах – в регионах Восточной и Северной Европы, в Азии и т. д.? В сложившейся ситуации особо остро встают вопросы о защите частной жизни и конфиденциальных данных, всё более актуальными становятся проблемы достоверности распространяемой информации, определения авторства текстов. Наряду с универсальными подходами ситуация отдельных странах может предполагать использование уникальных способов осмысления данных проблем, на что так же не в последнюю очередь влияют политические и культурные традиции их развития. Очевидно, что для таких изысканий необходимо использование дополнительных методов, включающих опросы, социологические изыскания, контент-анализ.

Список литературы

1. Авраамов Д. С. Профессиональная этика журналиста. М. Изд-во Моск. ун-та, 2003. 264 с.
2. Кумылганова И. А. Нравственные критерии в профессиональной журналистской деятельности: дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Кумылганова Ирма Александровна. М., 1992. 21 с.
3. Назаретян К. А. Журналистская этика: тенденции развития // Этическая мысль; под ред. А. А. Гусейнова. М.: ИФ РАН, 2010. Вып. 10. С. 213–234.
4. Садовская-Комлач М. Новые правила журналистской этики появились в США [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.planetasmi.ru/blogi/comments/33924.html (дата обращения: 23.09.2014).
5. Швецова А. Н. Профессиональные издания для журналистов США: предпосылки возникновения и развития // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2009. Сер. 2: Филология и искусствоведение. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-izdaniya-dlya-zhurnalistov-ssha-predposylki-vozniknoveniya-i-razvitiya (дата обращения: 05.06.2015).
6. Kaplar R. D., Maines P. D. The Government Factor. Undermining Journalistic Ethics in the Information Age. Washington: Cato Institute, 1995. 100 p.
7. Lippmann W. Public Opinion. New York, Free Press, 1965. 272 p.
8. Lippmann W. Liberty and the News. New York, Harcourt, Brace and Howe, 1920. 104 p.
9. Pattyn B. Media Ethics: Opening Social Dialogue. Leuven: Peeters Publishers, 2000. 422 p.
10. Pratte P. Gods within the Machine: A history of the American Society of Newspaper Editors, 1923–1999. Westport, CT, 1995. 231 p.
11. Seldes G. Freedom Of The Press. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1935. 380 p.
12. Sinclair U. The Brass Check: A Study of American Journalism. Pasadena, Cal.:The author, 1920. 445 p.

References

1. Avraamov D. S. Professional'naya etika zhurnalista. M. Izd-vo Mosk. un-ta, 2003. 264 s.
2. Kumylganova I. A. Nravstvennye kriterii v professional'noi zhurnalistskoi deyatel'nosti: dis. … kand. filol. nauk: 10.01.10 / Kumylganova Irma Aleksandrovna. M., 1992. 21 s.
3. Nazaretyan K. A. Zhurnalistskaya etika: tendentsii razvitiya // Eticheskaya mysl'; pod red. A. A. Guseinova. M.: IF RAN, 2010. Vyp. 10. S. 213–234.
4. Sadovskaya-Komlach M. Novye pravila zhurnalistskoi etiki poyavilis' v SShA [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.planetasmi.ru/blogi/comments/33924.html (data obrashcheniya: 23.09.2014).
5. Shvetsova A. N. Professional'nye izdaniya dlya zhurnalistov SShA: predposylki vozniknoveniya i razvitiya // Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. 2009. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. № 4 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-izdaniya-dlya-zhurnalistov-ssha-predposylki-vozniknoveniya-i-razvitiya (data obrashcheniya: 05.06.2015).
6. Kaplar R. D., Maines P. D. The Government Factor. Undermining Journalistic Ethics in the Information Age. Washington: Cato Institute, 1995. 100 p.
7. Lippmann W. Public Opinion. New York, Free Press, 1965. 272 p.
8. Lippmann W. Liberty and the News. New York, Harcourt, Brace and Howe, 1920. 104 p.
9. Pattyn B. Media Ethics: Opening Social Dialogue. Leuven: Peeters Publishers, 2000. 422 p.
10. Pratte P. Gods within the Machine: A history of the American Society of Newspaper Editors, 1923–1999. West-port, CT, 1995. 231 p.
11. Seldes G. Freedom Of The Press. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1935. 380 p.
12. Sinclair U. The Brass Check: A Study of American Journalism. Pasadena, Cal.:The author, 1920. 445 p.

Статья поступила в редакцию 25.06.2015

УДК: 329
ББК: 66.4

Светлана Михайловна Виноградова[1],
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: vinogradovasm@inbox.ru

Константин Арсеньевич Панцерев,
доктор политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: pantserev@yandex.ru

Гендерный мировой порядок: проблемы и перспективы формирования

В статье дана научная оценка основных мероприятий, которые за последние двадцать лет были организованы международным сообществом в целях достижения подлинного равноправия женщин и мужчин. Речь идёт о Плане действий, принятом Межпарламентским советом в Париже (1994), а также о Пекинской Декларации и Пекинской Платформе действий (Пекин, 1995). Однако многие положения указанных документов пока ещё не реализованы, хотя определённые позитивные сдвиги уже очевидны. В ряде европейских, азиатских и африканских государств женщины стали принимать более активное участие во внутренней и внешней политике своих стран. Авторы статьи акцентируют внимание на том, как расширяется участие женщин в общественной жизни, в частности в области принятия решений, и каким образом реализуется принцип равного разделения полномочий и ответственности мужчин и женщин в быту, на работе и в публичной сфере. Данный исследовательский ракурс приобретает сегодня большую актуальность. В условиях, когда происходит политизация гендерной проблематики, возникает вопрос об исчерпанности данного научного направления. Однако, как демонстрируют факты, приведённые в статье, гендерный баланс, являющийся одним их гарантов безопасности, достигнут не везде. Поэтому изучение процесса достижения гендерного равноправия продолжает оставаться важной научной задачей.

Ключевые слова: гендер, глобализация, гендерное неравенство, мировой гендерный порядок, равное представительство, политический процесс, политическое участие.

Svetlana Mikhailovna Vinogradova[2],
Doctor of Political Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment , St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: vinogradovasm@inbox.ru

Konstantin Arsenievich Pantserev,
Doctor of Political Science, Associate Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: pantserev@yandex.ru

World Gender Order: Problems and Prospects of the Foundation

The paper presents a scientific assessment of the major activities that have been organized over the last twenty years by the international community to achieve genuine equality between women and men. This refers to the Action Plan adopted by the Inter-Parliamentary Council in Paris (1994), as well as the Beijing Declaration and the Beijing Platform for Action (Beijing, 1995). However, many provisions of these documents have not been implemented yet, although certain positive shifts are already evident. In a number of European, Asian and African states, women have become more involved in domestic and foreign policy of their respective countries. The authors of this paper focus on how the women's participation in public life, particularly in the area of decision-making, is expanded and how the principle of equal division of powers and responsibilities between men and women is implemented in everyday life, at work and in the public realm.This research perspective has taken on greater urgency. In conditions, when there is the politicization of gender, the question about the exhaustion of this research area arises. However, as demonstrated by the facts presented in the article, gender balance, which is one of the guarantors of security, has not been achieved everywhere. Therefore, the study of the process of achieving gender equality remains an important scientific task.

Keywords: gender, globalization, gender inequality, world gender order, equal representation, political process, political participation.

[1] С. М. Виноградова – основной автор, вклад заключается в формировании композиционной структуры статьи.
[2] S. M. Vinogradova is the main author;she has contributed to formation of the composite structure of the article.

© Виноградова С. М., Панцерев К. А., 2015

Введение

Мировой гендерный порядок представляет собой иерархически организованную систему отношений между полами, охватывающую все стороны социальной жизни, как частной, так и публичной [3]. При этом указанная система не является статичной. Она подвержена глубоким качественным трансформациям и изменяется в той степени, в которой происходит смена менталитета всего общества.

Однако долгое время в обществе продолжало сохраняться так называемое половое разделение труда, которое «в простейшей форме означает распределение определённых видов работ среди конкретных категорий людей. Оно является социальной структурой в той мере, в какой это распределение служит ограничением дальнейшей практики. Это происходит несколькими взаимосвязанными способами. Во-первых, предыдущее разделение труда становится социальным правилом, при котором работа закрепляется за определёнными категориями людей. Работник, поступающий на работу в фирму, получает работу X, если это женщина, и работу Y, если мужчина» [1].

Но начиная с середины XX в. женщины стали добиваться видных результатов в сферах деятельности, которые издавна считались прерогативой мужчин, в том числе и в политике. Тем не менее, несмотря на то, что за последнее столетие женщины доказали то, что они в состоянии трудиться наравне с мужчинами и выполнять мужскую работу, не уступают мужчинам в интеллектуальном и образовательном уровне, их нельзя упрекнуть в отсутствии мотивации и ненадлежащем исполнении своих служебных обязанностей, только незначительный процент женщин прорывается в высшие эшелоны власти и получает возможность влиять на ход мирового политического процесса [4].

Мужчины по-прежнему продолжают занимать ключевые посты в системе управления крупными корпорациями и органов государственной власти. Согласно статическим данным за 1996 г. мужчины занимают в общей сложности около 93% руководящих должностей в бизнесе и на государственной службе. Мужчины продолжают контролировать технологические и оборонные сектора экономики. За редким исключением именно мужчины возглавляют силовые ведомства своих стран, такие как армия, органы внутренних дел и юридическая система. Ключевые посты в международных агентствах и организациях так же в большинстве своём возглавляют мужчины. При этом до недавнего времени подобная ситуация считалась «естественной», равно как предписанной свыше или биологическим следствием [5].

Последнее обстоятельство вынуждает международные феминистские организации и все заинтересованные стороны инициировать международный переговорный процесс, направленный на расширение представительства женщин в политических системах своих стран. В результате, подъём женского движения, направленного на предоставление женщинам равных с мужчинами прав во всех секторах общественной жизни, привёл к существенному изменению веками устоявшегося гендерного порядка, основанного на доминировании мужчин, и вынес гендерный вопрос на повестку дня в качестве одного из наиболее серьёзных вызовов, стоящих перед мировым сообществом.

Рассматривая современный этап борьбы за подлинное гендерное равноправие, нельзя обойти вниманием такие важные документы, как План Действий, принятый Межпарламентским советом в Париже (1994), который был направлен на ликвидацию существующего дисбаланса в участии мужчин и женщин в политической жизни своих стран, а также Пекинскую Платформу Действий. Её приняли на 4-й Всемирной Конференции женщин (Пекин, 1995) вместе с Пекинской Декларацией. Анализируя данные документы, мы не можем не задаться вопросом, насколько они были реализованы и насколько они были реализуемы в принципе.

Разумеется, конституции многих стран содержат принцип равенства всех проживающих на территории того или иного государства граждан, как женщин, так и мужчин. Права женщин Основной закон не выделяет в особую категорию, подразумевая, что любой человек, какого бы пола он ни был, должен обладать одним и тем же набором прав. В связи с этим нельзя сказать, что в мире наметились какие-то существенные изменения во взаимоотношениях между полами после принятия упомянутых выше документов.

Естественно, невозможно сиюминутно или в исторически короткий промежуток времени осуществить кардинальную трансформацию взаимоотношений между полами. Напротив, стало очевидным, что соблюдение прав женщин является той проблемой, которая должна не только обсуждаться, но и решаться на международном и национальном уровнях.

Примечательно, что существенных изменений в пропорциональной численности мужчин и женщин, занятых в политическом процессе своих стран, на Западе не произошло, несмотря на то, что именно в западных государствах был дан импульс дискуссиям относительно степени вовлечённости женщин в систему принятия решений в мировом политическом дискурсе. Однако суммарная доля женщин, занимающих высокие государственные должности на Западе, по-прежнему колеблется в пределах 20–25 %. На этом фоне особенно внушительно выглядит ситуация в странах того региона планеты, который ещё недавно называли «третьим миром». Поэтому обращение к гендерной политике ряда стран Азии, Африки, Центральной и Южной Америки способствует не только более глубокому пониманию различных путей достижения равенства полов, но и проясняет тенденции современного мирового развития.

Методология

Вопрос о методологии и методике гендерных исследований в области международных отношений представляет существенный интерес. Есть точка зрения, что представители феминистских или гендерных исследований равнодушны к вопросам методологии. Видимо, это мнение связано с тем, что, как и во многих социально-гуманитарных исследованиях, в гендерной теории используются методология и методики, присущие смежным областям знания. Тем не менее, в научной литературе выделяются подходы, которые характерны исключительно для женских и гендерных исследований. Это, например, эмпирический, нормативный и аналитический подходы. Первый расценивает феминизм как сугубо эмпирическое измерение международных отношений; второй включает феминистские исследования в повестку дня борьбы за социально-политические изменения в международной жизни; третий рассматривает гендер как научную категорию и использует её, чтобы выявить гендерный ракурс теории международных отношений и лучше понять все компоненты этих отношений [10, p. 214]. Именно этого, аналитического подхода придерживаются авторы данной статьи.

1. От Плана Действий к Пекинской Платформе Действий

26 марта 1994 г. в Париже Межпарламентский совет принял План Действий, направленный на ликвидацию существующего дисбаланса в участии мужчин и женщин в политической жизни своих стран.

Данный документ содержит набор рекомендаций государству, которым следует руководствоваться для того, чтобы расширить присутствие женщин в структурах государственной власти. При этом указанные рекомендации не сводятся исключительно к реформированию законодательной базы, они также подразумевают ещё и определённые реформы в системе образования и здравоохранения. По мнению авторов рассматриваемого Плана действий, именно качественное повышение уровня образования, особенно в слаборазвитых странах, способно упростить участие женщин в политической жизни. В этой связи государству рекомендуется способствовать равному доступу мальчиков и девочек к начальному образованию. Кроме того, в документе особенно подчёркивается, что в каждой стране должен быть установлен единый общий период обучения для мальчиков и девочек. Однако предоставление всеобщего доступа к начальному образованию не является единственной задачей в этой сфере. Помимо этого, необходимо разработать специализированные образовательные программы для взрослых с тем, чтобы повысить уровень грамотности населения в целом.

Что же касается необходимости реформирования системы здравоохранения, она связана, прежде всего, с тем, что женщины, преимущественно в развивающихся странах, нередко умирают от осложнений, связанных с беременностью, родами или неудачно проведёнными абортами. По мнению разработчиков данного Плана действий, эта проблема не только препятствует женщинам принимать участие в политической жизни, но также представляет собой главную преграду на пути их любого участия в жизни общества [8]. В этой связи национальным правительствам рекомендуется проводить такие реформы системы здравоохранения, с тем чтобы в конечном итоге свести к минимуму риск материнской и детской смертности, а матери могли бы сосредоточиться на более активном участии в общественной жизни.

Особое внимание, разумеется, авторы рассматриваемого документа придают необходимости реформирования национального законодательства таким образом, чтобы в ключевых нормативно-правовых актах страны изначально был заложен принцип равноправия полов во всех сферах общественной жизни. Таким образом, План Действий признаёт, что права женщин, которые следует рассматривать в качестве неотъемлемой составляющей прав человека, должны быть гарантированы Конституцией, на основе которой должны быть приняты специализирован-

ные законы, преследующие цель законодательного закрепления прав женщин. При этом органам государственной власти особенно рекомендуется при разработке указанных законопроектов работать в тесном контакте с женскими организациями и ассоциациями, равно как с другими заинтересованными сторонами с тем, чтобы в новых законах были максимально учтены интересы широких слоёв населения.

Как следует из анализа рассматриваемого документа, законодательство и система образования представляют собой тот необходимый базис, отсутствие которого делает практически невозможным равноправное участие женщин наравне с мужчинами в политическом процессе своих стран. Нормативно-правовые акты предоставляют женщинам гарантии избирать и быть избранными в представительные органы власти, а также занимать высокие государственные должности. Система образования помогает женщинам узнать их права и воспитывает в них гражданскую сознательность, т. е. те важные качества, которые должны стимулировать их активное участие в политической жизни как на национальном, так и международном уровне.

Однако и так очевидно, что любые принципы, гарантированные Конституцией и иными ключевыми нормативно-правовыми актами, должны быть подкреплены реальными гарантиями обеспечения указанных прав. В этой связи содействовать обеспечению прав женщин должны правительство (ключевой актор), национальный парламент, политические партии, торговые союзы, неправительственные организации и средства массовой информации, которым надлежит работать в тесном сотрудничестве друг с другом.

Одним из приоритетов правительства должно стать информирование широкой общественности относительно утверждения новых нормативно-правовых норм, которые устанавливают равноправие между женщинами и мужчинами, равно как осуществление контроля над их исполнением. При этом особенно подчёркивается, что политика правительства по вопросам предоставления женщинам равных с мужчинами прав принимать участие в жизни общества должна разрабатываться в тесном взаимодействии с политическими партиями, равно как с профессиональными и социальными организациями. Посредством СМИ правительство должно доводить до широкой общественности свои цели и реальные достижения на пути обеспечения равных прав женщин принимать участие в политической жизни своей страны.

Помимо перечисленных мероприятий правительство также должно обеспечить обучение женщин участию в общественной жизни. Кроме того, правительству следует предложить административному персоналу (мужчинам и женщинам) различные обучающие курсы с тем, чтобы способствовать позитивной смене своего имиджа, связанного с тем, что теперь на работу в органы государственной власти могут быть приняты на равноправной основе как мужчины, так и женщины.

Политические партии и неправительственные организации со своей стороны должны проводить публичные информационные компании, которые бы подчёркивали необходимость и важность участия женщин в политической жизни, делая акцент на том, что это является неотъемлемой частью процесса усиления демократии.

Существенной в обеспечении равных прав женщин в политической жизни является и роль средств массовой информации. Именно массмедиа должны способствовать полному устранению дискриминации и предрассудков в отношении женщин и поощрять их в улучшении своих профессиональных качеств и активного участия в управлении и системе принятия решений. В этой связи СМИ рекомендуется публиковать материалы, которые бы указывали на ту роль, которую женщины сыграли в развитии человеческой цивилизации и мирового исторического процесса.

В 1995 г. в Пекине (Китай) состоялась Четвёртая международная конференция по вопросам женщин, на которой страны-члены ООН подтвердили особое значение решения «женского вопроса». Участники встречи также подчеркнули своё желание «видеть женщин не в качестве жертв, но в качестве важных акторов перемен, продолжать изучение отношений между женщинами и мужчинами и произвести переоценку роли женщин в обществе» [6, p. 11].

По числу участников Пекинская конференция оказалась самой представительной конференцией данного профиля из когда-либо проведённых под эгидой ООН. В ней участвовало 17 тыс. человек, среди них около 5 тыс. официальных представителей 181 государства, около 450 представителей ООН, 26 межправительственных организаций и 4035 делегатов, аккредитованных от неправительственных женских организаций (НЖО).

Основная цель Конференции заключалась в том, чтобы проанализировать проделанную после 1985 г. работу по выполнению «Перспективных стратегий в области

улучшения положения женщин на период до 2000 года», основного документа состоявшейся в Найроби (Кения) в 1985 г. III Всемирной конференции по правам женщин. По итогам Пекинской конференции была принята специальная Платформа Действий на период 1996–2001 гг., всеобъемлющая реализация основных положений которой должна была способствовать качественному повышению роли женщин в современном мире.

«Одновременно с Пекинской Конференцией (с 30 августа по 8 сентября 1995 г.) в Хуайроу проводился Форум неправительственных организаций, в работе которого принимало участие свыше 31 тыс. человек, в том числе 200 делегаток из России.<…> Цель Форума в Хуайроу состояла в том, чтобы обсудить свои поправки к проектам документов Пекинской конференции, которые оказались более радикальными, чем позиция официальных делегаций. Следует отметить, что самой многочисленной группой Пекинской конференции была группа из 132 развивающихся стран, но наиболее влиятельной была группа стран-членов Европейского Союза совместно с США, Канадой и Австралией. Восточноевропейские государства сформировали особую группу стран с переходной экономикой» [2].

Однако многие положения, принятые на конференции и зафиксированные в Пекинской платформе действий, остались в большинстве своём, к сожалению, только на бумаге. Общая доля женщин, оказывающих какое-либо влияние на развитие мирового политического процесса, в масштабе планеты, оказывается относительно невелико (20–25 %). Незначительна также и доля женщин, занимающих руководящие посты в крупных корпорациях (всего около 15 %, согласно данным за 2011 г) [7].

Тем не менее следует признать, что некоторые позитивные сдвиги в этом направлении за последнее два десятилетия все же прослеживаются.

2. Женщины в современной «большой политике»: проблемы и перспективы

В ряде европейских, азиатских и африканских государств женщины стали принимать определённое участие в политической жизни своих стран. В некоторых случаях женщины сумели добиться весьма заметных успехов. В качестве примера приведём Ангелу Меркель, которая стала первой женщиной, сумевшей занять пост канцлера Германии. Кстати, именно женщина в Германии возглавляет Министерство обороны (Урсулафондер Ляйен). Примечательно, что США – страна, в которой наблюдается крайне высокий рост женской эмансипации – в общем рейтинге, измеряющем долю женщин в политическом процессе своих стран, по ситуации на 1 декабря 2014 г., занимают всего 75-е место с весьма скромными показателями. В конгрессе только 84 из 435 мест занимают женщины, что составляет всего 19,3 %. Несколько лучше, хотя и ненамного, выглядит ситуация в Сенате, в котором женщины занимают 20 из 100 возможных мандатов (20,0 %) [11].

При этом продолжает неуклонно расти доля женщин, занятых в политике, в странах Азии, Африки, а также Центральной и Южной Америки. Так президентом Аргентины сегодня является женщина (Кристи́на Эли́забет Ферна́ндес де Ки́ршнер).

Однако особого внимания в этой связи заслуживает Элен Джосон-Серлиф – президент Либерии, которая стала не только первой женщиной, сумевшей занять пост главы государства в Африке, но ещё и в 2011 г. стала лауреатом нобелевской премии мира. Во многих африканских странах женщины сегодня возглавляют отдельные министерства и ведомства. Например, в Гане женщины занимают пост министра туризма (Джулиана Джоселин Азумах-Менсах) и министра образования (Наана Джеин Опоку-Агуеман).

Достаточно широкое представительство имеют африканские женщины и в представительных органах своих стран. Помимо Руанды, занимающей по этому показателю первое место в мировом рейтинге, общая доля женщин в парламенте Сейшельских островов – 43,8 %, Сенегала – 43,3 %, ЮАР – 41,5 %, Анголы – 36,8 %, Танзании – 36,0 %, Уганды – 35,0 %, Алжира – 31,6 %, Зимбабве – 31,5 %, Туниса – 31,3 %, Камеруна – 31,1 % и Бурунди – 30,5 % [11].

Однако из всех упомянутых нами в настоящем исследовании стран наиболее любопытным и показательным является опыт Руанды – страны, которая, несмотря на весьма трагичные события начала 1990-х гг. (геноцид 1994 г.), сегодня прочно удерживает мировое лидерство по общей доле женщин, занятых в политике.

Как ни странно, именно трагические события 1994 г., в ходе которых по разным оценкам погибло около 1 млн мужчин, послужили причиной того, что женщины прочно утвердились в высших эшелонах власти этой страны. В результате геноцида мужское население Руанды резко сократилось и женщины просто вынуждены были заменить на многих ключевых должностях мужчин.

Тем не менее ещё в 2003 г. общая доля женщин в национальном парламенте не превышала и 15 %. Однако 30–31 июля 2003 г. в Руанде, в Кигали при поддержке Межпарламентского союза и Программы ООН по торговле и развитию совместно с Национальной Ассамблеей Руанды и Форумом руандийских женщин-парламентариев (Forum of Rwandan Women Parliamentarians) был организован семинар «Женщины Руанды и избирательный процесс». Этот семинар имел колоссальный успех, поскольку в нём приняли участие женщины из различных частей страны, представители разных профессий, имеющих одно желание – принимать более активное участие в политическом процессе в своей стране. Участники семинара обсуждали широкий спектр вопросов, включая конституционные гарантии прав женщин быть избранными, избирательное право, избирательный процесс в целом, финансирование избирательной кампании, рекламу в масс-медиа и то, насколько женщинам удаётся отвечать ожиданиям своих избирателей. Сам семинар состоялся накануне парламентских и президентских выборов, в которых женщины приняли самое активное участие [9, p. 5].

Таким образом, можно сказать, что одним из прямых следствий указанного семинара стал рост самосознания и гражданской активности женщин Руанды, который привёл к вполне закономерным результатам. Сегодня, согласно официальным данным, более половины депутатского корпуса Нижней палаты парламента Руанды – женщины (63,8 %). Женщины также широко представлены в Сенате (их доля составляет 38,5 %). 42 % корпуса местных органов власти также составляют женщины. Женщин в Руанде нередко можно встретить и в качестве полицейских (в Руанде 30 % полицейских – женщины). Но самое широкое представительство имеют женщины в некоммерческих организациях (НКО). В Руанде 90 % руководителей таких организаций – женщины. Принимая во внимание ту важную роль, которую играют НКО в развитии экономики страны и повышения уровня жизни, можно сделать вывод о том, что в руках женщин сосредоточена реальная власть в Руанде, несмотря на то, что президентом страны является мужчина[1].

Также весьма показателен, с нашей точки зрения, пример другого развивающегося государства – Тринидад и Тобаго. В 2010 г. впервые в истории этой страны пост премьер-министра заняла женщина – Камла Персад-Биссесар, которая провозгласила борьбу за гендерное равенство на национальном и международном уровне одним из основных приоритетов государства. Во многом именно в этих целях в стране было учреждено специальное Министерство гендерного, молодёжного и детского развития (Ministry of Gender, Youthand Child Development), которое занимается разработкой национальной повестки дня, направленной на преодоление гендерного неравенства, и охрану прав ребёнка. Кроме того, г-жа премьер-министр учредила новую государственную награду – Медаль за развитие женщин (Medalfor the Development of Women). Последней своей инициативой Персад-Биссесар дала понять, что решение проблемы гендерного неравенства она видит, прежде всего, через резкое повышение образовательного уровня среди женщин, который, по её мнению, всё ещё оставляет желать лучшего.

Опираясь на свой личный опыт, г-жа премьер-министр приводит такой пример. Когда ей было 16 лет, она очень хотела получить хорошее образование и уехать учиться в Лондон. Однако её дядя был категорически против. Объяснял он свою позицию тем, что Камла – девочка и ей прежде всего следует выйти замуж, родить и воспитывать детей [12, p. III].

К сожалению, подобный аргумент нередко звучит из уст руководителей многих органов государственной власти, которые во многом именно по этой причине не хотят видеть у себя в подчинении молодых женщин, даже если последние обладают целым набором конкурентных преимуществ по отношению к сотрудникам-мужчинам.

Но Камла Персад-Биссесар не послушалась своего родственника, уехала учиться в Лондон, получила хорошее образование и сумела занять высший пост в государстве. Теперь г-жа премьер-министр убеждена, что если женщина получит хорошее образование, перед ней неизбежно откроется множество возможностей.

Таким образом, премьер-министра Тринидад и Тобаго можно отнести к активным сторонникам идеи нового международного

[1] НКО, в частности, реализует важную для страны, пережившей геноцид, программу «Чистая вода», направленную на предоставление чистой обеззараженной воды населению. Также НКО способствует реализации программы всеобщего начального образования, в ходе реализации которой 97 % девочек и 95 % мальчиков имеют возможность посещать начальную школу. Для сравнения, в 2005 г. такую возможность имели 87 % девочек и 84 % мальчиков. Однако и здесь следует отметить, что общий образовательный уровень в Руанде у девочек несколько выше, чем у мальчиков (на 2–3 %), что может служить ещё одним объяснением, почему женщины в Руанде нередко делают более успешную политическую карьеру, чем мужчины.

гендерного порядка, который должен представлять собой ситуацию, когда женщины составляют половину законодательной ветви власти, половину штата государственных служащих, половину гражданских и общественных лидеров и половину тех, кто принимает решения во всех сферах общественной жизни.

Заключение

Несмотря на то, что реализация международных программ в области гендерной политики продолжает наталкиваться на серьёзные трудности, мы видим, что женщины всё активнее включаются в общественную жизнь. В 1990-е гг. по числу женщин в парламентах однозначно лидировали Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия и Нидерланды. Но к этому времени уже заявил о себе феномен «третьего мира», который в определённой степени опровергает прогноз Ф.Фукуямы о том, что этот «маскулинный» регион будут возглавлять исключительно молодые энергичные мужчины. Индия, Пакистан, Филиппины, Аргентина, Боливия, Гаити, Гайяна, Никарагуа, Панама, Эквадор уже в 1990-е гг. продемонстрировали ярчайшие примеры женского «вхождения во власть». В последние десятилетия этот перечень значительно расширился, в частности за счёт стран Африки. Следует отметить, что те успехи, которые удалось достичь женщинам Руанды и некоторых других развивающихся стран, оказываются недостижимыми для представителей западной цивилизации, несмотря на явную активизацию феминистских движений в странах Запада в последнее время.

Однако пока трудно сказать, насколько устойчивой является эта тенденция. В ближайшем будущем вряд ли следует ожидать существенных перемен в рассматриваемой сфере. По нашим оценкам, новый международный гендерный порядок является одной из форм социальной утопии, которая вряд ли реализуема в обозримой перспективе.

Список литературы

1. Коннел Р. У. Структура гендерных отношений [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2012. № 83 (3). Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/2278 (дата обращения: 16.03.2015).

2. Милованова Л. Международное и отечественное женское движение [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://a-z.ru/women/texts/br11-e.htm (дата обращения: 16.03.2015).

3. Тартаковская И. Становление современной российской гендерной системы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://genderpage.ru/?p=744 (дата обращения: 14.03.2015).

4. Barsh J., Cranston S., Craske R. A.Centered leadership: How talented women thrive [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mckinsey.com/insights/leading_in_the_21st_century/centered_leadership_how_talented_women_thrive (дата обращения: 17.03.2015).

5. Connell R. W. Understanding Men: Gender Sociology and the New International Research on Masculinities [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.europrofem.org/contri/2_04_en/research-on-masculinities.pdf (дата обращения: 17.03.2015).

6. Male roles, masculinities and violence: a culture of peace perspective / Ed. by I. Breines, R. Connel, I. Eide. Paris: UNESCO: Presses Universitaires de France, 2000. 269 p.

7. O'Brien G. Women and Leadership: Roadmaps for the Journey [Электронный ресурс] // The Magazine of Corporate Responsibility.2011.May 2. Режим доступа: http://business-ethics.com/2011/05/02/6937-women-and-leadership-roadmaps-for-the-journey (дата обращения: 17.03.2015).

References

1. Konnel R. U. Struktura gendernykh otnoshenii [Elektronnyi resurs] // Neprikosnovennyi zapas. 2012. № 83 (3). Rezhim dostupa: http://www.nlobooks.ru/node/2278 (data obrashcheniya: 16.03.2015).

2. Milovanova L. Mezhdunarodnoe i otechestvennoe zhenskoe dvizhenie [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://a-z.ru/women/texts/br11-e.htm (data obrashcheniya: 16.03.2015).

3. Tartakovskaya I. Stanovlenie sovremennoi rossiiskoi gendernoi sistemy [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://genderpage.ru/?p=744 (data obrashcheniya: 14.03.2015).

4. Barsh J., Cranston S., Craske R. A.Centered leadership: How talented women thrive [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mckinsey.com/insights/leading_in_the_21st_century/centered_leadership_how_talented_women_thrive (data obrashcheniya: 17.03.2015).

5. Connell R. W. Understanding Men: Gender Sociology and the New International Research on Masculinities [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.europrofem.org/contri/2_04_en/research-on-masculinities.pdf (data obrashcheniya: 17.03.2015).

6. Male roles, masculinities and violence: a culture of peace perspective / Ed. by I. Breines, R. Connel, I. Eide. Paris: UNESCO: Presses Universitaires de France, 2000. 269 p.

7. O'Brien G. Women and Leadership: Roadmaps for the Journey [Elektronnyi resurs] // The Magazine of Cor-porate Responsibility.2011.May 2. Rezhim dostupa: http://business-ethics.com/2011/05/02/6937-women-and-leadership-roadmaps-for-the-journey (data obrashcheniya: 17.03.2015).

8. Plan of Action to Correct Present Imbalances in the Participation of Men and Women in Political Life [электронный ресурс]. Paris, 1994. Режим доступа: http://www.ipu.org/wmn-e/planactn.htm (дата обращения: 16.03.2015).

9. Rwandan Women and the Electoral Campaign [Электронный ресурс]. Kigali, 2003.103 p. Режим доступа: http://www.ipu.org (дата обращения: 18.03.2015).

10. True J. Feminism//Theories of International Relations / Ed. by S. Burchill. N. Y.: PalgraveMacmillan, 2005. P. 213–234.

11. Women in National Parliaments: World Classification // International Parliamentary Union: [сайт]. Режим доступа: http://www.ipu.org/wmn-e/arc/classif011214.htm (дата обращения: 15.03.2015).

12. Women and Leadership in Open and Distance Learning and Development / Ed. by A. Kanwar, F. Ferreira, C. Latchem. Vancouver: Commonwealth of Learning, 2013. xx p., 176 p.

8. Plan of Action to Correct Present Imbalances in the Participation of Men and Women in Political Life [elektronnyi resurs]. Paris, 1994. Rezhim dostupa: http://www.ipu.org/wmn-e/planactn.htm (data obrashcheniya: 16.03.2015).

9. Rwandan Women and the Electoral Campaign [Elektronnyi resurs]. Kigali, 2003.103 p. Rezhim dostupa: http://www.ipu.org (data obrashcheniya: 18.03.2015).

10. True J. Feminism//Theories of International Relations / Ed. by S. Burchill. N. Y.: PalgraveMacmillan, 2005. P. 213–234.

11. Women in National Parliaments: World Classification // International Parliamentary Union: [sait]. Rezhim dostupa: http://www.ipu.org/wmn-e/arc/classif011214.htm (data obrashcheniya: 15.03.2015).

12. Women and Leadership in Open and Distance Learning and Development / Ed. by A. Kanwar, F. Ferreira, C. Latchem. Vancouver: Commonwealth of Learning, 2013. xx p., 176 p.

Статья поступила в редакцию 13.04.2015

УДК 32.019.5
ББК 66.2

Сергей Николаевич Ильченко,
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199004, Россия, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, 26),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Фейк как политический формат в современной медиасреде

В статье рассматривается явление фейков в практике современных медиа. Автор предлагает рассматривать фейк как проявление политического дискурса, которое обладает конкретными признаками формата. Анализируемую тенденцию в информационной сфере, по мнению автора, следует считать наглядным проявлением шоу-цивилизации.

Обращаясь к историческому опыту функционирования глобальных политических мистификаций в деятельности зарубежных СМИ, автор приходит к выводу о наличии в их практике своеобразных манипулятивных приёмов, которые можно считать протоформами. Именно они сегодня трансформировались в такой вид интерпретации информации как фейк.

В немалой степени процессу их укоренения в функционировании традиционных медиа способствует как чрезмерная политизация повестки дня, так и стремительное, лавинообразное развитие сети Интернет. Последняя, как правило, и является питательной средой для внедрения фейков в сегодняшнюю медиасреду. Интенсификация процесса использования фейков в значительной степени провоцируется содержанием того информационного противостояния, которое наметилось в мировом информационном сообществе в связи с событиями на Украине последних полутора лет.

Анализ выявленной тенденции в современной медиасреде автор проводит на конкретных примерах из опыта СМИ последнего времени.

Ключевые слова: фейк, факт, формат, медиа, политический дискурс, интернет.

Sergey Nikolaevich Il'chenko,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(26 1 line V. O. St. Petersburg, Russia, 199004),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Fake as a Political Format in Modern Media Environment

The article deals with the phenomenon of fakes in contemporary media practice. The author proposes to consider fake as a manifestation of political discourse, which has specific signs format. The analyzed trend in the information sector, according to the author, should be considered as a clear manifestation of the show of civilization.

Turning to the historical experience of the functioning of the global political hoaxes in the activities of foreign media, the author comes to the conclusion about the presence of some manipulative methods that can be considered protoforms in their practice. Today, they have been transformed into such type of interpretation of information as a fake.

Largely, the process of rooting in the functioning of traditional media is promoted by both excessive politicization of the agenda and rapid development of the Internet. The latter, as a rule, is a breeding ground for the introduction of fakes in today's media environment. Intensification of the process of using fakes is largely provoked by the contents of information confrontation, which has been observed in the global information society in connection with the events in Ukraine during the last year and a half.

Analyzing the identified trends in modern media environment, the author gives concrete examples from the experience of the current media.

***Keywords*:** fake, fact, format, media, political discourse, the Internet.

Всего несколько лет назад в политическом дискурсе отечественной медиасистемы нельзя было встретить термин «фейк», который относился скорее к профессиональной слэнговой терминологии тех, кто являлся участником различных сетевых сообществ. Драматическая динамика трансформации информационных отношений, которые характеризовали начало XXI в., привела к повсеместному проникновению и утверждению в практике работы журналистов принципов шоу-цивилизации. Её, как известно, характеризует доминирующее значение видеоинформации во всём потоке сведений, фактов, цифр. При этом сегодня уже очевидно, что чаще всего эти визуальные «свидетельства» носят либо заранее сконструированный характер, либо для их создания используются отнюдь не аутентичные источники выпускаемых в публичное информационное пространство экранных и дисплейных иллюстраций [6].

© Ильченко С. Н., 2015

Именно тогда и возникла необходимость в научно обоснованном термине, который бы своим определением покрывал всю ту область мистифицирующего и мистифицируемого видео- и фотоиллюстраций, которые активно используются СМИ всех видов и типов для доказательства правоты собственной точки зрения в развернувшихся политических дискуссиях, спорах и полемиках. Термин «фейк» оказался как раз под рукой и был институализирован уже не как пограничное определение с некоторой степенью неопределённости терминологического словоупотребления, но как вполне адекватное понятие в практике сегодняшних медиа. Стоит обратить внимание и на то, что чаще всего данное понятие возникает не в связи с таблоидно-бульварным сегментом медийного дискурса, а скорее в его политической части. Можно даже утверждать, что именно в условиях обострившегося информационного противостояния с участием нескольких международных субъектов политической деятельности на уровне государств (Россия, США, Украина, страны Евросоюза), «фейковая журналистика» почти официально легализована в медиадеятельности.

Подобные процессы находят своё отражение и на уровне языка межличностных коммуникаций. Лингвисты не раз уже обращали внимание на то, что и молодое поколение, и люди более старшего возраста очень часто, желая придать иронично-комментирующий оттенок выражению собственных мыслей, оценке какого-либо явления, в том числе и политического, сопровождают подобные высказывания частицами «как бы» и «якобы». Например, «как бы президент Украины Петр Порошенко», «якобы независимые СМИ незалежной», «якобы в Донбассе нет российской армии» и так далее. Примеры из вербального потока медиа разных стран и народов можно множить до бесконечности. Эссеист Денис Драгунский, на наш взгляд, дал точную оценку подобному филологическому феномену: «О, это “якобы” и “как бы”! Любимые словечки эпохи, спутники главного слова нашего времени, а слово это – “фейк”» [5, с. 9].

В своё время Ю. В. Клюев в монографии «Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия» [7] убедительно показал, что характер высказываний со стороны СМИ в действующей системе медийных координат определяется многими факторами влияния. Но прежде всего тем, что у субъектов данного процесса (каковыми являются как сами СМИ, так и работающие на них журналисты) может наличествовать определённая позиция по тому или иному вопросу публичной политической повестки дня. Именно её, как показал опыт освещения событий вокруг украинского кризиса в обозримый нами период (ноябрь 2013 – лето 2015 г.), и защищали, и будут защищать данные субъекты всеми правдами и неправдами. И фейк, как конкретный формат работы с информацией и её источниками, таким образом, становится из чисто развлекательной, постмодернистской забавы или игры поклонников сети Интернет неожиданным и эффективным инструментом политической борьбы.

Многие эксперты и медиаисследователи, а также политологи уже обратили внимание на то, что в украинском информационном дискурсе помимо доминанты политической тематики наличествует и явная приоритетность использования сетевых источников видеоинформации. А те, в свою очередь, привлекают в качестве технологической помощи все имеющиеся разработки, связанные с миром IT. Трудно не согласиться с тем же Д. Драгунским, справедливо заметившим: «Цифровая революция сделала весьма проблематичным доказательство любого факта. Это связано как с особенностям цифрового монтажа, так и с практической необозримостью ресурсов. На каждый пруфлинк можно дать сто контрпруфлинков, и так далее. Это открывает дотоле невиданные возможности как для злостных фальсификаций, так и для постмодернистских игр, причём разница между первым и вторым не всегда очевидна. И далее – поскольку не ясна разница между бескорыстной игрой и намеренной фальсификацией, то точно также помаленьку стирается различие между фейком и фактом как таковыми» [5, с. 9].

Примеров подобных «фейков», использовавшихся в освещении тех или иных политических аспектов украинских событий за прошедшее с их начала время, мировая аудитория могла увидеть немало: от «картинки» якобы русских танков на Украине, заимствованной из популярной компьютерной игры, до мифологического фейка о якобы «распятом украинскими националистами» мальчике в захваченном им населённом пункте. Подобные приёмы явно фейкового происхождения стремительно обретают политический вес, ибо они используются чаще всего в провокативных целях с явным желанием политически обострить ситуацию вокруг Украины на том или ином этапе развитие конфликта.

Заметим, что протоформой современного фейка являлись соответствующим образом

устроенные мистификации, которые активно инициировались многими странами Запада, и прежде всего США, с целью оказания психологического давления с политическим подтекстом на Советский Союз, его союзников по социалистическому лагерю. К сожалению, в распоряжении экспертов и специалистов на сегодняшний момент нет прямых доказательств в умышленной организации подобных мистификаций со стороны США, но значительное количество косвенных улик и свидетельств позволяет утверждать по крайней мере о двух подобных инфомистификациях по отношению к Советскому Союзу и всему остальному миру. Первая из них относится к так называемой теории «лунного заговора», которая строится на тезисе о том, что американцы никогда не высаживались на Луну, а все «картинки», свидетельствующие якобы об этом факте, были отсняты и смонтированы заранее, на Земле. Вторая мистификация была затеяна напрямую высшим руководством США в начале 1980-х гг. и проходила под названием «осуществление стратегической оборонной инициативы», окрещённой для более эффективного воздействия на мировое общественное мнение «программой звездных войн».

В обоих случаях мы можем наблюдать использование тех приёмов, которые много позже будут определять как фейки – от имитации якобы подлинного изображения до распространения лжекартинок и лжесведений, призванных убедить руководство СССР в том, что Америка начинает новый виток гонки вооружений. Как известно, если это было действительно задумано и осуществлено как грандиозные фейки в мировом масштабе, подобный манипулятивный приём (точнее, их сумма) дал политический результат. При этом стоит заметить, что подобная фейковая политика в сфере информации проводилась и далее. Ещё одним фейком можно назвать ту склянку якобы с отравляющим веществом, которую демонстрировал на заседании Совета Безопасности ООН 5 февраля 2003 г. госсекретарь США Колин Пауэлл. По его словам, именно в этой склянке (а это зафиксировали все телекамеры) и содержались доказательства наличия у Ирака химического оружия массового уничтожения. Результатом использования такого визуального политического фейка стало решение о вторжении США и войск коалиции в Ирак в марте 2003 г.

Впрочем, массовое сознание в западном мире само по себе наполнено такими убедительными фейками, что порою кажется нет нужды создавать новые. В некотором смысле их конструированием отчасти занимается и такая мощная «фабрика грёз», как Голливуд. Однако даже в этой святая святых американской массовой культуры всё-таки находятся творческие личности, которые вскрывают механизмы создания подобных фейков мирового масштаба. Достаточно вспомнить острогротесковую картину режиссера Барри Левинсона «Хвост виляет собакой (Плутовство)», выпущенную в 1997 г., незадолго до скандала Клинтон-Левински и начала бомбёжек НАТО Югославии. Однако именно в этом фильме были предсказаны все те приёмы, которые позже в реальности использовали и политики, и сопровождающие их деятельность медиа. В фильме Левинсона, чтобы отвлечь внимание американской аудитории от сексуального скандала, в котором оказался замешан не названный президент США, специально нанятые из мира шоу-бизнеса специалисты устраивают… виртуальную войну с Албанией. Поводом для раскручивания этого информационного тренда становится снятая в павильонах одной из телестудий история о якобы документальных кадрах спасающейся беженки, бегущей из якобы захваченной албанскими террористами деревни. Однако стоит заметить одно существенное обстоятельство, хотя бы и относящееся к сфере художественного вымысла в фильме «Хвост виляет собакой» (название куда как символично!). Явный инфофейк послужил доказательством для принятия ПОЛИТИЧЕСКОГО решения. Другое дело, что «война с Албанией» так же была грандиозной мистификацией. Формат фейка сработал и дал конкретные результаты, которые в фильме восприняло подавляющее большинство американского общества.

Вряд ли зрители премьеры этой ленты в 1997 г. могли предположить, что вымысел режиссера обернётся фейковой реальностью нынешней медиасреды. Стоит учитывать и ту существенную разницу, которая отличает информационное пространство конца прошлого столетия, от нынешнего, функционирующего в условиях доминирования принципов шоу-цивилизации. Наличие широкого доступа к сетевым ресурсам в современных условиях существенно изменило парадигму достоверности, получаемой из виртуального пространства Сети информации. Удивительно, но факт. Большинство журналистов практически игнорирует возможность фальсификации или мистификации получаемых сведений и «наглядных» видеосвидетельств, тем самым открывая ворота медиапростран-

ства для проникновения фейков разного вида и смысла.

Самый свежий пример связан с возможной инсценировкой тех видеоказней, которые организовали боевики ИГИЛ над захваченными пленными и заложниками. Как известно, запечатлённые на видео кадры жестоких расправ распространялись исключительно через сеть Интернет. А уже потом воспроизводились в эфире крупнейших и авторитетных телекомпаний, а также выкладывались на сайты информагентств, что не могло не привести к волне возмущения среди мировой общественности и к требованиям более решительных действий в отношений самопровозглашённого исламского государства.

Показательно, что факт возможного подлога был также обнаружен с помощью соответствующего ролика в той же сети. И вновь приходится констатировать, что именно подобная, непроверенная на аутентичность видеоинформация скорее является иллюстрацией в формате фейка, главной структурообразующей характеристикой которого является намеренное введение аудитории данного фейка в заблуждение. Кстати, как показал недавний международный политический опыт, те, кто размещал подобные ролики, выдвинутой цели достигли: против ИГИЛ действительно начались хотя бы какие-то военные действия. Однако по-прежнему остаётся открытым вопросом об авторстве и месте создания подобных кровавых «видеофейков».

Цель использования такого формата может быть любая. Но в условиях нынешнего информационного противостояния различных субъектов медиапространства чаще всего она оказывается политической. Что же касается смысла использования фейков в той или иной политической ситуации, то определённым научным и экспертным противодействием им может быть поиск ответа на вопрос о том, кому это выгодно. Кроме того, в целях предотвращения «фейковизации» современного медиапространства необходима выработка теоретических и практических инструментов борьбы с таким форматом. А это в свою очередь выдвигает на научно-методическую повестку дня вопрос о принципах определения достоверности получаемых журналистами и СМИ сведений.

Список литературы

1. Больц Норберт. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
2. Вирен Г. Современные медиа: приёмы информационных войн: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. 126 с.
3. Волкова И. И. Homoludens эпохи экранных коммуникаций: монография. М.: РУДН, 2014. 272 с.
4. Гидденс Энтони. Последствия современности / пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011. 352 с.
5. Драгунский Д. В. Отнимать и подглядывать: [эссе]. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2014. 378 с.
6. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 198 с.
7. Клюев Ю. В. Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2010. 263 с.
8. Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания / пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: Центрополиграф, 2013. 445 с.
9. Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона Сети / пер. с англ. И. Кригера. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 528 с.
10. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
11. Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов н/Д.: Наррадигма, 2006. 400 с.

References

1. Bol'ts Norbert. Azbuka media. M.: Evropa, 2011. 136 s.
2. Viren G. Sovremennye media: priemy informatsionnykh voin: ucheb. posobie dlya stud. vuzov. M.: Aspekt Press, 2013. 126 s.
3. Volkova I. I. Homoludens epokhi ekrannykh kommunikatsii: monografiya. M.: RUDN, 2014. 272 s.
4. Giddens Entoni. Posledstviya sovremennosti / per. s angl. G. K. Ol'khovikova; D. A. Kibal'chicha. M.: Praksis, 2011. 352 s.
5. Dragunskii D. V. Otnimat' i podglyadyvat': [esse]. M.: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2014. 378 s.
6. Il'chenko S. N. Shou-tsivilizatsiya: konets real'nosti? SPb.: IVESEP, 2014. 198 s.
7. Klyuev Yu. V. Politicheskii diskurs v massovoi kommunikatsii: analiz publichnogo politicheskogo vzaimodeistviya. SPb.: Izd-vo S-Peterb. un-ta, 2010. 263 s.
8. Lainbardzher P. Psikhologicheskaya voina. Teoriya i praktika obrabotki massovogo soznaniya / per. s angl. E. V. Lamanovoi. M.: Tsentropoligraf, 2013. 445 s.
9. Morozov E. Internet kak illyuziya. Obratnaya storona Seti / per. s angl. I. Krigera. M.: ACT: CORPUS, 2014. 528 c.
10. Odainik V. Psikhologiya politiki: Politicheskie i sotsial'nye idei Karla Gustava Yunga. SPb.: Azbuka-klassika, 2010. 256 s.
11. Shkuratov V. A. Iskusstvo ekonomnoi smerti. Sotvorenie videomira. Rostov n/D.: Narradigma, 2006. 400 s.

Статья поступила в редакцию 11.07.2015

УДК 070
ББК Ч612.18.3

Галина Сергеевна Мельник,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Борис Яковлевич Мисонжников,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9),
e-mail: boris.misonzhnikov@gmail.com

Политический текст в условиях коммуникативной трансгрессии

Принципы постмодернизма во многом изменили систему ценностей. Произошло трансформирование глубинной сущности сознания человека, который погружён в семиотическое пространство и выступает в качестве самого активного субъекта творения мира знаков и потребления знаковых комплексов. Постнеклассический рационализм, несмотря на свой потенциал, не дал возможности выйти из круга постмодернизма, и трансгрессия цепко удерживает в нём субъекта социального действия. Вследствие этого происходит процесс модификации и политического текста как важнейшей составляющей общего политического дискурса.

Утверждается «трансгрессия безразличия», которая преобразуется в «неведение закона», что влечёт за собой искажение политико-социальных и гуманитарных императивов, запреты начинают восприниматься условно, реальность деформируется, и мифы трактуются как объективные и подлинные в субстанциональном плане феномены. В итоге подрываются основы адекватного мировосприятия, искажаются культуроментальные основы построения эффективной в дискурсивном плане методологической познавательной структуры, что может иметь серьёзные негативные последствия для медиумической функции текста как сложного поликодового явления, особенно для политического текста, что объясняет многие анормальные явления, в том числе и религиозно-политического экстремизма, которые можно наблюдать в современном медийном дискурсе.

Ключевые слова: массмедиа, постнеклассический рационализм, трансгрессия, власть, сепаратизм, религия.

Galina Sergeevna Mel'nik,
Doctor of Political Science, Professor,
Saint Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Boris Yakovlevich Misonzhnikov,
Doctor of Philology, Professor,
Saint Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail:boris.misonzhnikov@gmail.com

Political Text in Terms of Communicative Transgression

The principles of postmodernism have largely changed the system of values. There has been a profound transformation of the nature of human consciousness, which is immersed in a semiotic space and serves as an active subject of the creation of the world consumption of signs and sign systems. Postnonclassical rationalism, despite its potential, has not given the possibility to get out of the circle of postmodernism, and transgression tenaciously holds subject of social action in it. As a result, there is as well a process of modifying the political text as an essential component of the overall political discourse.

"Transgression of indifference" which is transformed into "ignorance of the law" is alleged, which entails a distortion of the political-social and humanitarian imperatives, bans are perceived conditionally, reality deforms and myths are treated as objective and authentic in terms of palpable phenomena. As a result, adequate perception of the world is undermined, cultural and mental bases for building efficient methodological cognitive structure in discursive terms are distorted, which could have serious negative consequences for mediumistic function of the text as a complex multicode phenomenon, especially for a political text that explains many abnormal phenomena including religious-political extremism, which can be observed in today's media discourse.

Keywords: mass media, postnonclassical rationalism, transgression, power, separatism and religion.

© Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я., 2015

В последние десятилетия в глобальном духовном континууме утвердились принципы постмодернизма, которые во многом изменили систему ценностей. Это связано прежде всего с тем, что произошло изменение глубинной сущности сознания человека, который погружён в семиотическое пространство и выступает в качестве самого активного субъекта творения мира знаков и потребления знаковых комплексов. Налицо смещение семантики многих важнейших семиотических кодов на уровне не только обыденной медийной практики, но и продуцирования и потребления медийного дискурса, наиболее политизированной и социализированной текстовой модели. Подобная тенденция, имеющая первостепенное онтологическое значение и соотносимая со многими императивами эмпиризма, располагающего весьма ограниченным познавательным ресурсом, имела определённо негативные гуманитарные последствия. В связи с этим приведём мнение социолога: «Несмотря на то, что постмодернизм как интеллектуальное направление стал разрабатываться достаточно давно, на уровне массового сознания ситуация постмодерна стала остро чувствоваться только сегодня. Психологически постмодерн создал на уровне обыденного массового сознания кризисную ситуацию. Характерными чертами этой ситуации являются утрата критериев правильности и неправильности, размытость собственного „Я“, человек не знает, кто он, всё стало относительно, в том числе добро и зло, ценность человеческой жизни, нравственные ориентиры» [5, с. 24].

Некоторые положительные и привлекательные черты постмодернизма давно уже трансформировались и превратились, по сути, в свою противоположность. Эмпиризм – Ж. Делёз на его основе создаёт трансцендентальный эмпиризм как «самообозначение» собственной философской концепции – демонстрирует свою ограниченность как инструмент когнитивной практики с превалирующей опытной формой идентификации реальности. Взятый постмодернизмом на вооружение антирационализм сдерживает гармоничное развитие социума, и не случайно антирационализм интерпретируется в близком коррелировании с категорией антифункционализма. Вырождающийся постмодернизм, как указывается выше, дезориентирует человека в сложном и порой враждебном мире, препятствует нахождению им адекватных решений. Более того, может детерминировать предпосылки для возникновения и распространения экстремизма как наиболее опасной формы социальной сферы. В стремительно меняющемся и усложняющемся мире востребованы более совершенные и эффективные идентификационные инструменты. Поскольку решающее значение обретает «тип системной организации осваиваемых объектов», востребованным оказывается постнеклассический тип рациональности, который обеспечивает освоение «сложных, саморазвивающихся систем» [6, с. 2]. Но постнеклассический рационализм, несмотря на свой достаточно высокий когнитивный потенциал, который, вероятно, значительно актуализируется в будущем, в настоящее время всё же даёт сбой в познавательной практике и недостаточно верифицируем. Нельзя не признать справедливости следующего высказывания: «Постнеклассическая наука отказывается даже от самой возможности построения единой и системной концептуальной модели мира (принцип „*постметафизического мышления*“), активно осваивает идею *хаоса*, меняет статическое представление о структуре предмета динамическим представлением об *игре структуры*. Отказываясь от представления о внешней каузальности, она преобразует детерминизм в *неодетерминизм*. Для постнеклассики характерно „*переоткрытие времени*“, которое мыслится как качественное и необратимое. Познание становится чувствительным к опыту *трансгрессии*, т. е. выхода за пределы, преодоления границы между возможным и невозможным» [3, с. 5].

Таким образом, пока не удаётся осуществить выхода из постмодернистского круга, трансгрессия цепко удерживает в нём субъекта социального действия, распространяясь практически на все сферы современной онтологии, и «границы между возможным и невозможным» остаются на удивление непрочными. Исходя из этого положения, Ж. Батай и рассуждал: «Норма вообще не является всегда действенной: где-либо она может не соблюдаться; некий, не застигнутый тревогой, индивид безразличен, как животное. Такого рода трансгрессия безразличия, которая, скорее чем собственно трансгрессия, есть неведение закона, конечно же, должна была быть общей во все времена, где запреты начинают восприниматься, не навязываясь всегда достаточно явственно» [1, с. 5]. Данная сентенция подрывает основы адекватного мировосприятия, деформирует культуроментальную базу для построения эффективной в дискурсивном плане методологической познавательной структуры. Это может иметь

серьёзные негативные последствия для медиумической функции текста как сложного поликодового явления, особенно для политического текста, что объясняет многие странные явления, в том числе и религиозно-политического экстремизма, которые можно наблюдать в современном медийном дискурсе.

Так, в сетевой газете «Собор» появляется текст за подписью протоиерея, со всей полнотой демонстрирующий позицию автора, которая строится на ненависти, доходящей до крайнего выражения, по отношению к большинству окружающих его людей, о которых он высказывается со всей откровенностью и определённостью: «Кругом какие-то подлые мыши, одержимые искариотским духом». При этом автор пренебрегает святоотеческими наставлениями и забывает одну из главных заповедей Спасителя: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин. 13: 34). Автор исследуемого текста с особой враждебность и озлобленностью относится к Московской Патриархии, называя её «еретической церковной структурой». Выход из неё он определяет как «исход из ереси и нечестия». Циничным представляется высказывание о том, что автор и его сторонники «отложились от еретиков» и «вернули их антиминс», то есть символ особой святости в православии с частицей мощей какого-либо православного мученика. В то же время протоиерей с удовлетворением заявляет о том, что его община «была принята под омофор канонического православного епископа Русской Церкви Заграницей (РПЗЦ)», которая, как известно, является самоуправляемой частью Русской православной церкви. Автор текста допускает публичные оскорбления конкретных людей, указывая их имена: епископа Тихвинского он называет «подлым талмудистом Мстиславом», руководителя администрации района – «негодяем» и т. д. В Кремле, по убеждению протоиерея, «пляшут жиды» (слово «жид» – бранное и крайне оскорбительное название еврея), храмы Московской патриархии – это «обычные доходные места для козлищ». В данном случае трансгрессия жёстко проявляется как «преодоление непреодолимого»: автор утрачивает способность реально оценивать ситуацию, и, прикрываясь христианской моралью, творит оскорбительные для церкви духовные преступления.

Трансгрессия может проявляться и в политическом иконическом тексте, меняя семантику тех или иных семиотических символических комплексов. Так, каждый знак наделён конкретной и весьма точной функциональностью, и, будучи артефактом, т. е. продуктом человеческого сознания и физического труда, создаётся всегда с определённой целью и для решения намеченной задачи. Субъекты применения знакового комплекса руководствуются чётко идентифицируемым мотивом и осознают, что знак не просто что-либо символизирует. Он никогда не служит лишь репрезентантом чего-либо, но обязательно воздействует на сознание аудитории, формирует её установки и побуждает к действию. Знак выступает предметом и средством физического действия.

Обратим внимание на такой важный элемент символического иконического текста, как крест. Он наделён особенно высоким религиозно-политическим значением. Исследователи не всегда отождествляют крест с христианской идеологией и с христианскими гуманитарными ценностями, он выступал в прошлом как знак ещё в дохристианской культуре и был свойствен некоторым народам, совершенно далёким от христианства. Примечательно, что крест, даже выступающий в роли соответствующего христианского знака, обнаруживал в различные периоды и в различных ситуациях смещение семантики, что касалось и гуманитарных проявлений, так как крест существовал, отражая и дохристианские ценности. Это говорит о том, что даже соответственно объективно сложившейся ситуации крест как семиотический элемент может обнаруживать очень разные идеологические значения, включая наполнение их политической семантикой. Так, кельтский крест в соответствии с исторической традицией дополнялся такими сценами, как грехопадение человека. В настоящее время кельтский крест представляет эмблему «русского правого сектора»: слова, обозначающие данную организацию, расположены на фоне кельтского креста, который, согласно многим публикуемым в справочной литературе данным, является нацистским символом для обозначения превосходства белой расы: как символ расизма впервые был использован организацией Ку-клукс-клан в США, а затем и неонацистами во всём мире.

Кельтский крест – равнолучевой крест с кругом может иметь различные формы начертания, но в то же время он легко узнаваем. Его отличие от новгородского креста проявляется в том, что новгородский крест обычно имел удлинённый нижний луч (основание) и часто в его центральную часть включался право-

славный крест, имеющий кроме удлинённой горизонтальной перекладины ещё две. Относительные черты внешнего сходства и даже возможные общие структурные элементы не являются принципиальными: «русским правым сектором» используется именно кельтский крест, отличающийся от новгородского, как националистический символ. В любом случае он наделён соответствующей националистическим идеям семантикой, как та же свастика, используемая у многих народов как символ движения, жизни, света и благополучия, в нацистской Германии обрела зловещее значение. В последние десятилетия кельтский крест фактически запрещён к использованию многими организациями, в частности Международной федерацией футбола (ФИФА).

Трансгрессией может выступать любая сила, которая превосходит установленный предел. Так, сторонники радикального ислама на своих информационных платформах пытаются расширить территории своего влияния, прибегая к тактикам угроз в отношении «неверных»: *«Трясись же от страха о кяфир в мировом лице, трясись и знай, что братья в Исламе скоро настигнут тебя где бы ты ни был, освободят верующих из оков куфра, придадут утерянную славу Умме, возвратят честь утерянным её, установят Шариат на всей земле и покарают Бисми Лляхи всех тех, кто сеял нечисть и беззаконие на земле».*

Воины-борцы за Халифат представляются грозной силой, не оставляющей сомнения в том, что ислам будет повсеместным: «*Построение Халифата доступно лишь воинам, в крови которых не угасает огонь веры и стремления к победе; воинам, чётко видящим свою цель… Воины Аллаха не идут на компромиссы, когда дело касается их свободы и возможности утверждать и превозносить свою идею*». Данный пример религиозного экстаза представляет собой трансгрессивный выход субъекта за пределы обыденной психической «нормы».

Новыми трендами экстремистских текстов становятся дезинтеграция и сепаратизм. В попытках преодолеть предел возможного сторонники разрушения российской государственности продвигают системные идеи, допускающие нарушение территориальной целостности Российской Федерации и создание «вольных» «свободных» республик.

На специально созданном сайте «Независимые республики бывшей России» размещаются материалы, направленные на раскол государства и разрушение конституционных основ Российской Федерации. Ключевая идея сайта – «*Эта Московская Русь из давних времен была, есть и будет полным отрицанием всего европейского и ожесточённым врагом Европы».* Информация преподносится так, что читатель воспринимает существование республики «Московская Русь» как данность. Автор не просто допускает существование такой республики, но и возможность нахождения «МНР» в составе другого государства – Украины. За это проголосовал якобы 1411 человек. По данным опроса за ответ «*в статусе автономии в составе Украины или Российской Федерации»* проголосовало 63,4 %.

Рубрика в Сети «Ингерманландия: ламповый регионализм с берегов Невы» содержит уже более 3,5 тыс. записей участников контактной группы. Часть из них не сомневается в том, что получит шведский паспорт у себя дома: «*живу в Ингерманландии и жду, когда шведы начнут разносить по домам паспорта, как это делали питерские и московские паспортисты в Абхазии и Южной Осетии в конце 90 – начале 2000-х»*.

Каждая региональная страничка сайта содержит *совокупность характерных атрибутов* (обращение, приглашение, формулирование цели, исторические справки, обоснование интеграции или разъединения, перечисление входящих в состав «свободной республики территорий», карта новой территории и т. д.). Каждое сообщество пытается вербовать сторонников, напрямую использует обращения к посетителям. Так, на страничке официального сообщества «*Свободная Сибирская Республика»* читаем: «*Приглашаем в нашу группу сибирских патриотов, регионалистов, конфедералистов, областников, автономистов, краеведов и просто заинтересованных жизнью, историей и политикой людей».*

В информационном материале ***«**УРАЛ! ХРЕБЕТ! ДЕРЖАВА!**»*** определяются участники сообщества *«В этой группе собрались патриоты Большого Урала. Здесь практикующие краеведы, регионалисты, конфедералисты, автономисты, уральские республиканцы, областники»,* обозначаются политические цели сообщества*: «Мы выступаем за интеграцию регионов Большого Урала, разделённого между РФ и Казахстаном, и формирование здесь единого экономического, политического и культурного пространства – от Арктики до Каспия и Арала»*; указывается причина стремления к интеграции (*Граждане Большого Урала достойны жить*

лучше). Урал – сердце Евразии, её кузница и кладовая! За процветающий Большой Урал, уважение его граждан, свободу и Интеграцию».

Далее следует перечисление «регионов Большого Урала»: *Баренц-Кара (Ненецкий округ), Коми, Ямал (ЯМАО), Югра (ХМАО), Вятка (Кировская область), Парма (Коми-Пермяцкий округ), Удмуртия, Прикамье (Пермская область), Средний Урал (Свердловская область), Тюмень (Тюменская область), Башкирия (Башкортостан), Южный Урал (Челябинская область), Зауралье (Курганская область), Оренбург (Оренбургская область), Яик (Уральская область – ЗКО);* острова: Новая Земля, Земля Франца-Иосифа и другие.

В список попадают нынешние территории другого государства – Каспийя (Гурьевская-Атырауская область), Аралия (Актюбинская область), Тургайя (Кустанайская область), Ишим (СКО), Акмола (Акмолинская область), что подталкивает читателей к мысли о возможном существовании или возможном создании государства с присоединением чужих территорий. Авторы не сомневаются в возможности присоединения чужих территорий к «Большому Уралу».

Карта «Большого Урала» наглядно демонстрирует, в каких границах предполагается создание «Большого Урала», эти границы не совпадают с нынешними границами Российской Федерации, а выходят за её пределы. Странички сопровождаются ссылками на «*интересные материалы*», в которых анонсируется, в частности, логотип «*Уральский национализм СМИ*» (Уральская Республика / Ural Republic Новости, События, Люди).

Во всех материалах используется риторика в духе сепаратистских настроений: *«формирование здесь единого экономического, политического и культурного пространства – от Арктики до Каспия и Арала»,«Свободная Сибирская Республика»;* «*будущая свободная Ингрия»,* «*статус автономии в составе Украины», «будущее, прошлое и настоящее Невского региона»*; *«вольная Ингрия»,* «*Закрытая группа Свободная Карелия,Vapaa Karjala».*

Экстремистские тексты, размещаемые на сетевых платформах, несут в себе разрушительную энергию, направленную на разные объекты, их авторы сознательно используют стратегии преодоления социальных запретов, культурных традиций, моральных регулятивов; например, с особым неистовством глумятся над памятниками, культурными ценностями и святынями общества, в конце концов над исторической памятью народа. Абстрактное, казалось бы, понятие трансгрессии обретает очень конкретные черты: границы утрачиваются, становится возможным проникновение в любые семантические зоны, свободное использование любых смыслов. «В информационном пространстве появляется армия “клоунов”, задача которых – создать впечатление комичности в отношении традиционных для данного общества ритуалов. Символы национальной идеологии помещаются в такой смысловой контекст, который изменяет их эмоциональные коннотации с положительных на отрицательные» [2]. Оценка значимости символической составляющей политики находит своё отражение и в УК РФ, где статьи, связанные с оскорблением государственной символики, относятся к преступлениям против порядка государственного управления.

Иллюстрированный сайт Toleranceoffree специально создан для реализации цели сокрушения святынь и сакральных ценностей: фото, коллажи, карикатуры, представленные на сайте; «посягают» даже на естественное право человека на жизнь. Вполне допустимыми для создателей сайта оказываются изображения крематория с остатками не сгоревших человеческих костей, где на раскрытой дверце топки красуется эмблема Toleranceoffree с надписью «Эврейський солярій» (еврейский солярий). Кощунственные изображения вызывают аллюзии с газовыми печами концентрационных лагерей времен Второй мировой войны.

С помощью выразительных языковых и семиотических средств, игровой тональности и изображений подчёркивается неполноценность человека по признакам религиозной, национальной или расовой принадлежности. Стратегии противопоставления одной нации по отношению к другим используются для создания благоприятного имиджа какой-либо одной нации, бедствия одной нации объясняются действиями другой, публично одобряются экстремистские действия. Используемые авторами стратегии реализуются при помощи таких речевых жанров, как *угроза, запугивание, оскорбление, драматизация, «навешивание ярлыков», а также стратегия насмешки, риторического воздействия, – создание негативного имиджа не касается сферы национальных отношении* [4, с. 82–87].

На ряде сайтов тексты изобилуют цитатами, подтверждающими, по мнению авторов,

«вредоносную» роль евреев в историческом процессе. Нередки в них призывы, побуждающие к радикальным действиям: «*Все (кроме находящихся в государстве Израиль) жидовские синагоги-жилище демонов-центры по борьбе с прогрессивной мыслью, должны быть запрещены и уничтожены вместе с фундаментом, а места эти засыпаны толстым слоем соли».*

Трансгрессия в ряде текстов проявляется в воспроизводстве антигуманистических расовых идей, в выдвижении абсурдных критериев деления людей на «правильных» и «неправильных», «достойных» и «недостойных» существования. Авторы подобных текстов выдвигают и обосновывают идею необходимости культивировать первое и уничтожать второе. «*Лишь единственное его (народа) качество не поддаётся быстрому изменению – этническая, а для расово чистых народов, как русский – расовая чистота*».

Так, автор указанного текста, мотивируя необходимость сохранения «этнической чистоты», считает «*расовым предательством*» введение *чужих генотипов,* означающих выращивание в населении «пятой колонны».

При всей абсурдности идей, высказываемых сторонниками расовых теорий, сайт «Расовая доктрина НСИ» находит своих многочисленных почитателей. Цивилизация здесь рассматривается как результат активного участия белой расы в естественном отборе и противостояния «с инертной массой иных рас»: *«практически везде мы видим одну и ту же картину: творческое начало, привносимое Белыми, формировало основы того или иного очага цивилизации; впоследствии, даже при полной ассимиляции белых, созданные их гением социальные модели продолжали функционировать веками».*

В перечисленных случаях специфика трансгресии заключается в комбинаторике таких форм предельного опыта, которые не являются ни чувственными, ни мистическими, но способствуют «дифракции». Цель текстового пространства – заставить отклонить субъекта от привычной траектории движения к однозначности, нарушить линейность процесса[1].

Совокупность текстов на разных сетевых ресурсах представляет собой попытку радикальной трансформации индивидуального сознания «и выведения из строя системы субординации жизненных функций организма». Авторы текстов эксплуатируют концепты «экстаза», «безумия», «оргазма», «смерти». Так, сайт «Продай душу дьяволу» разъясняет, как провести ритуал продажи души за определённые желания.

В экстремистских текстах фиксируются действия (символичные или реальные), направленные на других людей с целью расширения контроля над ними. Тексты всё больше приобретают протестный характер («*Я выражаю, выражаю, выражаю протест против всего того, что сейчас есть»).*

В политических текстах расширяются границы применимости языковых средств, например, инвективной, сленговой, профессиональной лексики. Оценочные суждения часто выражены в крайне непристойной форме. Таким образом, под воздействием коммуникативной трансгрессии, способствующей преодолению границ возможного и невозможного, меняется суть политической коммуникации. Используя всевозможные агитационно-пропагандистские платформы, в том числе сетевые, интернет-сообщества и реальные группы пытаются привлечь как можно больше людей к своей идеологии посредством речевого воздействия. Информация на политических ресурсах приобретает все больше экстремистский характер и становится массово доступной. В погоне за автономностью и самостоятельностью авторы политических текстов стремятся к непременному преодолению установленных обществом границ.

Список литературы

1. Батай Ж. Запрет и трансгрессия [Электронный ресурс] / пер. с фр. Е. Герасимовой. Режим доступа: http://vispir.narod.ru/bataj2.htm (дата обращения: 12.06.2015).

2. Батай Ж. Внутренний опыт / пер. с фр., послесл. и коммент. С. Л. Фокина. СПб.: Аксиома, Мифрил, 1997.

3. Дейнека О. С. Забарин А. В. Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // Современные проблемы на-

References

1. Batai Zh. Zapret i transgressiya [Elektronnyi resurs] / per. s fr. E. Gerasimovoi. Rezhim dostupa: http://vispir.narod.ru/bataj2.htm (data obrashcheniya: 12.06.2015).

2. Batai Zh. Vnutrennii opyt / per. s fr., poslesl. i komment. S. L. Fokina. SPb.: Aksioma, Mifril, 1997.

3. Deineka O. S. Zabarin A. V. Psikhologo-politicheskie osnovaniya gruppovogo destruktivnogo po-vedeniya // Sovremennye problemy nauki i obra-

[1] Сарна А. Я. Трансгрессия. – URL.:http://www.psyoffice.ru/6-175-transgresija.htm (дата обращения: 10.06.2015).

уки и образования. 2014. № 6 [Электронный журнал]. Режим доступа: http://www.science-education.ru/120-r15837 (дата обращения: 15.06.2015).

4. Иваненко Г. С. Анализ форм речевого воздействия на адресата как аспект судебного исследования экстремистского текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2008. С. 82–87.

5. Партон Т. А., Чёрный Ю. Ю. Человек в потоке истории: введение в социологию культуры Альфреда Вебера. М.: Наука, 2006. 170 с.

6. Стадников М. Г. Глобальные предпосылки распространения современного экстремизма // Политические, социокультурные и медийные детерминанты распространения экстремизма (на примере Северо-Западного федерального округа): материалы круглого стола (04.12.2012 г., Санкт-Петербург) / под общ. ред. А. Б. Феоничева. СПб., 2013. 84 с.

7. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://iph.ras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (дата обращения: 10.06.2015).

zovaniya. 2014. № 6 [Elektronnyi zhurnal]. Rezhim-dostupa: http://www.science-education.ru/120-r15837 (data obrashcheniya: 15.06.2015).

4. Ivanenko G. S. Analiz form rechevogo vozdeistviya na adresata kak aspekt sudebnogo issledovaniya ekstremistskogo teksta // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2008. S. 82–87.

5. Parton T. A., Chernyi Yu. Yu. Chelovek v potoke istorii: vvedenie v sotsiologiyu kul'tury Al'freda Vebera. M.: Nauka, 2006. 170 s.

6. Stadnikov M. G. Global'nye predposylki rasprostraneniya sovremennogo ekstremizma // Politicheskie, sotsiokul'turnye i mediinye determinanty rasprostraneniya ekstremizma (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga): materialy kruglogo stola (04.12.2012 g., Sankt-Peterburg) / pod obshch. red. A. B. Feonicheva. SPb., 2013. 84 s.

7. Stepin V. S. Klassika, neklassika, post-neklassika: kriterii razlicheniya [Elektron-nyi resurs]. Rezhim dostupa: http://iph.ras.ru/uplfile/root/stepin/klassika,_neklassika,_iostneklassika.pdf (data obra-shcheniya: 10.06.2015).

Статья поступила в редакцию 10.07.2015

УДК 327
ББК 76–01.

Сергей Борисович Никонов,
кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7–9),
e-mail: NikonovS@mail.ru

Фактор религиозного аспекта в манипулировании международными процессами

Статья посвящена формированию новых подходов к целям и инструментам внешней политики и появлению нового направления внешнеполитической стратегии – ноополитики. Приняв концепцию ноополитики как информационную стратегию, Россия открыто заявит о формировании новой информационной стратегии с учётом современных политических реалий.

На анализе политических процессов, прошедших на Севере Африки, автор отмечает необходимость учитывать религиозный фактор при формировании информационной стратегии. Выявлены специфические особенности ментальности индивидуума, исповедующего ислам. Понимание образа жизни и устоев лиц, исповедующих иную религию, чем та, которая доминирует в России, позволит, при необходимости, найти правильные рычаги воздействия на такую группу лиц. Показаны методы, при которых вокруг индивидуума формируется специальная информационная среда, где внимание индивидуума фокусируется на одной теме или проблеме. Такая тема или проблема является направленной информацией. Задача направленной информации заставить индивидуума сделать выбор и отстаивать ту позицию, которая выгодна политическим акторам. И чем больше индивидуумов будет придерживаться одной, сформулированной политическими акторами позиции, тем легче управлять обществом.

***Ключевые слова*:** ноополитика, политические процессы, доктрина информационной безопасности, манипулирование, информационная стратегия.

Sergey Borisovich Nikonov,
Candidate of Political Science, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034),
e-mail: NikonovS@mail.ru

Factor of a Religious Aspect in Manipulating International Processes

The article is devoted to the formation of new approaches to the purposes and tools of foreign policy and the emergence of a new direction in foreign policy – noopolitik. By adopting the concept of noopolitik as the information strategy, Russia will openly declarea bout the formation of a new information strategy taking into account current political realities.

Analyzing the political processes in North Africa, the author notes the need to take into account the religious factor in the formation of an information strategy. Specific features of mentality of the individual Muslim are identified. Understanding the lifestyles and attitudes of those who profess a religion other than the one that dominates in Russia will allow us, if necessary, to find the right leverage for the group.The author presents the methods, which help to form special information environment around the individual where individual attention is focused on one topic or problem. Such a topic or problem is directional information. The task of targeted information is to force the individual to make a choice and defend such position that is favorable for political actors. The more individuals will adhere to one position formulated by political actors, the easier it is to manage society.

***Keywords*:** noopolitik, political processes, information security doctrine, manipulation, communication strategy**.**

Введённый в политологический оборот термин «арабская весна» стал настолько популярен, что по частоте употребления в средствах массовой информации занимает лидирующие позиции[1]. Он не охватывает конкретную страну, а имеет обобщающее значение политических процессов, если субъектом новости является государство с арабским населением. Так, профессор Уральского федерального университета Н. А. Комлева отмечает, что «арабской весной принято называть совокупность политических перемен взрывного характера, произошедших в странах Северной Африки и Ближнего Востока преимущественно весной 2011 года»[2]. Для чита-

[1] Зелёная О. Самым популярным словом года стало обозначение ошибки 404 [Электронный ресурс]. – URL: http://tjournal.ru/paper/top-words (дата обращения: 01.04.2014).

[2] Комлева Н. А. Арабская весна. Геополитический

© Никонов С. Б., 2015

теля, обращающего внимание на текстовое содержание средств массовой информации, термин «арабская весна» связан с исламом. И если первоначально термин имел положительную окраску (борьба с режимом), то в настоящее время «арабская весна» ассоциируется с приходом к власти исламистов, которые не имеют ничего общего с исламом как теологической базой.

Ислам веками призывает к единению и братству людей различных конфессий, это не религия террористов. Но как бы мы ни искали оправдание смене государственной власти в той или иной стране, мы должны признать, что при таких политических процессах обязательно будут жертвы – убитые и раненые. И в первую очередь такими жертвами становятся не представители власти, а простые люди, и это никак не связано с религией. Во всех «арабских вёснах» религией манипулировали, а причиной манипуляции всегда была политика. Вряд ли среднестатистический европеец, американец или россиянин, понимает разницу в шиитах и суннитах, если он не исповедует ислам или не является специалистом – востоковедом или религиоведом. Вряд ли кто-то понимает разницу в католиках и православных, если он не исповедует христианство. Любая чуждая религия – это неизвестность. А неизвестность, как известно, пугает. Запуганным обществом легче управлять.

В данной статье не ставится задача определения точного места возникновения «арабской весны». Некоторые считают, что это Тунис, когда произошло самосожжение Мохаммеда Буазизи[1], другие – Ирак[2], когда был убит Садам Хусейн, кто-то – Ливия[3], когда был ликвидирован глава государства Муамар Каддафи. Практически в любой из названных точек конфликтов причиной их в средствах массовой информации был назван конфессиональный конфликт. Учитывая, что научно обоснованных данных о том, что конфликты возникли именно на основе религии, нет, по нашему мнению, необходимо рассматривать межконфессиональный источник конфликта как гипотезу.

Во многих странах религия стала инструментом ноополитики (термин введён в научный оборот учёными из США Д. Аркилом и Д. Ронфельдом: «Ноополитика – международная политическая стратегия в условиях информационного общества, которая делает акцент на главенстве идей, интересов, норм, законов и морали – она будет работать скорее через «мягкую силу», чем через «грубую») [6, с. 46]. Но сегодняшние реалии требуют изменения понимания терминологии, и нами предлагается определение ноополитики, которое, по нашему мнению, является базой для понимания такого явления, как «арабская весна». «Ноополитика – информационная стратегия по манипулированию международными процессами посредством формирования через средства массовой информации у общественности положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа идей и пропагандируемых моральных ценностей» [7, с. 21]. Термин в настоящее время находится в процессе научного обсуждения. Е. К. Обринская в своей статье «Ноополитика как внешнеполитическая стратегия: проблема дефиниции» предлагает следующее определение: «ноополитика – стратегия управления политическими процессами, основанная на оказании всестороннего воздействия на индивидуальное сознание в массовых масштабах с целью формирования определённого типа личности» [4, с. 155]. Проблематику ноополитики рассматривал в своих работах П. Н. Плугатаренко [5, с. 136]. При различных подходах к пониманию сущности ноополитики, учёными отмечается одна очень важная деталь – управление политическими процессами, и если принять за гипотезу, что «арабская весна» – это политический процесс, то, говоря о ноополитическом аспекте «арабской весны», необходимо отметить в них роль средств массовой информации.

Ни о каком конфликте мы и знать бы не знали, если бы не средства массовой информации. Политологи, политики, военные, дипломаты всё чаще отмечают особую роль СМИ в формировании международных отношений. Журналисты давно стали третьей стороной едва ли не каждого вооружённого конфликта; и от того, какую сторону склонны поддержать СМИ, в значительной мере зависит его результат. Борьба за власть в тех или иных регионах мира связана с позицией ве-

аспект [Электронный ресурс]. – URL.: http://oko-planet.su/politik/politikmir/199480-arabskaya-vesna-geopoliticheskiy-aspekt.html (дата обращения: 01.05.2015).

[1] The Times назвала Человеком года тунисца, совершившего самосожжение [Электронный ресурс]. – URL: http://jourdom.ru/news/10651 (дата обращения: 01.04.2014).

[2] Аббас Халаф: «Очередная „арабская весна“ начинается в Ираке, её первые ласточки уже „прилетели“ два месяца назад» [Электронный ресурс]. – URL: http://news.rambler.ru/17816659/ (дата обращения: 01.04.2014).

[3] Долгов Б. В. «Арабская весна»: итоги и перспективы [Электронный ресурс]. – URL.: http://www.perspektivy.info/book/arabskaja_vesna_itogi_i_perspektivy_2012-04-19.htm (дата обращения: 01.04.2014).

дущих держав, борьбой за сферы влияния на правительства государственных новообразований. К государственным новообразованиям можно отнести Косово, Абхазию, Южную Осетию, Южный Судан, регионы Бельгии, Великобритании, Испании, Франции, желающие получить независимость. Формирование информационного поля является не менее важным, чем непосредственные боевые действия. Особое внимание роли СМИ в формировании политических образов необходимо уделить применительно к периоду «арабских вёсен», захлестнувших север Африки и часть государств на Ближнем Востоке. Средства массовой информации критиковали длительность нахождения у власти, причём легитимной, любых правителей, но обязательно это было связано с их религиозными убеждениями. Формирование общественного мнения через средства массовой информации стало настолько привычным, что информационный шум готов заглушить первоначально поданную информацию, как будто бы её и не было. «Арабскую весну» политики и политологи «прозевали», как, впрочем, и исламскую революцию 1978 г. в Иране. Очевидно, в обоих случаях сказались стереотипы мышления, иными словами – желание оставаться в рамках привычного видения ситуации. Освещая сюжеты «арабской весны», СМИ должны были сформировать вывод, к которому должен был прийти читатель, слушатель, пользователь информационным ресурсом, – в арабских государствах всё прошло без вмешательства других государств; никто ничего не знал и не предвидел; это межконфессиональные конфликты; во всём виноват ислам и его течения, представители которых не могут между собой договориться. «Арабские вёсны» – это совершенно не запланированные политические процессы. Пакистанский учёный Сатам Хамад Халаф, выступая 23 марта 2014 г. на «Оксфордском круглом столе», посвящённом проблемам религии, в Харрисманчестер колледже Оксфордского университета отметил: «исламская социология избегает расовой и религиозной дискриминации, поощряет братство человечества и препятствует агрессии». Это не ставится под сомнение теми, кто готов жить и вести политику по правилам. Но политика и мораль – понятия не совместимые. Всё, что происходило в арабских государствах, имело не социологические или моральные аспекты, а прагматические политические цели, добиться которых позволяет именно знание социологии.

Поведение индивидуума, исповедующего ислам, можно спрогнозировать, понимая, как он реагирует на полученную информацию. Когда он получает информацию из уст лица, исповедующего иную религию, он ставит её под сомнение или игнорирует её. Когда информация доводится до него единоверцами и тем более уважаемыми им людьми, информация воспринимается им как истинная. Эти уважаемые люди являются акторами политического влияния на индивидуума. В то же время, сами акторы формируют своё мировоззрение под напором информационных потоков, поступающих из СМИ, и по согласованию с политической или религиозной элитой.

Таким образом, вокруг индивидуума формируется специальная информационная среда, где внимание индивидуума фокусируется на одной теме или проблеме. Такая тема или проблема является направленной информацией. Задача направленной информации – заставить индивидуума сделать выбор и отстаивать ту позицию, которая выгодна политическим акторам. И чем больше индивидуумов будет придерживаться одной, сформулированной политическими акторами позиции, тем легче управлять обществом.

Получая направленную информацию через средства массовой информации, общество становится предметом манипуляции, но создаётся такое впечатление, что люди самостоятельно делают свой выбор. Мы называем это управление логическими выводами, что является частью нооплитики, такой же как диффамация, агитация, пропаганда, культура, религия и т. д. Российские учёные А. Пую, Ю. Курышева, С. Бодрунова предполагают, что это один из методов «Медиакратии» [2]. Анализ событий «арабской весны» практически в любом арабском государстве показывает, что начало крупномасштабных столкновений происходило по пятницам – в день, когда люди, исповедующие ислам, идут в мечеть на молитву. Они идут разговаривать с богом один на один, но немедленно становятся частью «толпы» и действуют так, как это требуется «режиссёру». Время покажет, но, анализируя ситуацию на Севере Африки, мы видим, что по сути там идёт борьба не за смену религий, не за возможность дать людям сказать своё слово, а за власть, за возможность манипулировать и обществом, и религией. Сложившийся стереотип, что в Великобритании джентльмен никогда не обманет, накладывается на основное требование к индивиду, исповедующему ислам: он должен верить. Если человек не верит, то он не может считать себя мусульманином. Этим надо пользоваться тем, кто хочет использовать

веру в своих целях. Приходится констатировать, что религия – это такая же часть ноополитики, как и культура, образ жизни, образ мысли. Преследуя свои геополитические интересы, международные акторы, пользующиеся возможностью манипулировать информацией, ведут борьбу между собой, только страдают от этого простые люди.

Сегодня лучше всех, по нашему мнению, манипулировать международными процессами удаётся России, США и Китаю. Когда мы говорим о манипулировании международными процессами, мы констатируем, что речь идёт не об управлении или контроле явного политического процесса (переговоров, подготовки соглашений и т. д.), а о процессах, в результате которых, международный актор должен в перспективе получить определённый результат. Это не манипулирование сознанием индивидуума или толпы, а формирование информационной среды, в которой информационные потоки будут восприниматься от политического актора, как истинные.

Европа, хотя и объявила себя единой, не имеет пока возможности влиять на умы других, пропагандируя «европейские ценности» и – особенно – не понимая сущности вероисповедания в других странах и регионах. Кроме непонимания вероисповедания в неевропейских регионах есть ещё одна причина – лингвистическая. Любой индивидуум, получающий информацию, адаптируется к языку той местности, где он постоянно проживает. Опрос респондентов в Великобритании показал, что её жители не читают печатную прессу на русском языке, так же как граждане России, в большинстве своём, не читают печатную прессу на английском, арабском или китайском языке. Цитирование учёными из США или Великобритании своих российских, китайских или арабских коллег практически равно нулю, за исключением тех учёных, которые переехали в Великобританию или США и работают в учебных и научных институтах этих стран. Европейская наука варится в своём соку, религия не является всеобщей, она в каждом регионе трактуется по-разному, так как это выгодно светским властям. Видимо, исторический опыт общения церкви с государством даёт свои плоды. В период конфликтов, когда не ясно, кто придёт к власти на той или иной территории, руководители церкви не принимают и не комментируют аргументы ни одной из сторон конфликта. Любая религия готовит человека к встрече с Богом. Бог один – религии разные. Управлять религией и верующими через религию стремится любая власть. С её помощью можно управлять обществом. А религиозная власть стремится управлять обществом, чтобы через него управлять светской властью. Управлять – значит манипулировать или заставлять. А как это сделать, определяет каждое государство в зависимости от информационной стратегии, имеющей своё определение – ноополитика.

С развитием коммуникационных технологий их использование становится объектом изучения. Глобальная сеть Интернет, провозглашённая свободной сетью для получения и распространения информации, ставится под контроль. Идеи свободы в сети Интернет остаются только идеями. Ещё совсем недавно, в 2008 г., пользователи провозгласили «манифест киберпанка». Российский исследователь И. А. Быков, проанализировав документ, определил, что цель пользователей в установлении контроля над технологией: «В нынешние времена, когда всё зависит от технологии, если ты не контролируешь её, она будет контролировать тебя» [1, с. 86]. Предполагается, что «киберпанкам», благодаря владению компьютерными технологиями (включая продвинутые способы шифрования), удастся навязать остальной части общества собственные правила игры. Государство противопоставляется пользователям как «система», мешающая жизни тех, кто находится в Интернете. Но оставлять бесконтрольной такую сферу коммуникаций, как Интернет, государства не намерены. Последняя известная попытка закрыть интернет-ресурсы была предпринята в Турции. В марте 2014 г. власти Турции заблокировали доступ к сайтам Twitter и YouTube, однако решением Конституционного суда Турецкой республики такие действия правительства были признаны незаконными[1]. Вместе с тем, исходя из позиций государства о необходимости обеспечения своей безопасности, такие действия, как контроль киберпространства, не должны считаться нарушением прав, каких-либо свобод.

Учёными неоднократно ставился вопрос о пересмотре Доктрины информационной безопасности России [3, с. 19]. По их мнению, требует доработки и само определение информационной безопасности. В доктрине понятие информационной безопасности сформулировано так: «Под информационной безопасностью Российской Федерации

[1] Эрдоган критикует суд за снятие запрета на Twitter [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mignews.com/news/society/world/080414_154656_92777.html (дата обращения: 01.04.2014).

понимается состояние защищённости её национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»[1]. В новой редакции к существующему определению необходимо добавить: «возможностью информирования мировой общественности о позиции Российской Федерации и её граждан относительно международно-значимых событий». О том, что доктрина информационной безопасности Российской Федерации на современном этапе не актуальна, свидетельствуют некоторые её положения. Вторая глава Доктрины информационной безопасности определяет виды информационных угроз и относит к ним манипулирование информацией (дезинформацию, сокрытие или искажение информации).

Разработчики Доктрины в тот исторический период находились под воздействием либеральных взглядов и не отдавали себе отчёта в функциях информации. Отказ от манипуляции противоречит основам информации, целям развития общества. На примерах «арабской весны» можно сделать вывод, что государственная власть, не имеющая возможности применять методы диффамации, не жизнеспособна. Даже если мы будем брать за образец информационное общество Великобритании или Германии, то, например, последние события, связанные с положением дел в Крыму, Египте, Сирии, показали зависимость СМИ этих государств от политической ангажированности правительства. В Великобритании и Германии «Российской газете», выходящей в качестве приложения к ведущим печатным изданиям этих стран на английском и немецком языках, было отказано в своевременном выходе, в соответствии с контрактами, т. к. не была понятна позиция правительства этих государств по «крымскому» вопросу. Телевизионный канал «Евроньюс», освещая события в Сирии, преподносил Башара Ассада то как положительную фигуру, то как отрицательную. В определённый момент тема Сирии вообще исчезла из новостей «Евроньюс».

Включение доктриной в угрозы конституционным правам положения о том, что девальвация духовных ценностей, пропаганда образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречат ценностям, принятым в российском обществе, вообще нельзя считать разумным и необходимым, так как отсутствуют сами принципы определения критериев ценностей, а пропаганда насилия могла быть запрещена в соответствии с национальным законодательством. Все приведённые примеры свидетельствуют о необходимости научного понимания того, как информация на современном этапе влияет на изменение внутренней и внешней политики государств, о необходимости научного обоснования изменения доктрины информационной безопасности России и принятия положения о действии информационных стратегий в мире. Данная тема становится актуальной, так как события «Арабской весны» заставляют по-другому взглянуть на события. В то же время, приняв концепцию ноополитики как информационную стратегию, Россия открыто заявит о формировании новой информационной стратегии, с учётом современных политических реалий.

Список литературы

1. Быков И. А. Киберпространство как фактор политических идеологий // Политическая наука. 2008. № 2. С. 79–98.
2. Медиакратия в Испании: модель взаимоотношений общественного телевидения и правительства Аснара // Медиакратия: современные теории и практики / под ред. А. С. Пую, С. С. Бодруновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 217–224.
3. Мельник Г. С., Никонов С. Б. Медийный компонент в доктрине информационной безопасности // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2014. № 1(61). С. 18–28.
4. Обринская Е. К. Ноополитика как внешнеполитическая стратегия: проблема дефиниции //

Rreferences

1. Bykov I. A. Kiberprostranstvo kak faktor politicheskikh ideologii // Politicheskaya nauka. 2008. № 2. S. 79–98.
2. Mediakratiya v Ispanii: model’ vzaimootnoshenii obshchestvennogo televideniya i pravitel’stva Asnara // Mediakratiya: sovremennye teorii i praktiki / pod red. A. S. Puyu, S. S. Bodrunovoi. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. S. 217–224.
3. Mel’nik G. S., Nikonov S. B. Mediinyi komponent v doktrine informatsionnoi bezopasnosti // Upravlencheskoe konsul’tirovanie. Aktual’nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal’nogo upravleniya. 2014. № 1(61). S. 18–28.
4. Obrinskaya E. K. Noopolitika kak vneshnepoliticheskaya strategiya: problema definitsii //

[1] Доктрина информационной безопасности // Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rg.ru/official/doc/min/and vedom/mimbezop/doctr.shtm (дата обращения: 01.04.2014).

Ежемесячный научный журнал. № 5/2014. Екатеринбург. С. 154–156.

5. Плугатаренко П. Н. Проблема исследования политического пространства в условиях глобализации // Вестн. МГОУ. Сер.: История и политические науки. 2011. № 1. С. 135–137.

6. Arquilla. J. Ronfeldt. D. The Emergence of Noopolitik: toward an american information strategy. RAND. 1999. 102 p.

7. Nikonov S. B. Noopolitical Aspect of International Journalism Middle-East Journal of Scientific Research. 2013.17 (1): 21–25.

Ezhemesyach-nyi nauchnyi zhurnal. № 5/2014. Ekaterinburg. S. 154–156.

8. Plugatarenko P. N. Problema issledovaniya politicheskogo prostranstva v usloviyakh globalizatsii // Vestn. MGOU. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki. 2011. № 1. S. 135–137.

9. Arquilla. J. Ronfeldt. D. The Emergence of Noopolitik: toward an american information strategy. RAND. 1999. 102 r.

10. Nikonov S. B. Noopolitical Aspect of International Journalism Middle-East Journal of Scientific Research. 2013.17 (1): 21–25.

Статья поступила в редакцию 27.06.2015

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ORIENTAL STUDIES

УДК 391/393 (571.54)
ББК 63.5 (2Р54)

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова,
доктор исторических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru

Арюна Станиславовна Суворова,
учитель,
Хуртэйская средняя общеобразовательная школа
(671464, Россия, Республика Бурятия, Кижингинский р-н, с. Хуртэй),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

Этапы трансформации похоронной обрядности сельских бурят в советское время

В статье ставится проблема исследования воздействия советской идеологии на похоронную обрядность ординарных бурят, выявляются этапы трансформации. Актуальность определяется мало исследуемым в данном контексте модернизационным рывком советской страны, позволившим её народам вписаться в глобальный мир на паритетных условиях. Методы компаративистики способствовали изучению процесса синхронно на двух уровнях, для полиэтничных и моноэтничных поселений, а диахронно на протяжении советского периода. Демонстрируются различные темпы динамики для разных типов поселений. Первые советские десятилетия характеризуются отсутствием технологических и идеологических инноваций. С середины 1930-х гг. в моноэтничных селах буддистов миряне практикуют нелегальное религиозное сопровождение погребения (сангарил). На основе традиционной погребальной обрядности складываются суррогатные этноразличительные обычаи похорон. Во время войны соблюдение обрядов и обычаев становится затруднённым. В 1970–80-е гг. зародилась традиция туристического паломничества в места захоронения погибших на войне родственников. Послевоенное ослабление атеистического прессинга и открытие в 1940-х гг. двух дацанов позволило религиозным семьям решать погребальные вопросы по буддийским канонам. До перестройки посещение церквей коммунистами и советскими служащими порицалось. В середине 1960-х гг. принимаются меры по укреплению советского образа жизни, вводится стандарт гражданской (безрелигиозной) похоронной обрядности с элементами советской символики. В полиэтничных селах распространяется гражданская похоронная обрядность пропагандистского характера. К середине 1970-х гг. сложились модели в зависимости от половозрастного и социального положения человека. Изменяется формат поминок, вводится алкоголь. Участие женщин в похоронах демонстрирует их эмансипированность. В моноэтничных селах сохраняются элементы традиционной погребальной обрядности. Социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни бурят, включая обрядность из цикла жизни человека. Результаты статьи могут иметь практическое значение. Статья открывает перспективы для дальнейшего объективного изучения советского периода на основе современных методологий и методов.

Ключевые слова: буряты, советское время, седентаризация, типы поселений, похоронная обрядность, трансформация, периодизация

© Жамбалова С. Г., Суворова А. С., 2015

Sesegma Gendenovna Zhambalova,
Doctor of History, Associate Professor,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch,Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670047),
e-mail: zhambalovas@yandex.ru.

Aryuna Stanislavovna Suvorova,
Teacher,
Khurtey Comprehensive Secondary School
(Khurtey, Kizhinginsky district, the Republic of Buryatia, Russia, 671464),
e-mail: aryunasuvorova@mail.ru

Stages of Transformation of the Funeral Rites of Rural Buryats in the Soviet Period

The article deals with the problem of the impact of the Soviet ideology on funeral rituals of Buryats throughout the Soviet period.Certain stages in the transformation dynamics have been revealed. The relevance is determined by modernization breakthrough of the Soviet country that is little studied in this context that had allowed its peoples to fit into the global world on equal terms. Methods of comparative studies have contributed to the study of the process simultaneously on two levels, for multi-ethnic and mono-ethnic settlements, and diachronically during the Soviet period. The dynamics of different rates for different types of settlements have been demonstrated. The first Soviet decades were characterized by a lack of technological and ideological innovations. Since the mid-1930s, laity living in mono-ethnic Buryat villages with deep Buddhist traditions had practiced illegal religious support of burials (Sangaril). Based on traditional funeral rites surrogate ethno distinctive funeral customs were formed. During the Great Patriotic War, rites and customs were not followed. In the 1970–80s, there appeared the tradition of pilgrimage tourism to the graves of relatives killed during the war. The postwar weakening of the atheistic pressure and opening of two datsans in the1940s allowed families to arrange burials in accordance with the Buddhist canon. Visiting churches by Communists and Soviet officials was prohibited before Perestroika. In the mid-1960s, certain measures were taken to strengthen the Soviet way of life. The standard of civil (non-religious) funeral rites with some elements of the Soviet symbols were introduced. Civil Soviet funeral rites having propagandistic character were established in multi-ethnic villages. By the mid-1970s, various models of funeral rites were formed depending on age, sex and social status of the person. The format of commemorations changed, alcohol appeared in the menu. Active participation of women in the Soviet funeral and memorial services demonstrated their emancipation. In mono-ethnic villages, elements of traditional funeral rites were preserved. Socialist transformations affected all aspects of life of Buryats, including rituals of human life cycle. Our results may have practical value. The article opens up prospects for further objective study of the Soviet period on the basis of modern methodologies and methods.

Keywords*:* Buryats, the Soviet period, sedentarization, types of settlements, funeral rites, transformation, periodization.

Актуальность исследования этапов трансформации похоронного обряда у бурят в советское время определяется мало изученным в данном контексте модернизационным рывком советской страны, позволившим впоследствии её народам вписаться в глобальный мир на паритетных условиях. Актуальность статьи определяется также тем, что складывавшийся в течение десятилетий стандарт советских похорон к настоящему времени у бурят, особенно у буддистов, утерян в основных своих позициях. Многое из приведённого здесь уже является не всем известной частью истории страны.

Складывание ряда общих черт в жизнедеятельности народов началось ещё в дореволюционной России [15, с. 256]. В СССР состоялся ряд кардинальных политических, социальных и культурных кампаний по модернизации страны, постепенно унифицирующих повседневность всего советского народа, городского и сельского. Процесс протекал относительно неравномерно: темпы восприятия инноваций у разных слоёв населения были неодинаковыми и во многом зависели от социальной среды обитания, в частности от типов населённых пунктов. Темп перехода инноваций в традицию был различным и для разных сфер жизни. Изменения в хозяйстве и быту приживались гораздо быстрее, чем в погребальных обрядах – в них сохраняется самая консервативная форма стереотипизации общественного опыта [18, с. 9]. Однако даже в этой сфере жизни советского народа в конечном счёте достигаются впечатляющие результаты.

В статье рассматриваются этапы трансформации похоронного обряда ординарных сельских бурят за годы советской власти. Методы компаративистики позволили изучить процесс синхронно на двух уровнях, для полиэтничных и моноэтничных поселений, а ди-

ахронно на протяжении советского периода. Объективность исследования темы достигается дифференцированным подходом к исследованию погребальной обрядности у жителей различных типов населённых пунктов.

В советское время завершился длительный процесс перехода бурят на оседлость. В результате седентаризации теперь они проживают в стационарных населённых пунктах, в больших полиэтничных сёлах, районных центрах или центральных усадьбах колхозов/совхозов или в моноэтничных улусах, отделениях колхозов/совхозов. Динамичность социалистических преобразований была в них неодинаковой. Сельские жители крупных сёл быстрее осваивали инновации, в улусах при оседлом образе жизни вплоть до конца 1950-х гг. сохраняются традиционные элементы жизнеобеспечения, обряды и обычаи [6].

Революционные преобразования в стране и в образе жизни не могли не найти отражения в погребальной обрядности. Советский стандарт похоронного обряда создавался не сразу, постепенно и проникал в большие и малые сёла разными темпами. Новая обрядность одного из компонентов цикла жизни человека в исследуемое время прошла в развитии ряд этапов, которые рассматриваются хронологически.

В результате модернизационных процессов XVIII – начала XX в. и мер по закреплению российских санитарно-эпидемиологических норм буряты перешли на грунтовое погребение (ингумация). Конечно, бывали случаи наземного и воздушного захоронений, и кремации. Анахронизм обусловливался особыми причинами: возрастом усопших (новорождённые, старики), гаданием, а также наличием в обществе служителей религиозного культа [19, с. 18–22]. В статье во всех случаях подразумевается грунтовое захоронение в гробу как тип стандартного погребения.

Анализ материалов показывает, что наднациональный стандарт погребения не отменяет традиционных этнических мировоззренческих представлений о смерти. Технологическая инновация сопровождалась традиционными обрядами и в первые советские десятилетия. Из-за представлений о реинкарнации души и желания предохраниться от негативного воздействия покойного «правильные» похороны имели принципиальное значение для бурят-буддистов. Цикл обрядов по подготовке души к загробной жизни подробно изучен на монгольских материалах А. М. Позднеевым. Он отмечает, что ни один монгол не пожелает умереть без ламы, который проведёт предсмертные обряды, опишет весь путь, который должна пройти душа после его смерти и даст наставления для того, чтобы родиться если не святым, то в царстве людей [17, с. 456–461]. Приведённые им данные практиковались и у бурят – оба народа проповедуют одно направление буддизма.

В первое советское десятилетие погребальная обрядность бурят-буддистов продолжает функционировать в традиционном русле. Имеются достоверные свидетельства о том, что в 1920-е гг., несмотря на деятельность Союза воинствующих безбожников, начавшегося в 1925 г., буряты продолжали приглашать лам для реализации похоронных обрядов. Г.-Д. Ц. Нацовым зафиксировано в эти годы, что для хорошего перерождения ламы читали умирающему ритуальные тексты «Доржо Жодбо» и другие, помогающие душе попасть в рай. Назавтра на восходе солнца больному, чьи дни и часы жизни были сочтены, под звуки раковины (*дунг*) давали пилюлю (*пэлдэн, урил*), затем лама показывал ему изображение рая Деважин и читал восхваление бурханам (*магтаал)* Санжид Монглам [16, с. 112–113]. Так было до второй половины 1930-х гг.

К 1 ноября 1938 г. в результате воинствующего атеизма и массовой репрессии арестовано 1864 ламы, многие расстреляны [3, с. 57]. Репрессиям и гонениям подверглись шаманы. Отсутствие священнослужителей, запрет на их деятельность заставляли людей, желающих проводить в последний путь близких в соответствии с традиционными устоями, находить компромиссы.

Конкретная ситуация возникла в регионах с глубокими буддийскими традициями и в моноэтничных бурятских улусах, где практика народного буддизма не прерывалась на протяжении всех лет советской власти [9, с. 201]. По полевым материалам, нередко заупокойные буддийские молитвы читались тайно глубокой ночью местными знающими стариками-мирянами. Впоследствии это становится уделом старых женщин.

В Кижингинском районе Республики Бурятия, отличавшемся религиозностью, избежавшие репрессий бывшие ламы и буддийские послушники (*хувараки*) тайно занимались религиозной деятельностью. Они выявляли благоприятные дни для погребения, а основной буддийский молебен для усопших *hуга намши* читали ночью [ПМА]. Обряды проводили также так называемые степные ламы и практикующие буддисты-миряне, знающие молитвы на тибетском языке, лунную астрологию и т. д. [ПМА]. Подобная картина наблюдалась и в районах проживания бурят-шаманистов – оставшиеся в сёлах шаманы погребальные обряды совершали ночью,

опасаясь рейдов воинствующих атеистов, комсомольцев [ПМА].

Нелегальное (подпольное) сохранение религии не было характерно для всего бурятского населения. В больших полиэтничных сёлах в семьях коммунистов и интеллигенции такое вряд ли практиковалось. Поборниками сохранения традиций в данной сфере нередко выступало старшее поколение семьи – нереально вековые представления о смерти преодолеть за несколько лет. По буддийским канонам в случае смерти человека семья для организации «правильных» похорон, необходимых как усопшему, так и живым, сразу узнаёт у ламы информацию: кто может подготовить покойника, какие молитвы необходимо читать, в какой день и час нужно похоронить, в каком направлении вынести и т. п. [17, с. 462].

При сложившемся положении – отсутствие священнослужителей и страх полного игнорирования обрядов и обычаев – у бурят выработались компромиссные варианты в виде суррогатных обычаев похорон. Из-за невозможности установления времени похорон каждого человека у бурят-буддистов сложилась инновация хоронить в чётные дни до 12 часов дня. Обычай со временем становится одним из этноразличительных признаков в Бурятии: бурят-буддистов хоронят с утра, а русских после обеда. Предбайкальские буряты-шаманисты хоронили на следующий день после смерти во второй половине дня. Но были у них и другие часы для похорон [ПМА].

Мы располагаем материалами о похоронах во время Великой Отечественной войны, когда не было возможности соблюдения каких-либо обрядов. Люди жили скудно, вместо савана иногда заворачивали в чистую мешковину, гроб использовали тоже не всегда – у людей не было времени и возможностей на его изготовление. С трудом получали в колхозе разрешение использовать лошадь, нередко покойного относили на кладбище на руках. У предбайкальских бурят в день погребения полагалось «пустить кровь» (*шуһа гаргаха ёһотой*), во время войны вместо полагающейся овцы иногда забивали курицу, которая к тому времени уже была на бурятском подворье. Поминки в военное время нередко ограничивались простым чаепитием [ПМА].

В бурятские сёла приходили похоронки. О том, как семья и сельское общество реагировало в тылу на смерть фронтовика, имеются сведения в устной истории Г. Б. Тудиновой: «Мы в 1943 году получили извещение о смерти [отца]. Когда поучили извещение, никаких похоронных обрядов не совершали, ничего особого не делали. Лам не было. <…> Мне было четыре года, а я хорошо это помню. Мама плакала. Подруги её пришли. <…> Когда мама получила похоронку, тогда председатель принёс деньги, а мама купила нам с братом крупный кусковой сахар. Две штуки. Один кусок бабушке отдала, а другой нам с братом поделила и сказала: “Не грызите, а сосите”. <…> До сих пор нет ни сахара, ни конфет такого сладкого, как тот сахар» Впоследствии Г. Б. Тудинова с бабушкой, матерью отца, съездила по туристической путевке на место гибели отца и отвезла на братскую могилу бурятскую землю [6, с. 29, 123–124]. Это довольно типичный случай тех дней – в 1970–80-е гг. была распространена традиция туристического паломничества в места захоронения погибших на войне родственников.

В послевоенное время происходит некоторое ослабление атеистического прессинга. В 1945 г. в Бурятской АССР строится Иволгинский дацан, чуть позже в 1947 г. разрешают открыть Агинский дацан в Читинской области. Несмотря на жёсткий контроль со стороны государства, дацанам, которые из-за своей удалённости были труднодоступны для большинства верующих, принадлежит большая роль в послевоенном восстановлении буддизма в Забайкалье [12, с. 54]. Стали возвращаться ламы, выжившие в лагерях и ссылках. Хотя не всем разрешалась религиозная деятельность, они сыграли важную роль в возрождении буддизма. Их знания были востребованы в сельском социуме, у них появились ученики и последователи, в основном женщины.

По мнению информантов, открытие Иволгинского дацана, в котором служили восемнадцать из выживших в репрессиях лам, имело колоссальное значение для буддийского населения. Появилась возможность обращения к буддийским астрологам по многим вопросам и в случае смерти родных. В то же время посещение дацанов советскими служащими, рабочими и колхозниками не поощрялось и могло привести к негативным административным последствиям. Людей нередко подвергали критике на партийных и комсомольских собраниях по месту работы или учёбы, порой выписывались штрафы, были выговоры с занесением в личное дело, исключения из комсомола [ПМА]. Ситуация улучшилась с 1953 г., но до начала перестройки буряты скрывали эту сторону своей жизни из боязни административных взысканий [ПМА]. В 1960-х гг. учителя боролись с религиозностью учащихся и их семей, требовали, чтобы они не посещали сангарилы,

не молились (*бурхандаа бу мургэгты*) и не ездили в Иволгинский дацан [ПМА].

Главной инновацией похорон бурят-буддистов является распространение в довоенное и послевоенное время в некоторых районах сангарила – коллективного чтения мирянами буддийских молитв [7, с. 89]. Возможно, оно появляется под влиянием чтения однодневной молитвы *(маани*), зафиксированного в начале XX в. [11, с. 357]. Это суточное беспрерывное повторение магической мантры «*ом ма ни пад ме хум»,* которую произносят, перебирая чётки, буддисты всех стран [2, с. 198]. Мы считаем, что причиной зарождения сангарила стала необходимость религиозного сопровождения похорон, чтения заупокойных молитв в отсутствии лам. Даже открытие Иволгинского дацана не могло изменить ситуацию: 18 штатных лам вряд ли могли обслужить всё буддийское население, поэтому с ослаблением атеистического прессинга сангарилы получают ещё большее распространение в современной Бурятии.

Женщины по приглашению читают молитвы за упокой души, за хорошее перерождение усопшего (*энэ турэнэй, энэ дайдаһаа гараад зальбараад уншажа, ондоо турэлдэ бэеэ шэнжээд турэг*), за благополучие живых. Если приезжает лама, то они читают вместе с ним, помогают ему, что очень поощряется [ПМА]. Со временем сангарил на похоронах проводят четыре раза: три с момента смерти до похорон и один на обряде пробуждения души (*хоног тарааха*) на 49-й день после «промежуточного» состояния (*загурди*). Душа умершего 49 дней находится в загурди, каждые семь дней перерождаясь в шести её областях, а на седьмой раз на 49-й день – в мире людей или в каком-то другом из пяти миров сансары [14, с. 206]. Для участников сангарила готовили специальные блюда и напитки: рис с изюмом и маслом (*барайгар*), саламат (*шанаһан талха*), чай с молоком, *аарса, буузы* [ПМА].

В конце 1920-х гг. было организовано добровольное переселение отдельных бурят с западного побережья Байкала на восточное. В результате этой кампании из-за отсутствия удобных сельскохозяйственных угодий в регионе некоторые жители Ольхонского р-на Иркутской области переселились в Еравнинский р-н Бурят-Монгольской АССР [8, с. 239–241]. Наши полевые материалы 1998 и 2012 гг. показывают трансформации в погребальных обрядах не только под влиянием советской идеологии, но и буддизма. Жительница с. Можайка Еравнинского р-на РБ В. В. Антонова в 1977 г. похоронила 80-летнюю мать. На второй день после её смерти ламы, старики, старухи, пришедшие по приглашению, читали сангарил. На сорок девятый день, согласно буддистской традиции, а не на 40-й, как принято у предбайкальских бурят, был проведён участниками сангарила обряд хоног тарааха со 108 лампадами *(зулатай сангарил)*. При этом информант подчёркивает, что наряду с буддийскими обрядами на похоронах они сохраняют элементы погребальной обрядности предбайкальских бурят-шаманистов [ПМА].

После двух десятилетий некоторого послабления в ноябре 1964 г. в начале периода развитого социализма ЦК КПСС возобновляет борьбу с традиционными элементами в жизни населения, с религией. Для подавления некоторого религиозного возрождения вводится стандарт новой гражданской (безрелигиозной) обрядности с элементами советской символики. Развёртывается масштабная кампания за социалистическую обрядность. Сфера ритуальных услуг отличается высокой степенью государственного монополизма. Организацией похорон, содержанием кладбищ, производством похоронных принадлежностей и памятников занимаются специализированные предприятия республиканских министерств ЖКХ, бытового обслуживания и исполкомы местных советов народных депутатов [5, с. 306]. Похороны приобретают идеолого-политический характер и содержание, направленные на формирование представлений о нерушимом единстве коммунистической партии и народа [21].

С этого периода у бурят, по крайней мере в полиэтничных сёлах, распространяется гражданская советская похоронная обрядность пропагандистского характера. В ней были стандартные этапы: прощание с покойным большого количества людей (родственники, друзья, соседи, коллеги, представители общественности и пр.), торжественный вынос открытого гроба с покойным и его крышки, траурная процессия, траурный кортеж, гражданская панихида, коллективное поминание покойного [21].

Погребальная обрядность в советское время стала делом коллектива. Сельские поселения были частью колхоза или совхоза, а буряты являлись членами производственных коллективов и территориальных общностей. Одним из главных символических смыслов советского похоронного ритуала бурят, также как и других народов СССР, стала популяризация принципов коллективизма и социалистических завоеваний, обеспечивших человеку достойную жизнь и уход из неё. Если в довоенное время обряды погребения прово-

дились узким кругом родственников и близких знакомых, то с середины 1960-х гг. похороны стали массовыми. Со слов информантов вырисовывается обычная картина тех времён. В городе и деревне кроме родственников, друзей и соседей на похороны стали приходить «все кому не лень», почтить память ушедшего приходили коллеги и даже те, кто не был лично знаком с ним, но знал кого-то из его родственников, сослуживцы родственников и пр. [ПМА]. В моноэтничных сёлах в силу малой населённости и отсутствия учреждений такая ситуация не получила большого распространения.

С течением времени к середине 1970-х гг. в советской гражданской погребальной обрядности сложился ряд моделей в зависимости от половозрастного и социального положения человека. Были разработаны рекомендации стандартов похорон труженика, руководителя, человека преклонного возраста, матери, молодого человека, невинной девушки. Областным комиссиям по гражданской обрядности была дана установка, что при совершенствовании обряда для более глубокого их укоренения в народных массах должны учитываться местные условия и прогрессивные традиции [21]. В Бурятии к тому времени сложились конкретные различия в советских похоронах русских, бурят и татар. Бурятия характеризуется отдельными кладбищами для бурят и русских, татар хоронили на бурятских. Были свои особенности в похоронах пожилых из-за большего количества религиозных элементов, похороны молодых людей носили светский характер и были многолюдными. Невинных девушек наряжали как невест, в свадебное платье и фату [ПМА].

Тотальная идеологическая работа, а также естественное желание людей похоронить близкого «не хуже других» привели к успешному перерастанию инноваций в устойчивые советские традиции. Теперь с периода развитого социализма в больших полиэтничных сёлах традиционные похоронные ритуалы почти полностью заменены новыми советскими обрядами. По воспоминаниям информантов, практически повсеместно у бурят гроб и его крышку красили красной краской или обивали недорогой красной тканью, ситцем или сатином, иногда более дорогим плюшем, украшали чёрными траурными лентами. Почётно было хоронить из общественного здания с выносом красного знамени, с наградами усопшего на подушечках, с венками и оркестром. Существовал особый порядок траурной процессии. Впереди несли Красное знамя учреждения, затем награды и венки, за ними шёл оркестр, за которым несли открытый гроб с покойным и отдельно крышку гроба, за покойным шли родственники, а за ними все присутствующие. Улицу обычно перекрывали и процессия двигалась по ней несколько кварталов. Ею руководил специальный человек. В 1960-е гг. было принято на похороны приглашать фотографа, который фиксировал все их этапы. Многие семейные альбомы были заполнены подробными траурными фотографиями. На могиле устанавливали памятник с навершием из пятиконечной красной звезды, стали строить железные оградки [ПМА]. Из-за престижного характера эти инновации быстро получали распространение у бурят полиэтничных сёл.

Государством были разработаны специальные инструкции проведения похорон. Думается, что не все организаторы сельских бурятских похорон были знакомы с печатным текстом, скорее всего опыт перенимался на практике. Например, существовало правило движения траурного кортежа. Участники траурной процессии, достигнув назначенного места, в определённом порядке садятся в ожидающие машины. К кладбищу траурный кортеж движется колонной по системе: машина для участников, несущих портрет и награды, машина с венками, автокатафалк с гробом и близкими родственниками, автобусы с участниками похорон [13]. На кладбище ездило много людей, считалось, что все они потом должны пойти на поминки [ПМА].

Не каждый ординарный сельский человек мог удостоиться таких пышных похорон. Обычно так хоронили заслуженных руководителей, партийных деятелей и молодых. Похороны требовали больших финансовых затрат, поэтому помогали родственники, соседи, друзья и знакомые, а также коллектив, в котором трудился человек. Типичная картина сборов денег на похороны и участливого отношения коллектива к усопшему юмористически показана в фильме Э. Рязанова «Служебный роман». Эта одна из инноваций советского времени, утверждающая коллективное начало социума, имела широкое распространение в стране и в Бурятии.

Несмотря на социалистические лозунги о равенстве и братстве, полевые материалы выявляют дифференциацию похорон по социально-экономическому признаку. Похороны людей высокого положения в бурятском колхозном социуме носили общественный характер. Если умирал руководящий работник, парторг, коммунист, то похоронами занималась специально созданная в организации комиссия, прощание проходило в помещении учреждения, где у гроба стоял почётный ка-

раул из сослуживцев с чёрными повязками на руках, звучала соответствующая музыка, говорились речи. Надо полагать, что сборы на похороны руководителей были, вероятно, более существенными, хотя бы из-за количества пришедших на них. Похороны рядового человека проводила семья, в последний путь покойного провожали обычно из его дома. Прощались во дворе, где проводили также некоторые необходимые традиционные ритуалы [ПМА].

В соответствии с советским похоронным обрядом на кладбище состоялся второй траурный митинг, чтобы ещё раз напомнить о заслугах человека, выразить скорбь по поводу утраты и соболезнование родным [ПМА]. На свежей могиле устанавливали портрет, возлагали венки и цветы в следующем порядке: от семьи и родственников, затем от коллег и друзей. Поминки были многолюдными. Они также различались по разнообразию меню, качеству водки и количеству людей. Для людей высокого общественного положения поминки устраивали в учреждениях общественного питания. У рядовых людей они проходили в его доме, где накрывали несколько столов, усаживая три–четыре очереди. Инновация здесь заключается в появлении на бурятских поминальных столах в больших полиэтничных селах помимо традиционной пищи разнообразных городских праздничных блюд: водки, киселя, кутьи, блинов, котлет, кур, салатов, колбасных и рыбных нарезок, выпечки. На поминальный стол перед фотографией покойника ставили стопку водки, накрытую куском чёрного хлеба [ПМА]. Как видим, здесь также присутствуют элементы русского поминального стола, ставшие в СССР интернациональными.

В малых моноэтничных поселениях доминировала национальная бурятская кухня. Важной инновацией советского периода для бурят-буддистов явилось введение в поминальную трапезу алкогольных напитков. Жители с. Загустай Кижингинского р-на РБ отмечают, что где-то с 1965 г. на похоронах стали подавать по три стопки водки, так называемые три *духаряна*. Это традиция была распространена повсеместно и продержалась около двух десятилетий, но с середины 1980-х гг., с началом перестройки, когда началось движение по возрождению национальных традиций, алкоголь на похоронах был запрещён буддийской церковью [ПМА].

У предбайкальских бурят алкоголь традиционно играет важную роль в погребальной обрядности, которая сохраняется и в советское время. По обычаю с первого дня смерти человека в обрядах присутствуют спиртные напитки. Каждый взрослый, пришедший проститься, приносит водку для ритуального капанья у изголовья покойного. Принесённая водка является в данной группе бурят своеобразной помощью (*туhаламжа*) семье для проведения поминок, на которых обязателен алкоголь. В пору всеобщего дефицита и антиалкогольной кампании, когда водку можно было приобрести только по талону, при норме на взрослого человека две бутылки в месяц, было установлено правило сельскому совету выдавать семье для поминок талоны на один или несколько ящиков водки. В одном ящике было 20 бутылок [ПМА].

Установившийся к 1970-м гг. гражданский советский погребальный обряд у бурят, так же как у всех народов СССР, сохранял этнические и конфессиональные компоненты. Такую ситуацию по отношению к городским улан-удэнским бурятам, которая, скорее всего, была характерна и для жителей больших полиэтничных сел, выявила Е. В. Ардонова. Она выделяет два типа погребально-поминальной обрядности бурят: гражданский (безрелигиозный) и гражданско-религиозный (полугражданский). Первый тип соответствует приведённой нами выше модели советских похорон, которая, наверно, не всегда применялась в действительности. На наш взгляд, более распространённым был второй тип, при котором, как правильно считает Е. В. Ардонова: «Соблюдался как бы двойной ритуал погребения, так как проводят гражданскую панихиду, но в то же время бывают соблюдены элементы религиозного обряда» [1, с. 82–83]. Далее в гражданско-религиозном погребально-поминальном обряде бурят выделены две разновидности: гражданско-ламаистский и гражданско-шаманистский [11, с. 83].

Действительно, в целях приобретения покойным «правильной» реинкарнации и предотвращения его вредоносного воздействия на оставшихся в живых родственниках советская похоронная обрядность сочеталась с элементами буддийской обрядности. Умилостивительно-предохранительные обряды больше практиковались у сельских жителей-буддистов, особенно в моноэтничных бурятских сёлах. Согласно полевым материалам буряты-буддисты следовали советам лам, с их помощью определяли благоприятное время похорон; выявляли людей, которые могли прикасаться к телу; узнавали годы рождения людей, которые не могли трогать покойника, ездить на кладбище; узнавали перечень необходимых молебнов и заказывали их; определяли наименование иконы с изобра-

жением сахюусана; после похорон, обычно на 49-й день подносили подаяние ламам в виде обеда для всей общины (*манжа*); по истечении года лам высокого ранга путём гадания узнавал о качестве перерождения и т. д. [ПМА].

После погребения участники похорон трижды обходили могилу по солнцу, при этом один держал священную книгу в руках, другой курильницу с благовониями, третий икону [ПМА]. С этим же обычаем столкнулась Н. Л. Жуковская в г. Чойболсане (МНР) в 1969 г. Она пишет: «А в сугубо современном гражданском обряде погребения можно отметить весьма древний момент обхождения уже зарытого в могилу покойника кругом по солнцу, проходившего под громкие звуки похоронной музыки, исполняемой оркестром, завершавшего всю траурную процессию и» [11, с. 123]. Здесь налицо вкрапление у монголов и бурят в советскую похоронную обрядность буддийских элементов. В конце июня 1961 г. И. Е. Тугутов подробно зафиксировал похороны 80-летней женщины, которые наглядно показывают совмещение новых символов с традиционными элементами погребальной обрядности [20].

По возвращении с кладбища, куда в советское время стали выезжать наряду с мужчинами и женщины всех возрастов, во дворе мыли руки водой, освящённой *аршаном*, проходили между огней, очищаясь благовонными воскурениями. Поминки – торжественный праздничный обед, сопровождаемый обрядами. В больших полиэтничных сёлах, где влияние православной культуры и советской идеологии было сильнее, у бурят постепенно внедряется перечень обязательно подаваемых поминальных блюд в виде кутьи, киселя и блинов. На поминках по обычаю советского времени произносили хвалебные речи о покойном. В 1960–70-х. гг. поминальную водку подавали в стаканчиках, которые разносили на подносах. Считалось нормой подача трёх рюмок, после которых люди пили кисель и вставали из-за стола. Этот своеобразный этикет впоследствии стал трансформироваться. Поминки стали продолжительными, беседы задушевными, а водку после первой её раздачи в стаканчиках ставили в бутылках на столы для свободного употребления [ПМА].

Во время поминок в домах убеждённых буддистов лама совершал обряд «*гурум*», спасающий от вредных последствий похорон – «*ухээлэй хойтые заhаха*», после него проводили обряд «*далалга*», которым завершался первый цикл похоронно-поминальных обрядов [4, с. 119]. В советские годы большинство семей не могли позволить присутствие ламы или шамана на похоронах из-за невозможности их найти, из-за финансовых проблем и из боязни партийных и советских органов. У буддистов в большей степени сохранялся обычай поддерживания в течение 49 дней после смерти неугасимого огня в лампаде. Это очень важный момент, связанный с реинкарнацией, так как лампадка освещает путь странствующей душе. Вторые поминки проводились у бурят-буддистов на 49-й день, других поминальных застолий у бурят-буддистов не было.

Одна из форм эмансипации бурятских женщин, особенно забайкальских, в советское время заключалась в том, что они получили право наравне с мужчинами участвовать в похоронах на кладбище. Несмотря на то, что основная часть женщин с пониманием относится к традиционному запрету, оказывается, есть те, кто считает это дискриминацией по половому признаку. Некоторым кажется, что обычай, запрещающий бурятским женщинам участвовать в непосредственном погребении на кладбище, подниматься на священные горы и заходить в другие сакральные места во время обрядов, свидетельствует об ущемлении их прав. Одна из информантов говорит: «Разве не от женщин эти мужчины на свет рождаются?! Так чего же нас считают нечистыми? Говорят, мол, женщины святое место загрязняют» [ПМА]. Другие тоже не понимают суть обычая, думая, что он возник из желания оградить женщин от тяжёлых испытаний, что посещение кладбища беременными женщинами или женщинами с грудными и маленькими детьми негативно скажется на их здоровье и потомстве. Есть ещё одно народное объяснение обычая. Считается, что женщины слезами могут утопить душу усопшего [ПМА]. Женщины из с. Ульдурга Еравнинского р-на РБ вспоминают, что в 1983 г. женщина потеряла сознание на кладбище, что было воспринято как знак свыше. С тех пор они туда не ходят [ПМА].

Другая форма эмансипации женщин привела у бурят-буддистов к их равноправному с мужчинами употреблению алкоголя на общественных мероприятиях. Некоторые информанты, на наш взгляд, совершенно обоснованно считают, что женский алкоголизм у бурят-буддистов получил массовое начало в советское время во многом благодаря традиции обязательного ежегодонго празднования людьми всех возрастов дней рождений на работе и дома, массового посещения так называемых «горячих» поминок (бурятское – *буян*) и других поминальных дней (9, 20, 40, 49-й день, год и т. д.). По их мнению, в до-

вольно закрытом сельском сообществе, где в советское время все мероприятия охватывали почти весь социум, таких дней становится достаточно для приобретения вредных привычек.

Приведённые материалы свидетельствуют, что в советское время погребальная обрядность бурят, в т. ч. её технологическое и идеологическое оформление, отражает все крупные этапы истории СССР. Она сохраняет свою традиционную специфику в первые годы советской власти, затем в соответствии с углублением атеистической пропаганды и ликвидацией духовенства в значительной степени теряет религиозную наполненность в полиэтничных сёлах, а в моноэтничных улусах нередко реализуется подпольно. Послевоенное время характеризуется ослаблением атеистического прессинга: появление дацанов с несколькими официальными (штатными) ламами и некоторая легализация деятельности шаманов позволяют более открыто совершать элементы традиционных поминальных обрядов. С 1960-х гг. у бурят, как у всех народов полиэтничного государства СССР, получает развитие новая, гражданская советская погребальная обрядность, основа которой сохраняется в некоторой степени до настоящего времени при похоронах высокой категории. Её развитие и полное формирование заняло два десятилетия с 1965 г., начала этапа развитого социализма, до 1970–85-х гг., времени, называемого впоследствии «периодом застоя».

Анализ приведённых достоверных материалов позволяет выдвинуть следующую периодизацию становления и развития погребальной обрядности у бурят в советское время: с 1920-х до 1937 г – период традиционной практики погребальной обрядности с предпочтительной ингумацией, с соблюдением шаманских и буддийских обрядов; с 1937 по 1946 г. – период практики погребальной обрядности с ингумацией в отсутствие буддийских дацанов и священнослужителей, который характеризуется появлением тайных коллективных чтений молитв, в т. ч. на похоронах; с 1960-х гг. – время установления норм гражданской советской похоронной обрядности, которые на практике почти всегда сочетаются с элементами религиозной традиции (шаманской и буддийской).

Таким образом, модернизационный рывок СССР привёл к кардинальным переменам в жизни всех народов страны, в т. ч. бурят. В результате складывания советского образа жизни, сопровождаемого мерами по преодолению этничности, создаётся ряд общих черт, характерных для советского народа. При этом сохраняется неискоренимый местный колорит, обусловленный вековой традиционной культурой и конфессиональной принадлежностью народа. Социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни бурят, включая обрядность из цикла жизни человека, а именно погребальную. Результаты статьи могут иметь практическое значение в организации работы ритуальной службы на этнической территории бурят. Статья открывает перспективы для дальнейшего объективного изучения советского периода на основе современных методологий и методов.

Список информантов

Башинов А. П., 1942 г. р., с. Ирхидей, Осинский р-н Иркутской области. Бодоева П. К., 1928 г. р., с. Бохан, Боханский р-н Иркутской области.

Буянтуева, Д. Н. 1943 г. р., с. Верхний Торей, Джидинский р-н РБ.

Дагбаев Ш. Ц., 1956 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Данзанова К.-С. Ц., 1948 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Дамдинжапова г. Д., 1935 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Догсонова Д. Ц., 1941 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Дониров А. А., 1949 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Доржитаров С. О., 1940 г. р., с. Верхний Торей, Джидинский р-н РБ.

Мункуева Д. П., 1927 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Паткина И. Б., 1947 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.

Соболев В. С., 1927 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.;

Содномов П. Н., 1945 г. р., с. Баянгол Кижингинский р-н РБ.

Соропова Д. Д., 1948 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Суворов С. И., 1952 г. р., с. Кижинга, Кижингинский р-н РБ.

Сультимова г. Б., 1949 г. р., с. Исинга, Еравнинский р-н РБ.

Тарбаева Ц-Д. М., 1935 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Тугултурова Н. Б., 1922 г. р., с. Могсохон, Кижингинский р-н РБ.

Улзытуева Ц.-Е. С., 1934 г р., с. Нижний Бургултай, Джидинский р-н РБ.

Унхеев П. Н., 1952 г. р., с. Ранжурово, Кабанский р-н РБ.

Халхаров Д. Х., 1940 г. р., с. Сосново-Озерское, Еравнинский р-н РБ.

Цыденов Ч. Ц. (Чингиз лама), 1972 г. р., с. Усть-Эгита, Еравнинский р-н РБ.

Чимитова Х. Б., 1921 г. р., с. Ульдурга, Еравнинский р-н РБ.

Список литературы

1. Ардонова Е. В. Погребально-поминальный обряд бурят города Улан-Удэ / Е. В. Ардонова // Гуманитарные исследования молодых учёных Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 81–87.

2. Буддизм: словарь. М.: Республика, 1992. 287 с.

3. Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 136 с.

4. Галданова Г. Р. Традиционные веования и обычаи забайкальских бурят в рукописях Г.-Д. Нацова // Исследования по исторической этнографии монгольских народов: сб. ст. Улан-Удэ: Изд-во БФ СО АН СССР, 1986. С. 112–129.

5. Елютина М. Э., Филиппова С. В. Традиции и инновации в сфере похоронного дела // Вестн. Сарат. гос. техн. ун-та. 2010. № 3 (1). С. 298–308.

6. Жамбалова С. Г. Реминисценции кочевого образа жизни на фоне повседневных практик советского и постсоветского времени (устная история Г. Б. Тудиновой). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 148 с.

7. Жамбалова С. Г. О народном буддизме в современной Бурятии // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 87–93.

8. Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) / С. Г. Жамбалова. Новосибирск: Наука, 2000. 400 с.

9. Жамбалова С. Г. Село Ацагат Бурятии – частичка обновляющейся России // Гуманитарные исследования Сибири в контексте обновления историографических практик: материалы всерос. науч.-практ. семинара. Ч. II. Братск, 2010. С. 195.

10. Жамцарано Ц. Ж. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

11. Жуковская Н. Л. Ламаизм и ранние формы религии / Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 1977. 199 с.

12. Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2008. 600 с.

13. Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в Российской Федерации / М. Ю. Лимонад, В. П. Ковалевский, Л. Н. Гавриков [и др.]. М., 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.norm-load.ru/SNiP/Data1/8/8360/index.htm (дата обращения: 25.05. 2013).

14. Ламаизм в Бурятии XVIII–XX вв. / Г. Р. Галданова, К. М. Герасимова, Д. Б. Дашиев [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 233 с.

15. Марков Г. Е. Структура и исторические типы образа жизни // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука,1985. С. 244–261.

16. Нацов Г.-Д. Ц. Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 137 с.

17. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу / А. М. Позднеев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

References

1. Ardonova E. V. Pogrebal'no-pominal'nyi obryad buryat goroda Ulan-Ude / E. V. Ardonova // Gumanitar-nye issledovaniya molodykh uchenykh Buryatii. Ulan-Ude, 1996. S. 81–87.

2. Buddizm: slovar'. M.: Respublika, 1992. 287 s.

3. Vanchikova Ts. P., Chimitdorzhin D. G. Istoriya buddizma v Buryatii: 1945–2000 gg. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2006. 136 s.

4. Galdanova G. R. Traditsionnye verovaniya i obychai zabaikal'skikh buryat v rukopisyakh G.-D. Natsova // Issledovaniya po istoricheskoi etnografii mongol'skikh narodov: sb. st. Ulan-Ude: Izd-vo BF SO AN SSSR, 1986. S. 112–129.

5. Elyutina M. E., Filippova S. V. Traditsii i innovatsii v sfere pokhoronnogo dela // Vestn. Sarat. gos. tekhn. un-ta. 2010. № 3 (1). S. 298–308.

6. Zhambalova S. G. Reministsentsii kochevogo obraza zhizni na fone povsednevnykh praktik sovetskogo i postsovetskogo vremeni (ustnaya istoriya G. B. Tudinovoi). Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2013. 148 s.

7. Zhambalova S. G. O narodnom buddizme v sovremennoi Buryatii // Gumanitarnyi vektor. 2011. № 2 (26). S. 87–93.

8. Zhambalova S. G. Profannyi i sakral'nyi miry ol'khonskikh buryat (XIX–XX vv.) / S. G. Zhambalova. Novosibirsk: Nauka, 2000. 400 s.

9. Zhambalova S. G. Selo Atsagat Buryatii – chastichka obnovlyayushcheisya Rossii // Gumanitarnye issledovaniya Sibiri v kontekste obnovleniya istoriograficheskikh praktik: materialy vseros. nauch.-prakt. seminara. Ch. II. Bratsk, 2010. S. 195.

10. Zhamtsarano Ts.Zh. Putevye dnevniki 1903–1907 gg. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2001. 382 s.

11. Zhukovskaya N. L. Lamaizm i rannie formy religii / N. L. Zhukovskaya. M.: Nauka, 1977. 199 s.

12. Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabaikal'e. M.: Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2008. 600 s.

13. Instruktsiya o poryadke pokhoron i soderzhanii kladbishch v Rossiiskoi Federatsii / M. Yu. Limonad, V. P. Kovalevskii, L. N. Gavrikov [i dr.]. M., 2000. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.norm-load.ru/SNiP/Data1/8/8360/index.htm (data obrashcheniya: 25.05. 2013).

14. Lamaizm v Buryatii XVIII–XX vv. / G. R. Galdanova, K. M. Gerasimova, D. B. Dashiev [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 233 s.

15. Markov G. E. Struktura i istoricheskie tipy obraza zhizni // Etnograficheskie issledovaniya razvitiya kul'tury. M.: Nauka,1985. S. 244–261.

16. Natsov G.-D.Ts. Materialy po istorii i kul'ture buryat. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 1995. 137 s.

17. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu / A. M. Pozdneev. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1993. 512 s.

18. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху Средневековья: автореф. дис. … д-ра культурологии: 24.00.01 / В. И. Семёнова. Томск, 2006. 48 с.

19. Суворова А. С. Погребальная обрядность бурят: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.07 / Суворова Арюна Станиславовна. Улан-Удэ, 2014. 26 с.

20. Тугутов И. Е. Материалы Агинской этнографической экспедиции БКНИИ / И. Е. Тугутов // ОФ ЦВРК ИМБТ СО РАН. Д. 1909. 1961 г. 69 с.

21. Якушин С. Обряд «Похороны» в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.funeralportal.ru/magazine/1021/4830.html. (дата обращения: 14.02.2013).

18. Semenova V. I. Mirovozzrencheskie istoki pogrebal'noi obryadnosti v kul'ture narodov Zapadnoi Sibiri v epokhu Srednevekov'ya: avtoref. dis. … d-ra kul'turologii: 24.00.01 / V. I. Semenova. Tomsk, 2006. 48 c.

19. Suvorova A. S. Pogrebal'naya obryadnost' buryat: avtoref. dis. … kand. ist. nauk: 07.00.07 / Suvorova Aryuna Stanislavovna. Ulan-Ude, 2014. 26 s.

20. Tugutov I. E. Materialy Aginskoi etnograficheskoi ekspeditsii BKNII / I. E. Tugutov // OF TsVRK IMBT SO RAN. D. 1909. 1961 g. 69 s.

21. Yakushin S. Obryad «Pokhorony» v SSSR [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.funeralportal.ru/magazine/1021/4830.html. (data obrashcheniya: 14.02.2013).

Статья поступила в редакцию 14.04.2015

УДК 001:94(517.3)
ББК 72+63.3(5Мон)

Оксана Николаевна Полянская,
кандидат исторических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а),
e-mail: PolGrab@mail.ru

Преподаватели синодальных учебных заведений России у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822–1865)

Статья посвящена изучению культуры монгольских народов в синодальных учебных заведениях России, развивавшейся под влиянием университетской ориенталистики и потому имевшей значительную научную составляющую. Рассматривается жизнь и научная деятельность Алексея Александровича Бобровникова – учёного и педагога с точки зрения становления научного монголоведения в России и историографического анализа публикаций, посвящённых этому человеку – автору фундаментального труда «Грамматика монголо-калмыцкого языка» (1849). Публикация показывает взаимосвязь двух центров России I половины XIX века – Иркутска и Казани, деятельность Казанской духовной академии и Иркутской семинарии, где монголоведение нашло свои истоки и получило дальнейшее развитие. Эти учебные заведения Синода сыграли важную роль в подготовке знатоков монгольского языка и буддийской религии. В статье впервые отмечен интересный факт взаимодействия и взаимовлияния А. А. Бобровникова и А. М. Орлова – миссионера, преподавателя Иркутской духовной семинарии, автора «Монголо-бурятской грамматики (1878)», показано сходство их мнения о многообразии разговорного монгольского языка. Оценивая деятельность востоковедов духовных учебных заведений по филологии монгольских народов, автор статьи делает вывод, что их работы стали важным шагом в изучении монгольского языка, с точки зрения не только прикладного значения, но и научного.

Ключевые слова: монголоведение в России, Казанская духовная академия, Иркутская семинария, А. И. и А. А. Бобровниковы, А. М. Орлов, монгольский язык.

Oksana Nikolaevna Polyanskaya,
Candidate of History, Associate Professor,
Buryat State University
(A 24 Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000),
e-mail: PolGrab@mail.ru

Teachers of Synodic Educational Institutions in Russia at the beginnings of Scientific Mongolian Studies: A. A. Bobrovnikov (1822–1865)

The article is devoted to the study of the Mongolian people in synodic educational institutions in Russia, which was influenced by oriental studies in universities; therefore, it had a considerable scientific importance. The article focuses on life and scientific activity of Aleksey Aleksandrovich Bobrovnikov – a scientist and a teacher in the context of formation of scientific Mongolian studies in Russia and analysis of historical works devoted to the scientist who was the author of authoritative work – "Grammar of Mongolian – Kalmyk language" (Kazan, 1849). The paper reflects correlation of two Russian centers in the first part of the XIX century – Irkutsk and Kazan, the activity of Kazan Ecclesiastical Academy and Irkutsk Seminary, where the studies of Mongolian people originated and developed in the future. These synodic educational institutions were of key importance as they trained experts in the Mongolian language and Buddhism. For the first time an interesting fact of interaction between A. A. Bobrovnikov and A. M. Orlov is stated in the article. A. M. Orlov was a missionary, a teacher of Irkutsk Ecclesiastical Seminary; the author of "Mongol-Buryat Grammar" (1878), which reflects likeness of their opinions about the variety of the spoken Mongolian language. The author of the article gives estimation of the orientalists' study of Mongolian philology in synodic educational institutions and concludes that their works played an important role in studies of the Mongolian language because they had applied significance as well as scientific value.

Keywords: Mongolian studies in Russia, Kazan Ecclesiastical Academy, Irkutsk Seminary, A. I. and A. A. Bobrovnikovs, A. M. Orlov, the Mongolian language.

В 2015 г. исполняется 150 лет со дня смерти одного из значимых представителей научной школы монголоведения в России, выпускника Иркутской духовной семинарии (1842) и Казанской духовной Академии (1848) Алексея Александровича Бобровникова, автора фундаментального труда «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» (1849), став-

© Полянская О. Н., 2015

шего «классической грамматической основой в монголоведении» [10, с. 101]. В научном мире середины XIX В. грамматика А. А. Бобровникова получила широкий отклик, «большую сенсацию», как писал С. А. Венгеров[1]. Санскритолог О. Н. Бетлинг (1815–1904) на заседаниях Академии наук назвал книгу А. А. Бобровникова замечательнейшим явлением в филологии. Известный востоковед П. С. Савельев (1814–1859) написал, что «Грамматика монгольско-калмыцкого языка, которая есть вместе и первая грамматика живого, не книжного монгольского языка, труд обширный и добросовестный, новый шаг в монгольской филологии». Рецензия, которая представила Грамматику А. А. Бобровникова научной общественности, открыла её для изучающих монгольский язык, была написана учёным с мировым именем, монголоведом, профессором Казанского университета О. М. Ковалевским (1801–1878) [4, с. 84–85], написавшим рецензию на работу А. А. Бобровникова, предварительно тщательно изучив её. Указывая на некоторые недостатки, О. М. Ковалевский отмечал, что «эти недостатки выкупаются блистательными достоинствами всего сочинения, хорошо обдуманного, разрешившего много спорных доселе вопросов. Потому автор... приобрёл полное право на внимание и поощрение со стороны просвещённого своего начальства, а его добросовестный труд, если будет напечатан, должен почитаться драгоценным подарком для восточной филологии» [4, с. 84–85]. Для присуждения А. А. Бобровникову Демидовской премии[2] О. М. Ковалевскому было поручено написать ещё один отзыв на Грамматику. В нём Осип Михайлович последовательно в каждой части грамматики указывал на допущенные автором неточности. Некоторые выводы учёный называл «смелыми предположениями» и указывал на то, что А. А. Бобровникову следовало бы ещё поработать над монгольско-калмыцкой грамматикой, чтобы довести её до «значительного совершенства». Эта рецензия оказалась более сдержанной и обстоятельной, чем первая. Тем не менее, несмотря на замечания, О. М. Ковалевский сделал следующее заключение: «…Грамматика Бобровникова – плод самостоятельных изысканий, труд добросовестный, заслуживает поощрения со стороны академии наук, при раздаче Демидовских премий»[3]. Грамматика была удостоена Демидовской премии 1 мая 1851 г. [4]

Казанская духовная академия, где обучался, а затем работал А. А. Бобровников, на огромной территории, включающей Поволжье, Прикамье, Приуралье, Сибирь и Кавказ, Пензенскую и Тамбовскую губернии, проводила миссионерскую деятельность. В задачи миссионеров входило не только распространение христианства среди народов, населяющих её, но и изучение этих народов, в первую очередь в плане языка и религии. Поэтому предметом научного изучения казанских миссионеров были языки тюркских, финно-угорских и монгольских народов России. Миссионерское востоковедение формировалось как прикладное, призванное способствовать христианизации национальных окраин Российской империи, но при этом в нём намечалась и значительная научная составляющая, так как оно складывалось под влиянием академического и университетского востоковедения. Становление известных востоковедов Казанской духовной академии Н. И. Ильминского, А. А. Бобровникова, Г. С. Саблукова проходило под непосредственным влиянием учёных с мировым именем: тюркологов А. К. Казем-Бека и Х. Д. Френа, монголоведов О. М. Ковалевского и А. В. Попова. Это не могло не отразиться на научной деятельности первых преподавателей миссионерских отделений Академии. «Они, – по утверждению востоковеда И. Ю. Крачковского, – явились до некоторой степени основателями этой школы, но сами были на голову выше едва ли не всех её представителей, как по природным дарованиям, так и по знаниям и приёмам» [1, с. 222]. Их научные исследования отражали не только задачи миссионерского просветительства, но и тенденции, присущие отечественному востоковедению середины XIX в., которое носило преимущественно филологический характер, но при этом всё чаще обращалось к изучению вопросов религии и этнографии. В этой связи можно с уверенностью сказать, что имя А. А. Бобровникова для развития монголоведного направления в Казанской духовной академии столь же значимо, как и имя профессора О. М. Ковалевского для Казанского университета – основателя первой в Европе кафедры монгольского языка (1833).

[1] Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920), русский историк литературы, библиограф.

[2] Демидовская премия присуждалась Петербургской академией наук в 1832–1865 гг. за публикованные труды по науке, технике, искусству. Считалась высшей научной наградой России того времени. Учредителем премии был Павел Николаевич Демидов (1798–1840).

[3] Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Учён зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 444.

[4] НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1388. – Л. 12.

Грамматика А. А. Бобровникова использовалась одновременно с трудами О. М. Ковалевского: «Краткой грамматикой монгольского книжного языка» (1835) и «Монгольской хрестоматией»(1836–1837 гг. Т. 1–3)[1]. Их труды служили учебными пособиями и в Казанской духовной академии, и Иркутской семинарии, и Иркутском и Нерчинском духовных училищах[2].

Изучением монгольских народов, их языка, религии занимались миссионеры не только в стенах самой Духовной академии в Казани, но и её подразделениях – семинариях, школах. В этом отношении Иркутская духовная семинария занимает особое место, где монголоведение было приоритетным направлением деятельности. Авторитетным преподавателем монгольского языка в Духовной семинарии Иркутска был её выпускник (1838 г.) Александр Матвеевич Орлов (1816–1889)[3], автор «Грамматики маньчжурского языка» (СПб.,1873), «Грамматики монголо-бурятского разговорного языка» (Казань, 1878). Цель, которую ставил перед собой А. М. Орлов, работая над грамматикой, «вооружить основательным знанием живого бурятского языка личностей из нашей [миссионерской] среды…», а для этого необходимо было правильно построить «монголо-бурятскую речь»[4]. А. М. Орловым были затронуты вопросы о разнообразии говоров бурятского языка, которые получили разностороннее развитие уже в начале XX в. в стенах Санкт-Петербургского университета, благодаря деятельности монголоведа А. Д. Руднева. После окончания семинарии А. М. Орлов был оставлен при ней в качестве преподавателя монгольского. Сопоставляя даты и анализируя факты биографий А. М. Орлова и А. А. Бобровникова, следует сделать вывод о том, что А. М. Орлов преподавал у семинариста Алексея Бобровникова, который поступил в семинарию во второй половине 30-х гг. XIX в. Алексей рано остался сиротой: отец его А. И. Бобровников умер в 1832 г., а через несколько лет умерла и мать, незадолго до смерти она отдала своего сына в семинарию. Как сирота, он был помещён в бурсу (общежитие) Иркутской семинарии, где изучал монгольский язык, с которым был знаком с самого раннего детства, так как его родители были бурятами, принявшими христианство. А. Бобровников как природный бурят прекрасно знал язык монголов и под влиянием учителя семинарии А. М. Орлова задумывался о разнообразии говоров бурят и отличии разговорного языка от книжного. Однако так сложились жизненные обстоятельства каждого из них, что «Грамматика монгольско-калмыцкого-языка» (1849) А. А. Бобровникова вышла раньше «Грамматики монгольско-бурятского языка» (1878) А. М. Орлова. Но очевидно, что их взгляды в отношении составления грамматик, учитывая разность письменной и устной речи монгольских народов, преподавания монгольского языка, совпадали.

Алексей Бобровников, живя и работая в Казани, поддерживал связи с Иркутской семинарией. Составляя свою монгольско-калмыцкую грамматику[5], он, видимо, хотел использовать рукописи отца, а также «исправить и дополнить» их. Его отец Александр Ильич Бобровников служил протоиреем Иркутской епархии и преподавателем монгольского языка Иркутской семинарии (до 1832 г. – года смерти), в совершенстве владел бурятским языком, с помощью лам изучил монгольскую грамоту и монгольский книжный язык. Составил одну из первых монгольских грамматик, сделал переводы христианских книг на монгольский язык. Грамматика монгольского языка Бобровникова-отца долгое время оставалась в рукописи и была издана только в 1835 г. в типографии Святейшего правительственного Синода в Санкт-Петербурге. Грамматика Бобровникова старшего была одним из основных учебных пособий для изучающих монгольский язык в семинарии Иркутска [7, с. 334–344]. Об этом в своих путевых письмах писал востоковед В. П. Васильев по пути в Китай через Иркутск в феврале 1840 г.: «… воспользовался временем и осмотрел собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеке гимназии и семинарии, познакомился с учителями монгольского языка... В семинарии принята в качестве руководства грамматика бывшего протоирея Бобровникова, почитают её первой грамматикой монгольского язык...»[6]

По предположению А. А. Бобровникова рукописи его отца должны были находиться в Иркутске. Поэтому он обратился в правление Казанской духовной академии, чтобы оно отправило туда запрос[7]. Ответ из Иркутской духовной консистории пришёл в октябре

[1] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 3677.

[2] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 3702. – Л. 8, 53, 54, 47–48 об, 49 об; Д. 4086. – Л. 47–50.

[3] НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 3702. – Л. 47 об. – 48.

[4] Орлов А. М. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. – Казань, 1878. – С. V.

[5] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 5. – Д. 871 – Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Соч. бакалавра Казан. духовн. акад. Алексея Бобровникова. – 148 л.

[6] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 4814. – Л. 146–147 об.

[7] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 1.

1849 г., в котором сообщалось, что рукописей Александра Бобровникова у них нет, а есть «книги на монгольском языке числом 22, но все они не рукописные, а печатаные...»[1]. В 1855 г. он вновь обратился в семинарию Иркутска с прошением отправить ему книги на монгольском и русском языках, а также по буддизму и христианству. Вероятно, они понадобились ему при работе над переводом краткой Священной истории, которую он выполнял по поручению правления Казанской духовной академии.

Алексей Бобровников был отправлен в Казань, чтобы продолжить религиозное образование в Духовной академии, в 1842 г. после окончания курса обучения в Иркутской семинарии «первым учеником». Студент Духовной академии Алексей Бобровников усердно занимался. В 1843 г. он просил академическое правление приобрести монгольскую Грамматику и Хрестоматию О. М. Ковалевского и Грамматику И. Я. Шмидта для продолжения изучения языка. Правление академии также обратилось к Осипу Михайловичу с просьбой разрешить студенту А. Бобровникову посещать лекции по монгольскому языку. О. М. Ковалевский с радушием принял нового ученика и всячески содействовал ему в постижении языка монгольских народов и основ буддийской философии. Известный учёный стал его наставником, как и для студентов бурят Казанского университета – Доржи Банзарова и Галсана Гомбоева [4, с. 76–81]. Следует отметить, что О. М. Ковалевский был знаком с отцом Алексея Бобровникова – Александром Ильичом. Он встречался с ним во время научной командировки в Восточную Сибирь (1828–1833 гг.) и своим долгом считал помочь сыну сибирского товарища. Возможно, что уже в Иркутске О. М. Ковалевский заметил способности, тогда ещё мальчика Алексея к языку монголов. Профессор снабжал его книгами на монгольском языке, давал разъяснения по буддизму, совершенствовал его знания в монгольском. Общаясь с О. М. Ковалевским, который со всей ответственностью относился к изучению религии (написал первую работу по буддизму «Буддийская космология» 1835), А. Бобровников всё больше вникает в философию буддизма и под этим влиянием принимает решение весной 1845 г. написать «окончательное, для получения учёной (богословской) степени» сочинение по буддизму на тему «О христианской любви и буддийском самоутверждении как нравственных началах той и другой религии». А. А. Бобровников «старался проникнуть в смысл тёмных буддийских положений, разрозненные мысли соединить в одно целое, развить это целое синтетически из одного положения», – писал однокурсник А. Бобровникова, востоковед Н. И. Ильминский[2].

Необходимо отметить, что в число обязательных предметов для изучения миссионерами наряду с восточными языками входило постижение основ религиозного мировоззрения народов, среди которых им предстояло работать. А. А. Бобровников этому вопросу уделял значительное внимание, поэтому монгольский язык и буддизм были главными предметами его учёной и преподавательской деятельности; он занимался этим, как писал его друг Н. И. Ильминский «с особой любовью и успехом, и по этой части известен замечательными сочинениями и переводами»[3]. Академик В. П. Васильев, авторитетный исследователь буддизма, ставил А. А. Бобровникова в один ряд с такими учёными, как О. М. Ковалевский, А. В. Попов и Г. Гомбоев, внесшими неоценимый вклад в развитие буддологии[4]. Кроме А. А. Бобровникова, из выпускников Казанской духовной академии прекрасным преподавателем основ буддизма и шаманизма стал И. А. Подгорбунский. Он читал курс по религии и работал над составлением монголо-бурятско-русского словаря в Иркутской семинарии [3, с. 20].

В 1846 г. А. А. Бобровников окончил обучение в академии и был оставлен работать учителем математики и монгольско-калмыцкого языка. Фактически 1846 г. – дата начала систематического преподавания восточных языков в Духовной академии Казани, без учёта кратковременных курсов восточных языков, которые организовывала академия для своих слушателей в 1844 г. Монгольскому обучал А. А. Бобровников, турецко-татарскому – Н. И. Ильминский. А. А. Бобровников усердно учительствовал, любимому своему предмету уделял много времени. «За усердное и успешное прохождение должности бакалавра» Алексею Александровичу Бобровникову было объявлено «благословение Святейшего Синода»[5]. А. А. Бобровников был «полным знатоком не только всех тонкостей языка и довольно богатой литературы

[1] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 676. – Л. 3, 3 об.

[2] Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 425.

[3] Там же. – С. 435.

[4] Васильев В. П. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитавшим в Сибири. Соч. Нила, архиеписк. Яросл. – СПб, 1858 // ЖМНП. – Ноябрь. 1858. – С. 90.

[5] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 1388. – Л. 12.

монгольской, но и буддийской философии. Слушателей, к сожалению, было немного, на долю Бобровникова приходилось около 30 человек, но из них занимались монгольским языком только астраханцы и иркутяне»[1]. Среди иркутян, как отмечала Н. Шаракшинова, «в академии обучались в то время будущий историк А. П. Щапов и Афанасий Виноградов» [12, с. 133], ставшие известными исследователями этнографии монгольских народов и организаторами науки в Сибири, активно и плодотворно работая в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества (ВСОРГО). Студентом Алексея Александровича был ещё одни иркутянин – Михаил Васильевич Загоскин (1830–1904), публицист, общественный деятель, активный участник организации работы ВСОРГО: «он долго оставался правителем дел Отдела и редактором его изданий»[2]. Сохранилась его курсовая работа «О переводе святого писания на монгольско-калмыцкий язык» (1852), проверенная А. А. Бобровниковым. Последний, как хороший преподаватель, внимательно относился к воспитанникам академии, тщательно проверял их работы, о каждом студенческом сочинении писал небольшой отзыв[3]. М. В. Загоскин по окончании академии в 1852 г. вернулся в Иркутск и преподавал историю и латынь в духовной семинарии. Это именно он написал «Воспоминания об А. А. Бобровникове»[4], а не Михаил Николаевич Загоскин – известный русский писатель XIX в., как указывала в своей статье Н. О. Шаракшинова [12, с. 131]. Эта закравшаяся ошибка осталась незамеченной и другими, кто обращался к биографии А. А. Бобровникова [10; 11]. Публикация Н. О. Шаракшиновой, а затем Д. Б. Улымжиева [12; 11] значительно расширили представление о личности монголоведа А. А. Бобровникова, привели малоизвестные ранее материалы, письма, характеризующие его как авторитетного учёного [11, с. 88–89]. Необходимо заметить, что обращение к биографии и наследию востоковеда-миссионера, было не частым. Благодаря воспоминаниям его современников однокурсника Н. И. Ильминского[5] и студента М. В. Загоскина есть подробные факты биографии А. А. Бобровникова. Мы также обращались к имени А. А. Бобровникова в своих публикациях по истории становления российской научной школы монголоведения, в основном в связи с биографией и наследием монголоведа О. М. Ковалевского [4; 5; 6; 7]. Иркутские монголоведы Ю. В. Кузьмин [2] и Е. И. Лиштованный [3] в своих работах, посвящённых вопросам изучения монгольских народов в Иркутске, упоминают имя А. А. Бобровникова. Как справедливо отмечает В. Э. Раднаев [10, с. 101], сделавший достаточно подробный филологический разбор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», если бы А. А. Бобровников не написал свою Грамматику, то «остался бы неизвестным учёным, как и многие таланты, не нашедшие средств для воплощения своих выдающихся способностей». Большинство работ А. А. Бобровникова были не напечатаны, а многие из них настигла судьба неизвестности[6].

Работая над «Грамматикой монгольско-калмыцкого языка», А. А. Бобровников показал себя хорошим знатоком истории монгольских народом, географии их расселения, которая в значительной степени определяла характер их деятельности, что, в свою очередь, оказывало влияние на изменения устной речи монгольских племён, рождая множество говоров[7]. «Нынешний язык калмыков, – писал во введении к своей грамматике Алексей Александрович, – почти не имеет никакого отличия от языка северных монголов… Но калмыки отделились своей письменностью». Монгольский алфавит называл «неопределённым» настолько, что «монгол не мог передать живой речи так, как она слышится в устах народа, а должен перелагать её на искусственные книжные формы». После того, как Зая-пандита – религиозный, общественный деятель и просветитель, изобрёл новый алфавит – «понятные буквы» (1648), который распространился только среди калмыков, калмыки могли писать так, как говорили. Однако при переводе священных буддийских книг ещё долгое время использовались старые книжные формы монгольского языка, так как считалось «неприлично

[1] Загоскин М. Воспоминания об А. А. Бобровникове // Сиб. Вестн. – 1865. – № 3. – С. 11.

[2] Письма Г. Н. Потанина / сост.: А .Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль [и др.]. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. – 1990. – Т. 4. – С. 190.

[3] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 2. – Д. 1132. – Л. 64; Д. 498. – Л. 145; Д. 1045. – Л. 181–221.

[4] Загоскин М. Воспоминания об А.А. Бобровникове // Сиб. Вестн. – 1865. – № 3.

[5] Ильминский Н. И. Воспоминания об Алексее Александровиче Бобровникове // Учён. зап. Казан. ун-та. – 1865. – Т. 1. – С. 417–450.

[6] По поручению управления Астраханской семинарии А. А. Бобровников работал над составлением русско-калмыцкого словаря, с целью «пересмотра, поверки и исправления». За эту работу ему объявили благодарность с занесением в послужной список. Также он перевёл с монгольского языка книгу «Устные наставления Манджушрия». Эти работы остались не напечатанными.

[7] Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849. – С. IV–V.

вводить в священные тексты выговор популярный». Поэтому совершенно очевидно, отмечал А. А. Бобровников, что при сравнении письменных калмыцких текстов, особенно новейших, с монгольскими, некоторые ориенталисты считали их разными языками и составили отдельные грамматики. В связи с этим для А. А. Бобровникова его грамматика – это грамматика «не двух наречий, не двух языков, а одного и того же монгольского языка, только рассматриваемого в духе письменностей монгольской и калмыцкой», то же самое, что грамматика «книжно-разговорного монгольского языка»[1]. Это соединение, по его мнению, должно было показать значение монгольского языка и облегчить переход от изучения языка книжного к «разумению живой речи», а также совершить «посильную дань науке», обратив внимание филологов, занимающихся сравнительным изучением «языков монголо-татарского происхождения»[2].

Правление Казанской духовной академии 18 октября 1848 г. постановило: напечатать это учебное пособие в количестве 1200 экземпляров, а также удостоить А. А. Бобровникова награждения[3]. Было принято решение поручить А. А. Бобровникову составить хрестоматию калмыцкого языка – «Монгольско-калмыцкую учебную книжку»[4]. В Казани Алексей Бобровников тесным образом сотрудничал со своими земляками – бурятами Доржи Банзаровым и Галсаном Гомбоевым [6] Г. Гомбоев помогал ему в подборе материалов для Хрестоматии, в частности, предоставил несколько калмыцких рукописей[5]. Нужно заметить, что все эти труды остались незаконченными. А. Бобровников вместе с Г. Гомбоевым составляли и так называемые «разговоры». Г. Гомбоев их называл «монгольско-русские разговоры», Н. И. Ильминский – «калмыцкие», указывая на то, что монголоведы преследовали цель в сжатом объёме собрать «по возможности все житейские обычаи и поверья, а равно религиозные верования калмыков»; судьба этой работы осталась неизвестной. Значительно продвинулись в этом направлении монголоведы начала XX в.: В. Л. Котвич неоднократно совершал поездки в калмыцкие степи, записывал тексты народных песен, сказок, отдельные песни цикла «Джангариады» [8]. А. А. Бобровников был одним из первых, кто начал изучать эпос калмыков. В 1854 г. он по поручению Императорского этнографического общества опубликовал перевод одной торгутской песни «Джангара». Основываясь только на этой песне, он дал верную оценку народному эпосу, что «Джангар» – «оригинальное калмыцкое произведение и, следовательно, уже большая редкость, а во вторых, это произведение народное и потому представляющее собой живое изображение понятий и склонностей калмыка» [11, с. 93]. Тем самым поставил вопрос о необходимости изучения этого народного памятника. За работу над «Джангаром» в декабре 1854 г. А. А. Бобровников был избран членом-корреспондентом этнографического общества[6]. Следует сказать, что с середины XIX в. наряду с академией наук, университетами, духовными учебными заведениями важную роль в исследовательской работе стали играть различные научные общества. Особенно среди них выделялись Русское географическое общество, Этнографическое общество, Общество востоковедов, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии [9], их членами были авторитетные учёные. Результатом взаимодействия этих учреждений стала весьма результативная научная работа.

Миссионерское востоковедение, являясь составной частью ориенталистики, отражало общие тенденции развития российского востоковедения середины XIX – начала XX в. В то же время задачи миссионерской деятельности определяли некоторые характерные особенности научных изысканий востоковедов Духовной академии. В отличие от университетского и академического востоковедения, которое изучало языки, историю, религию и культуру народов как зарубежного Востока, так и азиатской России, востоковеды-миссионеры, в первую очередь, занимались изучением народов, населяющих восточные окраины России; во-вторых, задачи миссионерской деятельности ориентировали их интерес не только к книжному литературному языку этих народов, но и к живому, разговорному. Знание последнего определяло успех в привлечении их к христианской религии. В Казанской духовной академии с началом преподавания восточных языков первоочередной задачей была подготовка учебных пособий, словарей, грамматик. Обращение правления академии к востоковедам Казанского университета не решило этого вопроса. Преподаватели духовных учебных заведений России собственны-

[1] Бобровников А. А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849. – С. VII.

[2] Там же. – С.VIII.

[3] НАРТ. – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 692. – Л. 1–3 об.

[4] Там же.

[5] Там же. – Д. 1175. – Л. 1об., 9об.; Д. 1297. – Л. 4 об.

[6] Бобровников А. А. Джангар. Народная калмыцкая сказка. – Казань, 1854.

ми силами подготавливали учебные пособия по восточным языкам. А. А. Бобровников в этом отношении заметно выделялся среди своих коллег-миссионеров. Он был специалистом широкого профиля, что способствовало его успешным исследованиям и по филологии, и по культуре монгольских народов. Он занимался изучением буддийской философии и проявлял неподдельный интерес к народному поэтическому творчеству. Его «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» до сих пор остаётся авторитетным трудом в монгольском языкознании. К сожалению, А. А. Бобровников вынужден был перейти на службу в Оренбургское пограничное ведомство, где уже не смог продолжить своей научной деятельности в полном объёме.

Миссионерское востоковедение XIX в., развивавшееся под благоприятным влиянием университетской ориенталистики, сыграло значимую роль в развитии и научного монголоведения.

Список литературы

1. Крачковский И. Ю. Чернышевский и ориенталист Г. С. Саблуков // Избр. соч.: в 6 т. М.; Л, 1955. Т. 5. С. 218–226.
2. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос». Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 233 с.
3. Лиштованный Е. И. Монголия в истории Восточной Сибири (XVII–XX вв.): учеб. пособие. Иркутск: ИГУ, 2001.144 с.
4. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (I половина XIX века). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. 140 с.
5. Полянская О. Н. Просветительская деятельность О. М. Ковалевского: подготовка первых бурятских учёных – Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А. А. Бобровникова // Наследие монголоведа О. М. Ковалевского и современность: материалы междунар. науч. конф. 21–24 июня 2001 г. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. С. 58–66.
6. Полянская О. Н. Педагогическая деятельность монголоведов О. Ковалевского, Г. Гомбоева, А. А. Бобровникова // Россия и Монголия сквозь призму времени: материалы междунар. науч. конф. «Улымжиевские чтения – III», посвящённой 80-летию со дня рождения Д. Б. Улымжиева. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ун-та, 2007. С. 168–173.
7. Полянская О. Н. Преподавание восточных языков в духовных заведениях России // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (14–15 января 2010 г., г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ун-та, 2010. С. 334–344.
8. Полянская О. Н. Монголоведные исследования В. Л. Котвича (1872–1944). К 140-летию со дня рождения // Вестн. Бурятск. ун-та. 2012. Вып. 7: История. С. 108–114.
9. Полянская О. Н. Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестн. Бурятск. ун-та. 2013. Вып. 7: История. С. 123–130.
10. Раднаев В. Э. Монгольское языкознание в России в I половине XIX в.: проблемы наследия. Т. 1. Ч. 1. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 392 с.
11. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. ун-та, 1994. 108 с.
12. Шаракшинова Н. О. Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. 1988. № 3. С. 131–136.

References

1. Krachkovskii I.Yu. Chernyshevskii i orientalist G. S. Sablukov // Izbr. soch.: v 6 t. M.; L, 1955. T. 5. S. 218–226.
2. Kuz'min Yu. V. Mongoliya i «Mongol'skii vopros». Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1997. 233 s.
3. Lishtovannyi E. I. Mongoliya v istorii Vostochnoi Sibiri (XVII–XX vv.): ucheb. posobie. Irkutsk: IGU, 2001.144 s.
4. Polyanskaya O. N. Professor O. M. Kovalevskii i Buryatiya (I polovina XIX veka). Ulan-Ude: VSGAKI, 2001. 140 s.
5. Polyanskaya O. N. Prosvetitel'skaya deyatel'nost' O. M. Kovalevskogo: podgotovka pervykh buryatskikh uchenykh – D. Banzarova, G. Gomboeva, A. A. Bobrovnikova // Nasledie mongoloveda O. M. Kovalevskogo i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. 21–24 iyunya 2001 g. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2002. S. 58–66.
6. Polyanskaya O. N. Pedagogicheskaya deyatel'nost' mongolovedov O. Kovalevskogo, G. Gomboeva, A. A. Bobrovnikova // Rossiya i Mongoliya skvoz' prizmu vremeni: materialy mezhdunar. nauch. konf. «Ulymzhievskie chteniya – III», posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. B. Ulymzhieva. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatsk. un-ta, 2007. S. 168–173.
7. Polyanskaya O. N. Prepodavanie vostochnykh yazykov v dukhovnykh zavedeniyakh Rossii // Pravoslavie: missionerstvo i diplomatiya v Sibiri: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (14–15 yanvarya 2010 g., g. Ulan-Ude). Ulan-Ude: Izd-vo Buryatsk. un-ta, 2010. S. 334–344.
8. Polyanskaya O. N. Mongolovednye issledovaniya V. L. Kotvicha (1872–1944). K 140-letiyu so dnya rozhdeniya // Vestn. Buryatsk. un-ta. 2012. Vyp. 7: Istoriya. S. 108–114.
9. Polyanskaya O. N. Mongolovednye napravleniya v issledovaniyakh Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii // Vestn. Buryatsk. un-ta. 2013. Vyp. 7: Istoriya. S. 123–130.
10. Radnaev V. E. Mongol'skoe yazykoznanie v Rossii v I polovine XIX v.: problemy naslediya. T. 1. Ch. 1. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2012. 392 s.
11. Ulymzhiev D. B. Stranitsy otechestvennogo mongolovedeniya. Kazanskaya shkola mongolovedov. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatsk. un-ta, 1994. 108 s.
12. Sharakshinova N. O. Mongoloved Aleksei Bobrovnikov // Baikal. 1988. № 3. S. 131–136.

Статья поступила в редакцию 29.04.2015

УДК 811.512.162
ББК 81.63

Солтанов Мамедхан Джамил оглы,
кандидат филологических наук, доцент,
Азербайджанский государственный педагогический университет
(370000, Азербайджан, г. Баку, ул. У.Гаджибекова, 34),
e-mail: smammedxan@mail.ru

Об исторических и религиозно-мифологических личных именах в ашугском творчестве

Ашугское творчество являясь фундаментом не только поэтического мышления, но и она духовна мудрая школа, которая таит в себе бесценную эстетическую красоту и уникальный, неповторимый вкус Азербайджанского народа. Ашугское творчество отличается именно своим богатством и разнообразием стиля речи. Простота, красочность и поэтичность народного языка ярче выражается в ашугском творчестве. В этой поэзии очень искусно и с высокой профессиональностью были подобраны слова из бесценной сокровищницы Азербайджанского языка. Используя тончайший неповторимый эмоциональный стиль, было создано богатая и разнообразная поэтика, которая полна изобразительно-выразительными выражениями. .

Одну из самых актуальных научно-исследовательских областей в современном азербайджанском языкознании составляют ономастические единицы, изучение их признаков и особенностей. Ономастические единицы – это используемые в языке имена собственные. В ашугском творчестве также были умело использованы ономастические единицы, являющиеся интересной частью речи, созданы неповторимые и удивительные художественные словесные обороты, поэтические словесные комплексы, крылатые выражения. В статье представлена подробная информация о некоторых исторических и религиозно-мифологических личных именах, применяемых в азербайджанской ашугской поэзии, а также раскрывается этимологический корень данных имён.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, этимология, ономастические единицы, личных имён, этимологический корень, источник.

Mamedkhan Jameel ogly Soltanov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Azerbaijan State Pedagogical University
(34 Gagibekov St., Baku, Azerbaijan, 370000),
e-mail: smammedxan@mail.ru

On Some Historical and Religious-Legendary Personal Names used in Ashug Works

Ashug works are not only the foundation of poetic thought, but it is a wise spiritual school, which holds invaluable aesthetic beauty and unique taste of the Azerbaijani people. Ashug works are characterized by richness and variety of speech style. Simplicity and poetic of vernacular is brighter expressed in Ashug works. In this poetry the words from the priceless treasures of the Azerbaijani language were chosen in very skillful and professional way. Using the finest unique emotional style, rich and diverse poetics full of figurative-expressive expressions was created.

Onomastic units, study of their characteristics and features constitute one of the most important research areas in modern Azerbaijan linguistics. Onomastics units are proper names used in the language. Ashug works used onomastic units, which are an interesting part of speech; unique and amazing artistic verbal constructions, poetic verbal complexes, and sayings were created. The article provides the detailed information on some historical and religious-mythological personal names, used in Azerbaijan Ashug poetry and reveals the etymological root of these names.

Keywords: onomastics, anthroponym, etymology, onomastic units, personal names, etymological root, source.

В ашугском творчестве использовано большое количество исторических и религиозно-мифологических личных имён – имён, которые оставили в мировой истории определённый след. Такие личные имена часто можно встретить в образцах ашугского творчества в виде шаблонных форм, устойчивых выражений. Редко можно встретить народного ашуга или мастера народного искусства, в творчестве которых в той или иной мере не использовались бы исторические и религиозно-мифологические личные имена.

В качестве дополнения следует отметить тот факт, что в ашугском творчестве исторические и религиозно-мифологические личные имена более широко использованы в стилистических моментах и нюансах, для проведения аналогии и сравнения, создания красоч-

© Солтанов М. Д.-О., 2015

ных средств художественного изображения и выражения.

Использование исторических и религиозно-мифологических личных имён в ашугской поэзии выполняет аналогичную функцию – с одной стороны, служит приданию им определённого исторического колорита в связи с содержанием произведений, выполняет функцию художественного сопоставления; а с другой стороны, ашуги используют эти имена для демонстрации и более выпуклого представления мощи своего слова, искусства, и в этих стихах пропаганда религиозных ценностей, можно сказать, не чувствуется.

С данной точки зрения рассмотрим следующие образцы ашугского творчества.

Одним из наиболее употребляемых в ашугском творчестве имён исторических личностей является антропоним Искендер. Данная ономастическая единица – имя собственное, исторические корни которого восходят к поэме «Искендернаме» нашего великого поэта Низами Гянджеви, далее воплотившееся в произведении «Мертвецы» выдающегося драматурга Джалила Мамедкулизаде, широко распространённое в антропонимической системе Азербайджана, своими этимологическими корнями связано с именем правителя Александра Македонского, известного порой под именем «Рогатый Искендер», жившего в 356–323 до н. э. [10, с. 104]. Имя этого правителя-полководца, известного в мировом масштабе, было разделено арабами на две части, в соответствии с их языком, и принято в форме Аль-скендер. Как мы знаем, «аль» – неопределённый артикль в арабском языке, который используется в начале имён существительных и не имеет никакой смысловой нагрузки. Впоследствии в результате постепенного отпадания данной частицы, возникла антропонимическая единица Искендер.

На самом деле слово «Александр» действительно состоит из двух компонентов, частей и образовалось от соединения двух слов в греческом языке – «алекс» и «андр». В греческом языке слово «алекс» означает «защитник, сторонник, принимающий сторону, приверженец», а слово «андр» – «человек, личность, мужчина, муж». Если посмотреть на смысловое значение имени в целом, антропоним «Александр» можно пояснить как «защищающий, охраняющий человек, приверженная личность» [8, с. 28–29].

Что касается употребления личного имени Искендер в азербайджанской антропонимической системе, великий поэт Низами употребил его как тюркское имя и употребление имени Искендер среди азербайджанцев относится именно к периоду после Низами. Отсюда можно сделать вывод, что азербайджанцы, начиная с данного периода, при наречении своих сыновей думали именно о герое Низами – правителе-полководце, и брали за основу мотив его героизма, мужества. При этом они опирались не на этимологические корни данного антропонима, а на представление его в творчестве Низами в качестве героя художественного произведения, совершенного правителя, мужественного полководца и справедливого к тюркам военачальника. Следовательно, исходя из данного положения, корни состава личного имени Искендер можно раскрыть в значениях «мужественный полководец, отважный и умный правитель».

Имя Хатам, или Хатами-Таи, употребляемое в восточной литературе в символическом смысле в значениях великодушный, щедрый, является именем одного из главарей арабского племени, а также поэта, жившего в VI–VII вв. И в ашугском творчестве данное имя собственное использовано в значении богатого и щедрого человека. Касательно корней внутреннего содержания антропонимической единицы, Хатам, являясь словом арабского происхождения, выражало значения «постановляющий», «отдающий приказы, издающий законы» [9, с. 247]. В другом источнике указывается, что антропоним Хатам исходит из арабского языка, возник из значений «предводитель, правитель» [6, с. 89]. По нашему мнению, раскрытие смысла в обоих источниках может считаться достоверным, и между ними нет смысловой разницы. Если взять за основу принятие правительства династией, передачу по наследству, наречение сына правителя, предводителя таким именем вполне естественно. Следует отметить, что данное имя собственное также широко распространено в азербайджанской антропонимической системе, и у нас в особенности, употребляется в форме Хатам.

Историческая личность, известная в классической литературе и литературе Ближнего Востока, а также Азербайджана, как Нуширеван или Нуширевани, идеализирующаяся как справедливый правитель, является Сасанидским правителем Хосровом I. Он правил в 531–579 гг., принимал активное участие в подавлении маздакитского движения, завершил государственные реформы, начатые его отцом Губадом. В рассказе «Нуширеван и беседа сов», имеющемся в поэме «Сокровищница тайн» нашего великого поэта Низами, данное имя исторической личности, противопоставленное правителям-угнетателям, разоряющим страну и превращающую

её в руины, в ашугском творчестве также выражено как справедливый, защищающий порядок образ, разработано в положительном направлении.

В одном из источников указывается, что антропоним Нуширеван происходит из древнего персидского языка и имеет значение «бессмертная душа» [10, с. 238]. В другом источнике антропоним Нуширеван также указывается как слово персидского происхождения и представлен как сокращение от имени Ануширеван, со значениями «бессмертное сердце, вечная душа» [6, с. 114]. Но, по нашему мнению, относительно данного личного имени можно представить и другое этимологическое значение. Так, если разделить имя Нуширеван на компоненты «нуш» и «реван», то слово «нуш» в персидском языке означает «хороший, красивый, вкусный, лакомый» [9, с. 176], а слово «реван» используется в персидском языке в значениях «душа», «идущий, движущийся» [9, с. 184]; и таким образом, антропоним Нуширеван можно раскрыть как «красивая душа, хорошая душа», «хорошо двигающийся, имеющий красивые движения». Если взять за основу положительную направленность данных значений, наречение таким именем сына правителя вовсе не кажется неправдоподобным. В дополнение к сказанному отметим, что личное имя Нуширеван, хотя и редко, но в единой форме, а иногда в виде Ануширеван, употребляется в антропонимической системе Азербайджана.

Учёный, известный на Востоке как Афлатун, является конкретным историческим лицом, известным как греческий философ Платон. Данный мыслитель, живший в 428–348 гг. до н. э., являлся учеником Кратила, а впоследствии – Сократа. Он заложил основы идеалистической философии в античном мире [1, с. 557]. Помимо написанных в форме диалога философских произведений Платон является автором таких трудов, как «Государство», «Законы» и др., в которых развивает идеи «аристократического социализма» и указывает, что общая собственность существует для правящего аристократического класса [10, с. 84]. Одной из основных причин трансформации «Платона» в «Афлатун» является отсутствие в арабском языке буквы «п», и по этой причине Платон вошёл в восточную научную литературу, а оттуда – в художественные произведения и, наконец, в систему азербайджанских личных имён как «Афлатун».

Буквальный перевод с греческого имени Афлатун означает «широкоплечий». Однако если опираться на позицию известности Платона в Восточном мире, в некоторых источниках данного имени можно считать верным его толкование как «знающий, мудрый, философ, умелый врач, лекарь» [6, с.79].

В повседневной жизни встречается также мужское имя Афладдин, и ввиду фонетического соответствия это имя иногда связывают с личным именем Афлатун. Однако имя собственное Афладдин связано с антропонимом Афил, который в переводе с арабского означает «восходящее солнце, поднимающееся солнце» [6, с. 61], и лишь при незначительном фонетическом сходстве с Афлатуном по этимологии совершенно отличается от него.

Известный на Ближнем и Среднем Востоке Арасту, а на территории Азербайджана – Арастун является Аристотелем – античным греческим философом, одним из великих мыслителей древнего мира. Он родился в 385 г. до нашей эры в греческом городе Стагир в семье лекаря. С 17 лет он являлся учеником Платона в Афинах, после чего в 341 г. по приглашению македонского правителя Филиппа II начал преподавать его 15-летнему сыну Искендеру. Через 10 лет он, вернувшись в Афины, открыл собственную философскую школу [3, с. 39]. Он систематизировал все науки того периода, исследовал ряд важных форм диалектического мышления, выполнил серьёзную работу в области логики. Аристотель считается основателем поэтики, является автором трудов в сфере логики, поэтики, этики, политики, физики, экономики и т. д. [10, с. 82]. «Метафизика», «Физика», «О душе», «Аналитика», «Политика», «Этика Никомаха», «Поэтика» – самые знаменитые произведения Аристотеля [3, с. 39]. В системе азербайджанских личных имён антропоним Арастун также занимает определённое место. В языковедческой литературе мнений относительно этимологии данной антропонимической единицы не так уж и много. В этих источниках личное имя Арастун принято как ассимилированная форма имени Аристотель и его этимологическое толкование представляется в значениях «отличный, хороший, очень хороший» [6, с. 82].

В ашугском творчестве одним из часто встречаемых исторических личных имён является Ибн Сина. Абу Али Ибн Сина (Авиценна) является известным учёным и поэтом Ближнего и Среднего Востока. Он сыграл огромную роль в развитии философии, естествознания, а в особенности – медицинской науки. Занимался врачеванием во дворце Буидов, а ряд выдающихся трудов по философии и медицине принесли ему мировую славу. В своих основных произведениях – «Книга

исцеления» и «Книга избавления» Ибн Сина указал на пути излечения как нравственной, так и физической сущности людей, стал известным в Европе как великий врач [3, с. 58]. Ибн Сина также оказал серьёзное влияние на персидско-таджикскую поэзию и написал ряд рубаи философского толка и другие стихотворения [10, с. 96].

Одним из часто употребляемых в ашугском творчестве историко-мифологических личных имён является имя Сулейман. Это имя связано с именем Соломона – сына пророка Давида, правителя Израильского царства, жившего в конце первого тысячелетия до нашей эры. В первоначальном варианте оно выглядело как «Шоломох», а затем Соломон, и наконец – Сулейман, у нас это имя значится как Сулейман [5, с. 209]. Ввиду упоминания в священном Коране, Сулейман в исламе считается пророком. В мусульманских хадисах указывается, что он обладал необыкновенной мудростью, волшебной силой, знал язык птиц и зверей, даже ветер находился в его распоряжении, при путешествии он использовал силу ветра, привязывая к нему свой трон и армию. У Сулеймана был перстень, который он использовал в качестве печати, и он владел всем миром с помощью этого перстня. Сулейман превратил в столицу город Бейтуль-мугаддас (нынешний Гудс – Иерусалим), название которого с арабского переводится как «священный дом»; построил в городе ряд укреплений, красивых дворцов, провёл большие работы по переустройству, сыграв при этом большую роль в развитии израильского государства. Сулейман является также и поэтом и мыслителем, он автор книги крылатых выражений под названием «Агани», содержащей лирические стихи и мысли о морали [10, с. 208]. В восточном мире он символизируется как справедливый, добрый и мудрый правитель. Существуют определённые мнения об этимологии антропонима Сулейман, которые, несмотря на ту или иную степень отличия, по сути не являются полностью разными. Так, данное имя толкуется и в буквальном смысле, что означает «уверенный, защищённый, не вмешивающийся в чужие дела» [5, с. 209], и в смысле «мир, благополучие, спокойствие» [6, с. 126], что является примерно одним и тем же понятием.

Упоминаемый в ашугском творчестве Адам, согласно Корану, является первым человеком, созданным Аллахом из смешения разных видов глины, первым пророком, праотцем человечества. Аллах призвал ангелов поклониться сотворённому им существу, но ангел по имени Иблис отказался выполнять приказ Аллаха, за что был изгнан из Рая и отправлен на Землю. Иблис, задумавший отомстить, научил змею, чтобы та искусила Хавву – жену Адама, сотворённую после Адама, и побудила её вкусить плоды запрещённого в Раю дерева. За нарушение запрета Адам и Хавва были низведены с небес на землю в разных её точках, и, по легенде, встретились в Аравии, поблизости Мекки, таким образом, было положено начало человечеству [4, с. 30]. В 119-м аяте суры «Таха» Корана описывается изгнание Адама из Рая: «Адам, ослушавшись своего Господа, запутался в своём пути» [7, с. 10].

Следует отметить, что мусульманские легенды об Адаме были также описаны в Торе и вошли в Коран. По этой причине связывать слово Адам с арабским языком было бы неверным [9, с. 9]. Имена Адам и Хавва являются языковыми единицами чисто еврейского происхождения. В древнееврейском языке Адам является именем первого пророка [6, с. 61], оно означает слово «человек», превратившееся в обобщающее, означающее человека в целом. Согласно религиозному мифу, после выдворения из рая в мир Адам раскаивается в совершённом им грехе и, признав его, молит Аллаха о прощении. После прощения его Аллахом он получает пророчество [7, с. 11].

По сведениям источников Господь назвал Адама таким именем потому, что Он сотворил этого первого человека из «эдима» земли. А «эдим» на древнем языке гибти означает «почва земли, верхний слой земли» [6, с. 12].

А Хавва – это арабизированная форма еврейского имени Ева, а в переводе означает «река жизни» [5, с. 242–243]. По мифологии иудаизма, христианства и ислама, Хавва является первой женщиной в истории человечества, женой Адама, праматерью человечества [10, с. 247–248]. В некоторых источниках этимология собственного личного имени Хавва представляется как «живой, одушевлённый, жизненный» [5, с. 159], данное значение близко к упомянутому этимологическому описанию и не составляет большой разницы.

В азербайджанской системе личных имён антропонимы Адам и Хавва встречаются редко. Однако в быту можно заметить употребление имён Хава, Хаваханым, но выдвинуть заключения о связи данных собственных имён именно с именем Хавва было бы неверным. Если учесть, что воздух является важнейшим фактором для существования человека, то этимологию этих имён можно связать именно с воздухом – смесью газов, являющейся средством дыхания. Следует отметить один факт, что антропонимы Адам и Хавва также используются среди ряда европейских народов в форме Адама и Евы.

Одним из мифических имён, встречающихся в ашугском творчестве, является имя собственное Нух, связанное с древними мифами, это – один из еврейских пророков. Его ремеслом являлось плотничество, по достижении 50 лет он объявил себя пророком. И пророк Адам, и пророк Нух считаются прадедами людей. По записям в Торе, потомки Адама и Хаввы, расплодившись и расселившись по миру, начали вести себя неистово и непристойно. Выходом является только уничтожение всех этих людей и создание вместо них новых, более благородных. По тайному поручению Аллаха, пророк Нух сооружает огромный ковчег, размещает в нём членов своей семьи и по паре каждой живой твари. В это время начинается сильный ливень, вода бьёт фонтаном из-под земли, весь мир затопляется. Люди и звери тонут в воде и погибают. Остаются живыми лишь те, кто остался в ковчеге Нуха, и они прибывают к подножию горы Агры. После отхода воды история человечества начинается заново. По легенде, современные люди являются отпрысками именно из рода Нуха [10, с. 175; 5, с. 173–174] и поэтому прадедом нынешних людей считается пророк Нух. Часто причина совместного употребления имён Адам и Нух состоит именно в этом.

Антропоним Нух по происхождению исходит из древнееврейского языка. Об этимологии собственного имени в языковедческой литературе существуют различные мнения. О. Мирзаев представляет буквальный перевод слова Нух как «утешение, успокоение» [5, с. 174]. А. Пашаев и А. Баширова высказывают мнение о том, что антропоним Нух является арабизированной формой имени пророка древних евреев Ноаха и принимает значение данного собственного личного имени как «спокойствие, безмятежность, пребывание в спокойствии, безмятежности» [6, с. 113]. В книге «Словарь арабских и персидских слов, используемых в азербайджанской классической литературе» слово Нух поясняется в переносном значении как «очень древний» [9, с. 175], а в книге «Толкование имён и терминов, употребляемых в азербайджанской классической литературе» указывается, что данное имя образовалось от слова «новха», и собственное имя Нух представляется в значении «причитание». По предположению, пророк Нух, причитывая, столетиями призывал свой народ к истине, но не добился своего [10, с. 175].

По нашему мнению, при игнорировании последнего заключения, остальные этимологические пояснения вполне оправданы. Первые два заключения по содержанию совпадают. Обоснована также выдвигаемая сема «древнейший». Однако следует отметить одну особенность, азербайджанцы при наречении своих детей именами Нух, Нухбала, Нухаддин, Нуху опираются всегда не на этимологическое содержание слова, а на то, что имя является именем пророка, и ввиду роста интереса в последнее время к именам тюркского происхождения, в нашем быту имена, связанные с именем Нух, постепенно исчезают.

Источники

1. Азербайджанская советская энциклопедия. VII т. Баку, 1983.
2. Адилов М. Почему мы так говорим? Баку, 1982.
3. Алиса Ниджат. Листья из мирового философского наследия. Баку, 1991.
4. Ислам (краткая справочная книга). Баку, 1989.
5. Мирзаев О. Наши имена. Баку, 1985.
6. Пашаев А., Баширова А. Толковый словарь азербайджанских личных имён. Баку, 2003.
7. Пашаев А. Толковый словарь имён собственных, используемых в «Хамсе». Баку, 2013.
8. Проблемы азербайджанской ономастики. VIII т. / Пед. ун-т им. Н.Туси. Баку, 2000.
9. Словарь арабских и персидских слов, используемых в азербайджанской классической литературе. Баку, 1981.
10. Толкование имён и терминов, употребляемых в азербайджанской классической литературе, Баку, 1983.

Istochniki

1. Azerbaidzhanskaya sovetskaya entsiklopediya. VII t. Baku, 1983.
2. Adilov M. Pochemu my tak govorim? Baku, 1982.
3. Alisa Nidzhat. List'ya iz mirovogo filosofskogo naslediya. Baku, 1991.
4. Islam (kratkaya spravochnaya kniga). Baku, 1989.
5. Mirzaev O. Nashi imena. Baku, 1985.
6. Pashaev A., Bashirova A. Tolkovyi slovar' azerbaidzhanskikh lichnykh imen. Baku, 2003.
7. Pashaev A. Tolkovyi slovar' imen sobstvennykh, ispol'zuemykh v «Khamse». Baku, 2013.
8. Problemy azerbaidzhanskoi onomastiki. VIII t. / Ped. un-t im. N.Tusi. Baku, 2000.
9. Slovar' arabskikh i persidskikh slov, ispol'zuemykh v azerbaidzhanskoi klassicheskoi literature. Baku, 1981.
10. Tolkovanie imen i terminov, upotreblyaemykh v azerbaidzhanskoi klassicheskoi literature, Baku, 1983.

Статья поступила в редакцию 07.07.2015

УГОЛ ЗРЕНИЯ

ANGLE VIEW

УДК 316.75 : 130.2
ББК 84.6

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Луганский государственный университет им. В. Даля
(91034, г. Луганск, квартал Молодёжный, 4),
e-mail: darenskiy1972@yahoo.com

Русский патриотизм и «русофобия» как детерминанты политической культуры (экзистенциальный аспект)

В статье рассматривается проблема экзистенциальных корней патриотизма и русофобии в русской культуре. Анализируются философско-антропологические аспекты концептов русского патриотизма и русофобии, позволяющие раскрыть некоторые важные аспекты политической культуры в России и её исторические детерминации. Исследование основано на методе «экзистенциального анализа». Показано, что экзистенциальным основанием русофобии становится вера людей в собственную непогрешимость и революционную необходимость, наделяющая их уверенностью в праве насильственно ломать традиции. Анализируется проблема предрассудков в исследованиях русского патриотизма и русофобии. Рассмотрены признаки русофобии и влияние социокультурной ситуации Постмодерна на формирование современного типа русофобии. Определены четыре основных предрассудка в современных интерпретациях патриотизма и русофобии: 1) относительно русского патриотизма как «националистического» феномена; 2) относительно русского патриотизма как «консервативного» феномена; 3) относительно русофобии как «интеллигентского» феномена; 4) относительно русского патриотизма как якобы «авторитарного» феномена. Автор предлагает экзистенциальную концепцию природы русского патриотизма и русофобии, в которой делается акцент на обращении к опыту человеческой свободы? либо отказу от неё, свойственному человеку в рамках определённых культурных условий.

Ключевые слова: русский, патриотизм, русофобия, политическая культура, экзистенциальный анализ.

Vitaliy Yurievich Darenskiy,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
V. Dal' Lugansk State University
(4 Molodezhny block, Lugansk, 9103),
e-mail: darenskiy1972@yahoo.com

Russian Patriotism and "Rusophobia" as Determinants of Political Culture (an Existential Aspect)

The problem of existential roots of patriotism and "rusophobia" in Russian culture is considered in this article. The paper gives analysis of philosophic and anthropologic dimension of the concepts of patriotism and "rusophobia", which make it possible to discover hidden dimensions of Russian political culture and its historical determinations. The author's research is based on the method of "existential analysis". It has been accentuated that "rusophobia" captures the unflinching belief in a revolutionary necessity that grants the unleashed violent crushing of traditions with frighteningly good conscience. The author considers the problem of prejudices in contemporary studies of patriotism and "rusophobia". Kinds of patriotism and "rusophobia" in modern Russian history are revealed and classified; influences of Post-modern social and cultural conditions over contemporary "rusophobia" are defined. The author defines four basic prejudices of totalitarianism interpretations, which are: 1) about Russian patriotism as a "nationalist" phenomenon; 2) about Russian patriotism as a "conservative" phenomenon; 3) about "rusophobia" as an "intelligence" phenomenon; 4) about Russian patriotism as an "authoritarian" phenomenon. The author proposes his own interpretation of Russian patriotism and "rusophobia" as existential phenomena in a context of

© Деренский В. Ю., 2015

cultural studies emphasizing that his conception is based on rethinking of universal human experience, which is necessarily linked with a source of human freedom.

Keywords: Russian, patriotism, “rusophobia”, political culture, existential analysis.

Русский патриотизм – и как явление массового сознания, и как особый духовный опыт сознания индивидуального – во все времена, а в наше время в особенности, существует в условиях противостояния и борьбы с прямо противоположным ему феномену, традиционно именуемому «русофобией». Патриотизм сам по себе является естественным явлением, поэтому в обычных условиях он не проявляется в форме особого мировоззрения. Необходимость специальной мировоззренческой рефлексии патриотического сознания возникает только в особых критических, мобилизационных ситуациях. Но спецификой России является то, что в таком состоянии русский патриотизм вынужден находиться постоянно в силу целого ряда причин, о которых будет сказано далее. Особенностью России и других стран Русского мира является то, что в них проживает огромная масса людей, настроенных враждебно по отношению к своей большой Родине, поскольку их «идеалом» является западная цивилизация – точнее, в современную эпоху «идеалом» стало «потребительское общество» всех стран так называемого «золотого миллиарда». Эта враждебность проявляется в распространении сначала среди интеллигенции (в XIX – нач. XX в.), а в настоящее время уже и среди самых широких слоёв населения целой системы крайне негативных взглядов на историю, государственность и культуру России, основанных на невежестве и сознательной вражде. Эта система взглядов представляет собой идеологию русофобии, распространение которой является целой индустрией «промывки мозгов», частично финансируемой из-за рубежа, но во многом являющейся и результатом собственной инициативы людей, работающих в российской системе образования и СМИ, поскольку русофобские взгляды уже являются глубоко укоренившимися среди части населения.

В настоящее время появились серьёзные академические исследования феномена русофобии, среди которых в первую очередь стоит выделить статью философов В. П. Бабинцева и В. П. Римского «Матрица русофобии в самосознании русской интеллигенции» [3]. В этой статье впервые предложен экзистенциальный анализ предпосылок распространения русофобии в обществе. В статье мы продолжим работу в этом направлении.

Причиной распространения русофобской идеологии является не только невежество людей относительно реальной русской истории и культуры, что позволяет легко внушать им какие угодно взгляды, но, в первую очередь, особое *духовное состояние народа, при котором он и не хочет знать ничего позитивного о своей Родине*, поскольку его «идеал» – «потребительское общество» – хотя частично уже развито и в России, но в силу объективных причин не может (к счастью!) достичь здесь своего полного господства. Но именно это обстоятельство, воспринимаемое такими людьми как якобы «вечная отсталость» России, и является главной причиной распространения русофобии и как особого психологического настроя, и как целой идеологической системы взглядов. Очевидно, что и жизнеспособность России как государства, и перспектива возрождения цивилизации Русского мира фундаментально зависят от успешной борьбы с русофобией во всех её проявлениях, причём в первую очередь, с её распространением не среди наёмных лжецов из числа «интеллектуалов», а среди самих этнических русских на уровне массового, легко манипулируемого сознания.

Одни лишь просветительские усилия в этом направлении сами по себе малоэффективны не только в силу падения общего культурного уровня людей (это общемировая, а не только российская тенденция), но прежде всего, в силу того нездорового духовного состояния, которое делает людей неспособными ни к пониманию своей Родины, ни, уже как следствие этого, к подлинному патриотизму. Задачей данной статьи является краткий анализ этого состояния в его сопоставлении с духовной основой патриотизма и, в свою очередь, их влияния на политическую культуру общества.

Исследование «духовных основ» какой-либо системы взглядов – это метод *экзистенциального анализа*, т. е. исследование того, какой базовый смысл лежит в основе определённого мировоззрения, а этот смысл, в свою очередь, всегда основан «на принципе осознания ответственности» [11, с. 157]. Этот базовый смысл, определяющий направленность человеческих интересов, позволяет понять, почему избирается человеком та или иная идеология. Побороть деструктивную идеологию, каковой является русофобия, можно только показав *низость* и примитив-

ность лежащего в основе неё базового смысла. В свою очередь, придать большую силу и убедительность патриотической системе взглядов также можно не только просветительством, но и ещё более фундаментальным путём – сделать лежащий в её основе базовый смысл всё более ясным и отчётливым, глубоко охваченным жизненной рефлексией человека и отвечающим на его жизненные вопросы.

Упомянутые низость и примитивность базового смысла русофобии, который состоит в гедонистически-эгоистическом отношении к жизни и соответствующем мировоззрении, приводят к тому, что *Россия становится предметом ненависти именно как страна, которая не может обеспечить такому гедонисту-эгоисту максимальный комфорт жизни*. И если чётко и настойчиво формулировать этот низменный и примитивный базовый смысл русофобии, то очень многие из тех, кто стал русофобом под чьим-то дурным влиянием, излечатся от этой болезни духа, так как такой смысл им тоже отвратителен. Ведь на массовом уровне русофобия, как правило, является результатом внушения и пропаганды, и такие люди просто не осознают её мировоззренческих оснований. Их просто нужно чётко им указать.

Однако заметим, что не только на уровне базового смысла, но и на уровне своих стандартных рассуждений русофобия обычно демонстрирует крайне примитивный тип мышления. Например, для демонстрации «преимуществ» западной цивилизации русофобы обычно используют стандартный аргумент: «Езжайте и посмотрите…», – имея в виду, как всё «хорошо развито» на Западе, и как в России «всё плохо». Правда, со временем разница становится всё меньшей, однако дело не в этом, а в самом «аргументе». Он основан на полном непонимании того, как устроен современный мир. Запад достиг своего так называемого «благосостояния» за счёт блокирования развития всего остального мира, а часто и прямого грабежа и эксплуатации. В свою очередь, из всех стран мира Россия в XX веке в наибольшей степени подвергалась грабежу и агрессии со стороны Запада. После 1991 г. Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран «третьего мира», которые не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируема Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. Совершенно абсурдно сравнивать «благосостояние» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир). (А когда Россия стала возрождаться и выходить из «третьего мира», Запад вновь, естественно, всячески старается этому помешать). Однако это, казалось бы, элементарное знание миросистемного анализа, оказывается совершенно недоступным уму русофобов, мнящих себя «интеллектуалами». Именно на этом уровне уже крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются просто дезориентированными собственным невежеством.

Соответственно, нужно столь же чётко и настойчиво формулировать базовый смысл русского патриотизма, который состоит в понимании жизни как усилия созидания, даже подвига, которые возможны только ради Родины, но отнюдь не ради своего ничтожного ego. (Ради ego, то есть ради личной корысти и комфорта подвиг невозможен в принципе; но именно ради ego совершаются все подлости, предательства и прочие злодеяния). Русская история в целом всегда была не просто трудной, но даже страдальческой и трагической – но именно поэтому человек, воспринимающий жизнь как подвиг, а не развлечение и погоню за комфортом, всегда чувствует её *своей*, хочет *приобщиться* к ней и к народу, который свершил подвиг такой величественной и тяжкой истории. Например, такое героическое ощущение жизни очень хорошо передано в стихотворении Я. Смелякова «История»:

И современники, и тени
в тиши беседуют со мной.
Острее стало ощущенье
шагов Истории самой…

Как словно я мальчонка в шубке
и за тебя, родная Русь,
как бы за бабушкину юбку,
спеша и падая, держусь.

Но для человека с гедонистически-эгоистическим отношением к жизни, требующим от неё только комфорта и корысти, русская история всегда будет казаться страшной и непонятной, никакого подвига он в ней не увидит, потому что просто духовно *не способен* видеть это – и никакими фактами его не переубедишь. Но можно остановить агрессию этого вируса слепоты.

Экзистенциальные истоки русофобии рассматривались многими авторами, писавшими на эту тему. В частности, И. Р. Шафаревич, впервые концептуально использовавший

сам термин «русофобия» в одноименной работе 1980 г., для объяснения этого феномена использует концепцию французского историка Революции 1789 г. Огюстена Кошена, условно разделившего страну на «большой народ» и «малый народ» в соответствии с принципиальным различием их мировоззрений. «Фобия» присуща «малому» народу по отношению к «большому» не потому, что он «малый», но потому, что он сам враждебен «большому», ибо хочет господствовать над ним. «Оторванность от психологии “Большого Народа”, неспособность понять его исторический опыт, которая в обычное время могла бы восприниматься как примитив или ущербность, в кризисных ситуациях обеспечивает возможность особенно смело резать и кроить его живое тело», – отмечает И. Р. Шафаревич [13, с. 474]. Тем самым, экзистенциальной причиной фобии по отношению ко всему народу у отделившейся от него группы является *воля к власти* и *желание эксплуатации*, а это невозможно осуществить иначе, чем путём лишения «большого народа» его подлинной исторической памяти и основанного на ней самосознания. Эта отделившаяся группа, условно именуемая «малым народом», чисто этнически – в основном та же самая, что и «большой народ», ведь главная причина этого отделения – именно экзистенциальная: это *духовно-нравственный* отрыв от своего народа.

Всё это в полной мере относится и к русофобии. С момента своего возникновения и до настоящего времени эта система взглядов, рассчитанная на невежество обрабатываемых ею людей, всегда была и остаётся инструментом духовной оккупации России западной цивилизацией с целью эксплуатации её ресурсов и устранения её как геополитического конкурента. При этом Запад всегда пользуется методом активной поддержки «малого народа» с целью внутреннего ослабления, дезориентации и разрушения «большого народа» и его страны. Особенностью современной эпохи является то, что «малый народ» – то есть ненавистники собственной Родины – стал очень многочисленным, почти равным с народом «большим» (именно на это рассчитаны технологии «цветных революций»). Кроме того, он получает мощнейшую поддержку извне. Как пишет Н. А. Нарочницкая, «современная пресса Запада демонстрирует такой антирусский накал, которого не было даже в период “холодной войны”… Запад будет всегда демонизировать лидера, который хочет сильной и самостоятельной России… как только Россия начинает “сосредоточиваться” и искать формы самовосстановления и укрепления, восстанавливать контроль за своими ресурсами, её обвиняют в фашизме и отступлении от демократии… Сопротивление – это возврат к “тоталитаризму”, а любая защита национального достоинства и истории – это “русский фашизм”» [7, с. 69]. Эта обычная стратегия Запада на современном околонаучном жаргоне именуется «войной дискурсов», в нравственных человеческих понятиях – лицемерной ложью, а на языке геополитики – борьбой с очагами возрождения обманутой и ограбленной им страны.

Стратегия Запада понятна и естественна – он всегда так относился и будет относиться ко всему остальному миру, и за счёт этого некоторое время «процветал». Цивилизация, в которой «высшими» (псевдо)ценностями стали корысть, нажива и эгоизм, никакой другой быть и не может, поэтому здесь экзистенциальный анализ излишен. Но он очень нужен там, где точно так же, как и Запад, без всякого принуждения начинают мыслить и сами русские.

Очень хороший пример именно экзистенциального анализа русофобии «малого народа» даёт донецкий автор Евгений Чернышев: «Такая позиция очень удобна – я хороший, а страна плохая; вот на Западе живут “как люди”, поэтому Отечество можно хаять – всё равно не жалко. В основе этого лежит малодушие. В самом деле, как много людей нашли себе хорошую нишу – обливать грязью Родину, оправдываясь её “отсталостью”, и потихоньку паразитировать на её богатствах... урвать для себя, пока в “этой стране” есть возможность... Вот почему “демократы” всех мастей боятся настоящего улучшения – они потеряют свой ресурс паразитирования на трудностях, свою легитимность, ибо их ложь и намерения станут явными. И они всеми силами пытаются внушить нам ненависть к самим себе, к нашей истории, к нашим предкам, к нашей культуре, распространяя химеру “нормальных европейских стран” и заражая ею всех, кого удастся заразить» [12]. Действительно, как показывает большой опыт общения с этим типом людей, это их стандартный психологический ход: почувствовать себя «очень хорошим», особо культурным и даже «избранным» – не за счёт собственных личных качеств, а за счёт сознательного унижения своей страны. «Логика» здесь самая подлейшая: раз я так ругаю свою страну, то значит, сам я совсем не такой, а наоборот, особо далёкий от всей этой мерзости и пото-

му с «праведным гневом» её осуждаю. И как показывает тот же опыт, обычно здесь бывает ещё и особое лицемерие: так, самые наглые взяточники больше всех кричат о коррупции в «этой стране»; самые отъявленные хамы – соответственно, о её «хамстве»; полные невежды в русской истории – о «невежестве России»; а «российскую власть» большего всего не любят как раз самые жестокие и беспринципные властолюбцы – и т. д. Этот феномен вообще известен давно. Известный театральный деятель князь С. Волконский в своих «Воспоминаниях» сделал такой вывод: «именно те люди, которые больше всего о свободе и равенстве говорят, те менее всего внутренне свободны и больше всего против равенства грешат» [5, с. 199]. Автор имел в виду как раз этот тип людей, очень распространённый у интеллигенции начала XX в.

Внешне феномен такого явного лицемерия кажется парадоксальным, но на самом деле он, наоборот, глубоко закономерен на уровне человеческой экзистенции. Эту закономерность в своё время чётко концептуализировал выдающийся русский учёный и мыслитель академик А. А. Ухтомский. Он писал о ней так: «Мы воспринимаем лишь то и тех, к чему и к кому подготовлены наши доминанты, т. е. наше поведение. Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т. е. если наша деятельность и поведение направлены сейчас в другие стороны... Пока человек не освободился ещё от своего Двойника, он, собственно, не имеет ещё Собеседника, а говорит и бредит сам с собою… завистнику и тайному стяжателю чудятся и в других стяжатели; эгоист именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами. Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть вместе с тем и тайное… самооправдание» [1, с. 179–183]. Этим экзистенциальным установкам соответствуют два противоположных способа истолкования других людей и явлений: «в первом случае человек домогается равенства тем, что *стаскивает другого с его высоты до своего уровня*, принижает его до себя. В другом случае он домогается того же равенства, но тем, что *усиливается подняться со своего низа до того высшего*, в котором видит другого» [1, с. 170]. Этим двум способам чётко соответствуют русофобия и русский патриотизм. Русофобия опускает образ России до уровня своего понимания, действующего лишь в категориях корысти и эгоизма: и отсюда полное непонимание сути России и российского государства как *содружества народов*, объединившихся для противостояния внешней агрессии сначала Азии, а затем Европы. Наоборот, патриотизм как мировоззрение стремится поднять понимание России до того уровня прозрения смысла бытия народа, который был у великих русских святых, у мыслителей, писателей, поэтов, да и в самом народном сознании, ещё не замутнённом сознательным обманом и идеологическими манипуляциями.

Эту духовную разрушительность русофобии, из-за которой «бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть» – первым глубоко исследовал Достоевский. Вот, например, что говорит Шатов Степан Трофимовичу Верховенскому, старому либералу-«народолюбу»: «Вы мало того что просмотрели народ, – вы с омерзительным презрением к нему относились, уж по тому одному, что под народом вы воображали себе один только французский народ, да и то одних парижан, и стыдились, что русский народ не таков. И это голая правда! А у кого нет народа, у того нет и Бога! Знайте наверно, что все те, которые перестают понимать свой народ и теряют с ним свои связи, тотчас же, по мере того, теряют и веру отеческую, становятся или атеистами, или равнодушными. Верно говорю! Это факт, который оправдается. Вот почему и вы все и мы все теперь – или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь, и ничего больше!» [6, с. 38].

Итак, дело не только в том, что под показным «народолюбием» сначала либералов, а затем революционеров спрятана самая жестокая русофобия – то есть ненависть и непонимание сущности *реальной*, а не воображаемой ими России, – дело ещё и в том, что русофобия, как правильно заметил Шатов, разрушает личность, превращая в конце концов человека в «равнодушную, развратную дрянь, и ничего больше». Это очень глубокая, фундаментальная экзистенциальная закономерность. Когда Шатов говорит, что «у кого нет народа, у того нет и Бога», – это ни в коем случае нельзя понимать как некое идолопоклонство перед народом, каким бы он ни был – хотя бы и таким великим, как русский. Смысл здесь совсем другой. Речь идёт о том, что неспособность любить народ таким, какой он есть и ощущать свою жертвенно-героическую причастность к нему, к его прошлому,

настоящему и будущему есть признак а-религиозности души, атрофии способности к подлинной любви и подлинной вере.

Для понимания истоков русофобии очень важен тот факт, что она впервые ярко манифестируется именно в «золотой век» русской культуры. Так, в июле 1834-го добровольный эмигрант Владимир Печерин прислал из-за границы в Петербург письмо со стихами, которые навсегда остались самым радикальным примером русофобии, исходящей не от внешних врагов или инородных этносов, но возникающей на почве западнических «идеалов» интеллигенции, этнически совершенно русской по происхождению:

Как сладостно – отчизну ненавидеть
И жадно ждать её уничиженья!
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья!

Каким образом объяснить появление таких настроений не просто у русского человека, но ещё и дворянина, предки которого много поколений верой и правдой служили дорогому им Отечеству? В этом поэтическом признании мы ещё не найдём тех экзистенциальных закономерностей возникновения русофобии, о которых было сказано выше – «двойничества» и желания самовозвеличиться за счёт унижения своей страны. Здесь явно есть какая-то ещё одна закономерность иного типа. На наш взгляд, она состоит в следующем. После преобразований Петра I уже несколько поколений дворян воспитывались на идолопоклонстве перед европейской культурой; поначалу это ещё не затрагивало их любви к России, но постепенно, уже в третьем-четвертом поколении это внутреннее противоречие дало катастрофические последствия. Появилось поколение, в котором очень большая часть людей посмотрели на Россию уже совсем *чужим* взглядом – взглядом тех иностранцев-гувернёров, которые воспитывали их с детства. Но если у некоторых, например у «декабристов» или Чаадаева, этот иностранный взгляд ещё как-то сочетался и с патриотизмом, то люди типа Владимира Печерина были уже абсолютно последовательны – с точки зрения их «европейского просвещения» Россия им показалась только лишь странным историческим недоразумением, стоящим на пути «прогресса».

Альтернативой этому мировоззренческому тупику, в который попадали люди типа Печерина (этот тип с тех пор становился все многочисленнее, а в наше время фактически стал даже массовым), были следующие варианты: 1) считать Россию «тоже Европой», хотя и «отсталой» – это путь «западников», самый бесплодный в культурном отношении; 2) путь, открытый Пушкиным, на котором создано всё лучшее в русской культуре XIX–XX вв., – использовать европейские достижения для своего, специфически *русского прогресса*, основанного на нравственном преображении народа.

В феномене людей типа Печерина, как уже было сказано, есть важный аспект, который очень много даёт для понимания истоков русофобии в самой России. (На Западе исток его извечной русофобии иной – он состоит в том, Россия стала первой в истории страной, которую Запад пытался сделать своей колонией, но это у него не получилось). Дело в том, что этот тип возникает как раз в эпоху «золотого века» русской культуры, в эпоху самых высоких образцов именно *русской* культуры, уже завершившей период простой рецепции европейских достижений. И очень амбициозным людям типа Печерина, чтобы чего-то добиться на этом поприще, нужно было творить на уровне, хотя бы сопоставимом с уровнем Пушкина, Гоголя, Тютчева и Баратынского (а уже на «подходе» Толстой, Фет, Достоевский и др.). Но это ведь путь единиц – а их целое поколение – гордецов с амбициями. Они понимают, что это невозможно. Но признаться в своей посредственности, при всем их «блестящем образовании» – для них совершенно невозможно. *Такие* люди на это не пойдут никогда. Что же им остаётся? Единственный выход – объявить Россию и её культуру несостоятельными либо, на крайний случай, обвинить в каких-то несмываемых грехах: например, в том, что она подражательная или же в том, что это культура «имперского угнетения» малых народов. По первому пути до сих пор идут «западники», по второму – разного рода этнические сепаратисты. В реальности оба эти пути приводят к культурному бесплодию, т. к., оторвавшись от своей *реальной* национальной (а не сословной или узко-этнической) русской почвы, и те и другие на самом деле не имеют никакой другой. Их попытки объявить себя представителями «европейской культурной традиции» в противоположность некой русской «азиатчине» иногда бывают эффективны только лишь на уровне лживой политической пропаганды, но на уровне реального творчества не приводят ни к чему, кроме весьма убогого, хотя и претенциозного подражательства.

Однако этих людей можно и нужно понять. Вхождение в русскую культурную тра-

дицию всегда требует особого духовного *усилия*, требующего *самотрансформации* человека, его тяжёлой работы над собой, отказа от многих предрассудков, внушённых цивилизацией гедонизма и эгоцентризма. А это усилие делать трудно и не каждому хочется. Предельное устремление, сущность и смысловое «ядро» самобытной русской культуры – это *преображение человека*. Принцип *духовного* преображения человека, всегда лежащий в основе самобытной цивилизации Русского мира, разнообразен в своих проявлениях, в охватывании всего многообразия жизни. Но наиболее ярко и доступно для понимания всех он выразился в великой русской литературе. Как писал ещё в своё время В. В. Розанов, «западным людям русская литература открыла эру нового нравственного миропорядка», причём Запад «преклонился вовсе не перед *художеством* русских писателей, довольно неуловимым в переводе, но перед новым нравственным миропорядком, какой открывался просто картинами русской жизни и характерами русских людей… мне пришлось… услышать рассказ о том необыкновенном и *исцеляющем* действии, какое русская литература производит на иностранцев, на американцев, немцев, англичан “в несчастии”, в “ломке жизни”, в “крушившейся судьбе”» [10, с. 285]. Но такое «необыкновенное исцеляющее действие» – это именно особое духовное преображение человека, внесённое в мировую литературу многовековым опытом русского народа. Поэтому по-настоящему понять её вершины можно только любовью к народной «почве».

В свою очередь, стать эпигоном западной культурной традиции намного легче и приятней – она никаких особых усилий не требует и никакого преображения не обещает. Для культуры Запада «архетипическим» являлся принцип «самореализации» человека, т. е. развёртывания им своих «сущностных сил» с целью «покорения мира». Этот принцип является «пост-христианским», порождённым культом смертного ego. Для культурного сознания Запада таким «архетипическим» сюжетом является «Фауст» – сюжет приобретения могущества за счёт компромисса с силами зла. Для русского сознания «архетипическим» сюжетом является Пушкинский «Пророк» – сюжет преображения человека, достигаемого через духовное «второе рождение» и покаяние. И глубинный выбор между патриотизмом и русофобией – это выбор именно между этими двумя сюжетами бытия.

Подвиго-жертвенный характер всей русской истории также является прямым выражением понимания сущности земной жизни как *преображения человека*, что в утончённо-поэтической форме манифестировано, например, в гениальном стихотворении «Эти бедные селенья...» Ф. И. Тютчева. Смысл стихотворения обычно вызывает недоумение у читателей, отчуждённых от традиционного народного сознания. Ведь «бедность» селений, «скудость» природы и соответствующее им долготерпение тягот земного бытия как основная нравственная черта народа поняты здесь не как «естественно-исторические» факторы, но именно как духовные категории, явственно свидетельствующие об особой направленности исторического бытия народа, конкретно выраженной в выборе именно таких условий и такого подвига. «Тайное свечение» – это тот способ явленности самых глубоких законов жизни, которые определяют подлинное бытие человека, в отличие от низменной навязчивости повседневных «фактов». «Гордый взор» человека, желающего, чтобы ему всё было обеспечено и дано, не соответствует подлинному человеческому бытию, а потому он «не поймёт и не заметит» здесь самого главного. Выбор смиренного долготерпения тягот земного бытия как сущности национального бытия, естественно, не может произойти на каких-либо иных основаниях, кроме православно-христианских. А поскольку сама способность к смиренному несению своего креста всегда есть дар благодати, то образ Царя Небесного, ходящего по Русской земле и благословляющего её на этот подвиг, имеет в стихотворении отнюдь не условно-метафорический, а подлинный духовно-реалистический смысл. И Царь Небесный ходит по Руси именно «Удручённый ношей крестной» – тем самым *путь Руси и русского народа прозревается здесь как подобие пути Христа на Голгофу*. Как писал об этом стихотворении С. А. Аскольдов, в нём Ф. И. Тютчев «понял, что это долготерпение было не простое усилие воли… но именно крест, носимый во имя Христа и мистически сливающийся с Его крестной ношей… Да, слово “рабская” не было позорной кличкой для России былых времен, поскольку это рабство как-то отождествлялось с “рабским видом” Христа. И эту тайну слияния если не понимало, то, несомненно, чувствовало народное сознание» [2, с. 41].

В свою очередь, неизменная трагичность и катастрофизм русской истории свидетельствуют как раз о том, что русский народ не из-

меняет своему подлинному призванию. Ещё более важно и понимание того, что русский патриотизм в своём экзистенциальном основании всегда является выражением подлинно христианского мировосприятия – причём, что особо важно, даже и в тех случаях, когда у человека утрачена вера из-за отсутствия соответствующего воспитания. Это феномен XX века. «Советский человек», считающий себя «атеистом» просто потому, что имеет о религии очень смутное и крайне искажённое представление, обычно был по складу своей души более похожим на настоящего христианина, чем западный человек – часто внешне весьма набожный, но при этом живущий интересами и страстями, которые к христианству не имеют никакого отношения (корысть, индивидуализм, эгоизм и стремление к земному комфорту). Поэтому вполне естественно, что в настоящее время Русский мир является единственным регионом мира, в котором происходит религиозное возрождение, в то время как на Западе наблюдается стремительный упадок религиозности, причём без всякого принуждения, как это было в СССР. «Советский человек» сумел сохранить православную «структуру души» именно благодаря своему жертвенному патриотизму. А массовой основой современной русофобии стал так называемый «совок», которого абсолютно ошибочно отождествлять с тем подлинным советским человеком, который победил объединённых Гитлером многонациональных европейских агрессоров, стремительно восстанавливал страну после страшных разрух и создавал выдающуюся технику, искусство и науку. «Советский человек» был человеком, выкованным ещё православной цивилизацией – но СССР он уже не воспроизводился. СССР воспользовался этим бесценным человеческим ресурсом, но сам смог создать лишь «совка» – корыстолюбивое существо, преклоняющегося перед «благами Запада», уже открыто презиравшее свою страну и радовавшееся её гибели в 1991 г.

Но современный «soft-тоталитаризм» потребительского общества даже намного превосходит по эффективности методы контроля репрессивного тоталитаризма XX в. Как справедливо отмечает О. Неменский, «если мы посмотрим на современные западные общества, то увидим, что там контроль над сознанием общества несравнимо более высокий, чем в СССР и Германии 30-х гг.; и государственная пропаганда, и сплочённость вокруг общей идеологии – единственно верных принципов, представленных ныне действующей политической системой. Даже сама идея осуждения “коммунистической идеологии и преступного режима СССР” – это лишь попытка утвердить другую тоталитарную систему. Которая, конечно, опять же является и “истинно демократичной”, и “подлинно народной”» [8].

Очевидно, что современные русофобы, на поверхности апеллирующие к «свободе» мнений и всего остального, в реальности являются *носителями идеологии колониализма* и агентами его становления в тех странах, которые ещё не полностью контролируемы Западом и пытаются развиваться самостоятельно. И самой неприятной для них в этом отношении является именно Россия как страна, имеющая такой культурный «код», который способен очень эффективно сопротивляться любой духовной экспансии и обеспечивать быстрое возрождение страны после исторических катастроф.

Однако это сопротивление должно быть организованным.

Выступая в Таврическом университете 9 ноября 1920 г., перед самым падением Белого Крыма, В. И. Вернадский подвёл итог той исторической «миссии» интеллигенции, которая стала первопричиной русской катастрофы 1917 г.: «Никогда в истории не было примера, чтобы мозг страны – интеллигенция не понимала, подобно русской, всего блага, всей огромной важности государственности. Не ценя государственности, интеллигенция, несмотря на длительную борьбу за политическую свободу, не знала и не ценила чувства свободы личности» [4, с. 568]. И на почве такого сознания, свойственного интеллигенции, как нельзя лучше развивалась и русофобия. Уже к концу XIX в. она здесь стала доминирующей.

Эту ситуацию хорошо описал В. В. Розанов в «Опавших листьях», вспоминая годы своей молодости (1880–1890): «Я понял, что в России “быть в оппозиции” – значит любить и уважать Государя; что “быть бунтовщиком” в России – значит пойти и отстоять обедню, и, наконец, “поступить как Стенька Разин” – это дать в морду Михайловскому… Я понял, где корыто и где свиньи, и где – терновый венец, и гвозди, и мука. Потом эта идиотическая цензура, как кислотой выедающая “православие, самодержавие и народность” из книг; непропуск моей статьи “О монархии”, в параллель с покровительством социал-демократическим “Делу”, “Русскому богатству” etc. Я вдруг опомнился и понял, что идёт… левая “опричнина”, завладевшая всею Росси-

ею» [10, с. 290]. С тех пор изменились исторические реалии, но общая закономерность осталась той же самой: честное служение государству Российскому русофобами воспринимается как «рабство» и приспособленчество – по тому принципу «двойничества», о котором было сказано выше: поскольку сами русофобы находятся в рабстве у своих иностранных спонсоров и кумиров и всегда приспосабливаются к их требованиям, включая откровенную ложь.

Краткий анализ поставленной проблемы указывает на очень чёткие противоположные экзистенциальные основания русского патриотизма и русофобии. В первом случае это тип человека, воспринимающего жизнь как честное служение своему народу и своему государству, как «жизнь по совести»; во втором – это тип гедониста-эгоцентриста, презирающего свой народ и ненавидящего своё государство за то, что для них ему следует отказываться от части индивидуалистических интересов ради общего блага. Именно по этой разделительной черте и проходит конфликт двух противоположных политических культур в современной России.

Список литературы

1. А. А. Ухтомский в дневниках и письмах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 436 с.
2. Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: сб. статей о русской революции. М.: Изд. МГУ, 1990. С. 36–53.
3. Бабинцев В. П., Римский В. П. Матрица русофобии в самосознании русской интеллигенции // Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура: материалы междунар. конф.: М. Белгород: ИФ РАН, БелГУ, 2013. С. 31–45.
4. Вернадский В. И. Русская интеллигенция и новая Россия // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. С. 568–569.
5. Волконский С. Мои воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Искусство, 1992. 386 с.
6. Достоевский Ф. М. Бесы // Собр. соч. в 15 т. Т. 7. Л.: Наука, 1990. 846 с.
7. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 80 с.
8. Неменский О. Если бы Гитлер победил СССР, современная Европа считала бы его великим спасителем [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news/analitics/1431866.html (дата обращения: 28.04.2015).
9. Розанов В. В. Возле «русской идеи» // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 281–290.
10. Розанов В. В. Уединённое. М.: Политиздат, 1990. С. 87–370.
11. Франкл В. Общий экзистенциальный анализ // Франкл В. Человек в поисках смысла: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 157–283.
12. Чернышев Е. Химера «европейского выбора» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/e_chernyshev (дата обращения: 03.05.2014).
13. Шафаревич И. Р. Русофобия // Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? М.: Сов. писатель, 1991. С. 389–487.

References

1. A. A. Ukhtomskii v dnevnikakh i pis'makh. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1992. 436 s.
2. Askol'dov S. A. Religioznyi smysl russkoi revolyutsii // Iz glubiny: sb. statei o russkoi revolyutsii. M.: Izd. MGU, 1990. S. 36–53.
3. Babintsev V. P., Rimskii V. P. Matritsa rusofobii v samosoznanii russkoi intelligentsii // Problemy rossiiskogo samosoznaniya: patriotizm, grazhdanstvennost' i otechestvennaya kul'tura: materialy mezhdu-nar. konf.: M. Belgorod: IF RAN, BelGU, 2013. S. 31–45.
4. Vernadskii V. I. Russkaya intelligentsiya i novaya Rossiya // Vernadskii V. I. Biosfera i noosfera. M.: Rol'f, 2002. S. 568–569.
5. Volkonskii S. Moi vospominaniya: v 2 t. T. 2. M.: Iskusstvo, 1992. 386 s.
6. Dostoevskii F. M. Besy // Sobr. soch. v 15 t. T. 7. L.: Nauka, 1990. 846 s.
7. Narochnitskaya N. A. Za chto i s kem my voevali. M.: Minuvshee, 2005. 80 s.
8. Nemenskii O. Esli by Gitler pobedil SSSR, sovremennaya Evropa schitala by ego velikim spasitelem [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.regnum.ru/news/analitics/1431866.html (data obrashche-niya: 28.04.2015).
9. Rozanov V. V. Vozle «russkoi idei» // Russkaya ideya: sb. proizvedenii russkikh myslitelei. M.: Airis-press, 2004. S. 281–290.
10. Rozanov V. V. Uedinennoe. M.: Politizdat, 1990. S. 87–370.
11. Frankl V. Obshchii ekzistentsial'nyi analiz // Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik. M.: Pro-gress, 1990. S. 157–283.
12. Chernyshev E. Khimera «evropeiskogo vybora» [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://vk.com/e_chernyshev (data obrashcheniya: 03.05.2014).
13. Shafarevich I. R. Rusofobiya // Shafarevich I. R. Est' li u Rossii budushchee? M.: Sov. pisatel', 1991. S. 389–487.

Статья поступила в редакцию 23.05.2015

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объём
статья (*теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором*)	0, 5 п. л. *(20 000 знаков)*
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. *(12 000 знаков)*
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. *(8 000 знаков)*

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, ***если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.***

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

Структура статьи, представляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (150–200 слов) на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2 см; левое и правое – 2,5 см. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25 см. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставится дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТ Р. 7.0.5–2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Архивные источники и законодательные материалы, комментарии и пояснения даются в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицы) и I (римской единицы или буквы «и») и т. д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Чёрно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170х240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисуночные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу**:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный университет, для «Редакции научных журналов ЗабГУ».

Редактор Т. Р. Шевчук
Редактор перевода В. М. Ерёмина
Дизайн обложки: В. В. Михалев
Вёрстка: Г. А. Зенкова

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial». Сдано в печать 15.09.15.
Усл. печ. 17,3.
Усл. изд. л. 14,1.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 16515.

Забайкальский государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Managing editor T. R. Shevchuk
Editor of the English Translation
V. M. Eryomina
Cover design: V. V. Mikhalev
Make-up: G. A. Zenkova

Format 60×84 1/8. Offset paper
Headset «Arial». Signed to print 15.09.15.
Con. quires 17,3.
Con. pub. quires 14,1.
Circulation 1000 copies.
Order № 16515.

Transbaikal State University,
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.